

ДАГЕСТАН

№ 1 (16)

Нравственное пространство
Людмилы Авшалумовой

Стр. 4

С 95-летним юбилеем Гаджи-Али Даниялова поздравил
Председатель Госсовета РД Магомедали Магомедов.

Фото Ю. ИВАНОВА

Стр. 8

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1(16)

ДАГЕСТАН

январь/февраль
2005

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Загир АРУХОВ,

министр по национальной политике,
информации и внешним связям РД

Магомед АХМЕДОВ,

председатель Правления Союза писателей РД

Людмила АВШАЛУМОВА,

член Госсовета РД, первый проректор ДГУ

Расул МАГОМЕДОВ,

доктор исторических наук

Булач ГАДЖИЕВ,

народный учитель СССР

Казбек СУЛТАНОВ,

доктор филологических наук,

литературовед

Марина АХМЕДОВА,

поэт, переводчик

Камиль ХАНМУРЗАЕВ,

доктор филологических наук

Космина ИСРАПИЛОВА,

поэт, прозаик

Арбен КАРДАШ,

поэт

Шапи КАЗИЕВ,

писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор

Мурад АХМЕДОВ

Гаджикурбан РАСУЛОВ

Джамал РАБАДАНОВ

Ольга МАТАЕВА

Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА

Байгиши БАЙГИШИЕВ

Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению. При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).

Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),

67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).

E-mail: dagjur@iwt.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Валерий ШАБАЛИН к 60-летию Победы
Десант бессмертных.....2

Марина АХМЕДОВА личность
Нравственное пространство
Людмилы Авшалумовой... 4

Булач ГАДЖИЕВ две встречи

О себе рассказывает Гаджи-Али Даниялов.....8
Об Алигаджи Акушинском рассказывает
его сын.....12

Рашид АЗИЕВ тревога

Этикет: «дичаем» потихоньку.....13

Г. ГАСАНИЕВ, Д. АХМЕДХАНОВ дискуссия

Пессимист и оптимист: взгляд на телебудни.....15

Марина СМОЛЕНСКАЯ психология

Ждите «детей индиго».....19

Абдурахман УМАХАНОВ культура

Как теряются друзья... 21

Ахмед МУНГИЕВ экология

Как отмыться от «черного золота»?.....23

Хаджи Мурад ДОНОГО былое

Дагестанский конный полк.....25

Знамена Императора Всероссийского.....28

Гаджи АБДУРАГИМОВ поиск

Судьба и гадания... 30

ЛИТЕРАТУРА

Газимагомед ГАЛБАЦЕВ рассказ

Шайтаны.....34

Наида ОСМАНОВА стихи

.....43

Умар АЛИСУЛТАНОВ отрывок из повести

Зумруд.....44

Лариса ШАРИПОВА стихи

Дождь.....47

три новеллы

Мадина ХУРШИЛОВА

Нелюди.....49

Багдат ТУМАЛАЕВ

Этот мир для всех.....49

Умукурсун МАНТАЕВА

Чья мать.....50

Наби ИСАЕВ. Стихи51

Шапи КАЗИЕВ. «Наша азбука»52

Магомед-Расул РАСУЛОВ критика

«Мой путь к Расулу Гамзатову».....53

Патина ВАРИСОВА литературоведение

Военные годы: пафос дагестанской поэзии.....54

Вита КАЗАКОВА сатира и юмор

Ушла жена.....57

Вниманию читателей.....59

Кроссворд от Гаджикурбана Расурова.....60

Банковские реквизиты:

Р/с 40603810602800140487 в
Махачкалинском филиале МАКБ
«Возрождение» г. Махачкала, К/
с 3010181050000000882, БИК:
048209882, ИНН: 0562053040 КПП
056201001 ГУ Редакция журнала
«Дагестан»

Номер набран и сверстан на
компьютерной базе журнала «Да-
гестан». Отпечатан в Республи-
канской государственной газетно-
журнальной типографии. Ад-
рес типографии: г. Махачкала, пр.
Насрутдинова, 61.

Усл. п. л. — 7,5.

Тираж — 1000 экз.

Номер заказа — 008.

Подписной индекс — 78434.

Цена номера в киосках «Рос-
печати» — 20 руб., у обществен-
ных распространителей — сво-
бодная.

Свидетельство о регистра-
ции средства массовой инфор-
мации — ПИ № 10-4793.

ОБЩЕСТВО

Валерий ШАБАЛИН

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Валерий Семенович Шабалин окончил Киевский институт театрального искусства, работал режиссером, главным режиссером в театрах России и Казахстана, главным режиссером Николаевской областной студии телевидения. С 1982 года работает на телевидении в Астрахани.

ДЕСАНТ БЕССМЕРТНЫХ

Весело послано 68 бойцов. Среди них был дагестанец Ахмед Абдулмежидов. Всем без исключения было присвоено звание Героя Советского Союза.

...1944 год. Весна. Украина. Николаевская область. Наши войска, ведя наступление, освободили большую часть области. Город Николаев гитлеровцы превратили в своего рода неприступный "вал" с мощной оборонительной системой. Прежде чем уйти, враг решил разрушить город, взорвать предприятия, крупные жилые дома, железнодорожный вокзал и другие важные объекты, среди которых особое место занимал морской порт. Таков был приказ фюрера.

Советским командованием было решено принять срочные меры для спасения города и порта. Войскам был дан приказ - ускорить прорыв укреплений противника, а в порту было решено высадить десант, чтобы отвлечь внимание фашистов.

25 марта был сформирован десант из 55 человек морской пехоты. В последний момент в его состав ввели 12 саперов, чтобы проложить путь десанту, разминировав проход.

В ночь с 25 на 26 марта семь рыбачьих лодок на реке Буг пошли против течения... А по лиману нужно было пройти почти 15 километров.

Дул резкий северный ветер. Тяжелые волны сильно мешали десанту незаметно проскочить линию фронта и бесшумно высадиться в порту. В свинцово-ном небе то и дело вспыхивали фашистские ракеты, немцы наугад простреливали лиман пулеметными очередями. Вел десант старший лейтенант Константин Ольшанский.

...Ветер не утихал. Волны обдавали людей холодными брызгами. Через старенькие прогнившие доски угрожающе просачивалась вода, ее приходилось все время вычерпывать. Первые два часа с отрядом держали связь по радио, затем слышимость значительно ухудшилась, а вскоре пропала совсем. Но ранним утром - уже не микрофоном, а ключом - еле слышимая связь все же установилась.

Занимать элеватор, стоящий особняком и со всех сторон доступный орудиям, командир посчитал нецелесообразным. Двух немецких часовых, встретившихся на берегу, сняли бесшумно. Одиннадцать ва-

гонов с взрывчаткой стояли на железнодорожной ветке, ожидая разгрузки. Их решили пока не трогать, а держать в поле зрения, чтобы не дать гитлеровцам использовать взрывчатку для разрушения порта. Было решено укрепиться и удерживать плацдарм до подхода армейских частей. Заняли помещения конторы морского порта с полуподвалом, конторы элеватора и ряд каменных сараев. Саперы к рассвету разминировали проходы, перерезали провода в подготовленном к взрыву элеваторе.

В восемь утра появились фашисты. Взвод солдат двигался колонной. Морские пехотинцы накрыли врача. Взвод был расстрелян в упор. Площадка между конторой порта и большим сараем покрылась трупами фашистов.

Второй натиск врага оказался более организованным. Немцы появились на железнодорожной ветке, стали перебегать к вагонам с взрывчаткой. Десантники открыли пулеметный огонь. Зажигательными пулями удалось поджечь несколько вагонов. Загремели взрывы. Черные тучи поползли по порту. Дышать становилось трудно.

Третью атаку противник повел со всех сторон, применив орудия и минометы. Ольшанцы держались стойко. Огнем пулеметов и автоматов они в упор расстреливали вражеских солдат. Но и сами несли потери.

Во второй половине дня бой усилился. Гитлеровцы срочно передислоцировали с фронтовых позиций новые роты, бросая их в бой в порту. Наши бойцы держались стойко, но положение становилось невыносимо тяжелым, и К. Ольшанский, связавшись по радио со штабом своего батальона, вызвал авиацию. Советские самолеты на бреющем полете бомбили и расстреливали из пулеметов скопление фашистов в порту. Но стоило самолетам скрыться, как гитлеровцы возобновили атаки. Они применили 6-ствольные минометы крупного калибра. Несколько мин, попавших в контору порта, завалили внутреннюю стену, за которой находился штаб отряда.

В 17.00 рация десантников замолчала, она была разбита. Командир Ольшанский со своими товарищами получили тяжелые ушибы. А со стороны города наступал батальон немцев. Позвякивая гусеницами, к зданию элеватора подполз танк. Раненный осколком

снаряда матрос Степан Голенев подполз к окну и, выпустив по врагу длинную очередь из автомата, швырнул в фашистов гранату. По танку открыли стрельбу из противотанковых ружей. Но он шел вперед. В этот момент старший матрос Валентин Ходерев, которому осколком отшибло левую руку, схватил гранату и кинулся вперед! Черный дым заволок громадину и похоронил героя...

Появился второй танк. Он издали швырнул струю из огнемета. В корторе загорелся потолок, рамы, пол. Повалил густой дым. Задыхаясь от дыма, десантники сбивали пламя бушлатами, шинелями, засыпали песком. И вскоре в гитлеровцев снова полетели гранаты. А моряки, занимавшие сарай, конторы элеватора и порта, поддерживали друг друга огнем пулеметов и автоматов.

В это время наши войска сковали главные силы фашистского гарнизона города, что не позволило немецкому командованию направить в порт больше сил. Но на небольшой отряд советских воинов навалилось до трех пехотных батальонов, усиленных танками и артиллерией: 18 атак предприняли фашисты против горстки десантников. А когда радист на несколько секунд наладил работу радио, командир К. Ольшанский вызвал огонь на себя...

Краснофлотец Ахмед Абдулмеджидов был одним из самых молодых участников десанта. Родился он в 1924 году в высокогорном дагестанском ауле Мочоб. В 30-х годах его семья переселилась в соседний аул Цуриб. Ахмед хотел учиться, а в его ауле средней школы не было.

Когда началась война, Ахмеду исполнилось 17 лет. Два его старших брата - Магомед и Раҳматулла сразу же ушли на фронт. Подал заявление в военкомат и Ахмед. Но по молодости лет его не взяли. Только после того как

Ахмед прибавил к своему возрасту год и стал чуть ли не каждый день бывать в Чародинском райвоенкомате, его, наконец, направили служить на Черноморский флот. Там он был зачислен в морскую пехоту и воевал на горных перевалах под Туапсе. А его отец Абдулмеджид Дибиров, несмотря на то, что ему шел уже седьмой десяток лет, вступил в народное ополчение и воевал с фашистами, подошедшими к горам Кавказа.

Под Туапсе Ахмед был ранен. После излечения в госпитале он снова вернулся в морскую пехоту, участвовал в высадке десанта в Керчи, затем был переведен в 384-й отдельный батальон морской пехоты, участвовал в ряде операций, в том числе и в осаждении Бердянска...

Когда начал формироваться десант, черноволосый невысокий крепыш Абдулмеджидов стал упрашивать командира, чтобы его направили вместе с десантниками. Краснофлотец хорошо зарекомендовал себя в предыдущих боях. Его просьбу удовлетворили. В десанте он вместе с Ильей Демьяненко обслуживал пулемет, находясь с основными силами отряда в здании конторы порта.

...Атака следовала за атакой. Воины вели из своего пулемета прицельный огонь. Но тут взрывом мины смертельно ранило Демьяненко, разбило пулемет. Взрывной волной сорвало бескозырку с головы Ахмеда, которую он при посадке в лодку спрятал за пазуху и надел уже во время боя. Осколком его ранило в голову. Находившийся рядом снайпер перевязал раненого, и Ахмед, превозмогая боль, схватил чей-то автомат и продолжал вести огонь. Не ушел он со своего поста и после второго ранения.

Погиб Ахмед 26 марта в конце дня от взрыва вражеского снаряда. Так уроженец дагестанского аула, аварец Ахмед Абдулмеджидов отдал свою жизнь за освобождение украинского города Николаев.

В горном ауле Цуриб Герою Советского Союза Ахмеду Дибировичу Абдулмеджидову поставлен памятник. Лучший пионерский отряд местной школы носит имя отважного комсомольца. Аварская поэтесса Фазу Алиева написала о своем земляке поэму "Восемнадцатая весна"...

...Наши войска вступили в центр города. Никто в армии не знал - держатся десантники или погибли. На рассвете 28 марта 384-й батальон морской пехоты подошел к тому месту, где должны были воевать их товарищи. Навстречу им из развалин конторы порта вышли Николай Щербаков, Кирилл Бочкович, Никита Гребенюк и Иван Дементьев. А вокруг лежало около 700 трупов фашистов. Всего к моменту подхода краснофлотцев в живых было 12 десантников из 68-ми. Они были увезены в госпиталь. Там от сильных ожогов и тяжелых ран скончались Михаил Коновалов, Кузьма Шпек, Иван Удод.

В центре Николаева на площади Ленина воздвигнут памятник героям. Отлитый из бронзы, он изображает героев-моряков во главе со своим командиром во время боя. Среди других плит лежит гранитная плита, на которой выбиты слова: "Краснофлотец десанта Герой Советского Союза Абдулмеджидов Ахмед Дибирович".

Достойно прожил дагестанец свою короткую восемнадцатилетнюю жизнь. Прекрасная жизнь прекрасного человека.

...Почетный караул. Вечный огонь.

НРАВСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЮДМИЛЫ АВШАЛУМОВОЙ

Марина АХМЕДОВА

Однажды в программе «Время» я увидела репортаж о встрече дагестанской делегации с президентом России В. В. Путиным, в которую входила и Людмила Хизгиловна Авшалумова — первый проректор Дагестанского государственного университета. В рамках телевизионного сюжета она успела сказать о Дагестане и его проблемах немного, но сделала это так емко и аргументировано, с таким глубоким знанием дела, что во мне невольно шевельнулось чувство гордости за нашу республику, которая может оценить и выдвинуть таких профессионалов, как Людмила Хизгиловна, способных на самом высоком уровне представить Дагестан в Москве и за рубежом.

Это чувство лишь укрепилось тогда, когда мне пришлось по роду своей журналистской и писательской деятельности встречаться с ней по ряду вопросов, связанных с проведением Дней российской литературы в Дагестане. Людмила Хизгиловна предстала передо мной в новом качестве — как блестящий организатор, не бросающий слов на ветер и способный четко и умело распределить задания между теми, кто будет за них отвечать. Все мероприятия, проведенные Союзом писателей в университете, прошли без сучка и задоринки благодаря усилиям первого проректора.

Становление человеческой личности невозможно без основы, которая закладывается в раннем детстве родителями, окружающей средой, но настоящий исток ее надо искать в корнях, уходящих в прошлое.

Людмила Авшалумова родилась в семье народного писателя Дагестана Хизгила Давыдовича Авшалумова, выходца из селения Нюогди Дербентского района. Корни далеких предков Людмилы Хизгиловны теряются в Азербайджане, в г. Куба. Дед по отцовской линии был потомственным крестьянином, выращивал хлеб и вел обычную для неграмотного сельского труженика жизнь. Он участвовал в первой мировой войне, и за храбрость был награжден Георгиевским крестом и серебряными часами. В те времена тат, ни слова не понимавший по-русски, мог получить эту высокую воинскую награду только за исключительное мужество. Дед прожил славную, но недолгую жизнь, оставил после себя шестерых детей-сирот, которым, в том числе и Хизгилю Давыдовичу, рано пришлось заботиться о себе и своих младших братьях и сестрах. Бабушка Людмилы Хизгиловны по материнской линии происходила из знаменитого рода Ханукаевых, многие представители которого были офицерами Российской императорской армии, владельцами солидного состояния, имеющими многочисленные дома в Дербенте и занимающимися благотворительной

деятельностью. О том, каким огромным авторитетом пользовалась эта семья, красноречиво свидетельствует тот факт, что в дербентском доме бабушки Людмилы Хизгиловны в 1913 году останавливался российский император Николай II во время своей поездки по Дагестану.

Дед по матери Асоил Бинаев обладал хорошим голосом и неординарными способностями, он был определен в религиозную школу, после окончания которой стал священнослужителем. Однако позже он проникся коммунистическими идеями и, отказавшись от религиозного сана, вступил в ряды большевистской партии. Став одним из первых лидеров революционного движения в Дербенте, он активно участвовал в преобразовании старой жизни, воевал против денационалистов и был беззаветно предан коммунистическим идеалам. В 1928 году Асоил Бинаев стал главным редактором впервые изданной на татском языке газеты «Зэхметкеш» («Труженик»). Даже мрачные тридцатые, когда он был исключен из партии и репрессирован, не поколебали в нем веры в партию и светлое коммунистическое будущее.

Отец Людмилы Авшалумовой, известный писатель, замечательный рассказчик, автор многих книг, в молодости активно собирал татский фольклор, занимался научно-исследовательской работой, был корреспондентом дербентской газеты. Хизгил Давыдович увлеченно изучал историю родного края, самозабвенно любил художественное слово. Эту любовь он сумел привить и своей дочери, которая росла в обстановке острых литературных дискуссий и споров. С детства маленьющую девочку окружали книги по истории, литературоведению, философии и, конечно же, лучшие художественные произведения мировой и русской литературы. На формирование ее внутреннего миропонимания, научных интересов, безупречного литературного вкуса очень большую роль оказало писательское сотоварищество, ведь в доме, где она росла, почти ежедневно бывали такие яркие, талантливые и удивительные личности, как Расул Гамзатов, Аткай Аджаматов, Юсуп Хаппалаев, Нариман Алиев, Ахмедхан Абу-Бакар, Омар-Гаджи Шахтаманов, Муса Магомедов, Рашид Рашидов, Магомед Сулиманов, Алирза Сайдов и другие, то есть все те, кто является сегодня классиками современной дагестанской литературы. Сколько интересных легенд, притч, сказаний, воспоминаний и великолепных тостов прозвучало в доме Авшалумовых. Писатели обсуждали свои литературные задумки, рукописи и только что вышедшие книги, читали стихи, а Омар-Гаджи Шахтаманов прекрасно пел на своем родном аварском языке. И хотя семья Авшалумовых жила очень скромно, двери их

дома были открыты для всех, в нем всегда царил дух гостеприимства. Представители национальных культур научили любить Людмилу культуру единого в своем многообразии Дагестана.

Атмосфера образованности, любовь к литературе и ежедневное содержательное общение с талантливыми людьми стали для Людмилы Авшалумовой тем фундаментом, на котором она строила свою собственную творческую и научную жизнь.

Влияния отца, человека с редким чувством достоинства, было огромным во всем: и в отношении к образованию и в отношении к жизни. Несмотря на свою внешнюю мягкость и деликатность, Хизгил Давыдович был очень сдержан и строг по отношению к своим дочерям, которым он не позволял никаких модных вольностей и излишеств. С малых лет он приучал их вдумчиво относиться к жизни, никогда не делать поспешных выводов. Немало этому способствовала и мама Людмилы Хизгиловны — Ершо Асоиловна, женщина, воспитанная в традиционном дагестанском духе, который передался и ее двум дочерям.

Может быть, именно тогда сложился нынешний образ Людмилы Хизгиловны, лучше всего отвечающий ее внутреннему содержанию — образ красивой и скромной дагестанки, внешне очень сдержанной, но необыкновенно женственной и нежной, с проницательным умным взглядом и неизменным платком на плечах. Ее глаза всегда лукатятся ровным светом добра и понимания, но они могут стать непроницаемыми и даже жесткими для тех, кто посмеет задеть ее человеческое достоинство.

Обладая отличной памятью и невероятной тягой к знаниям, Людмила хорошо училась, сначала во 2-й махачкалинской школе, а затем и в Дагестанском государственном университете. Она всегда любила уединение больше шумных компаний и предпочитала общение с отцовскими друзьями общению со своими сверстниками. Книги стали ее лучшими друзьями с малых лет, и в этом, бесспорно, была заслуга ее отца.

Хизгил Давыдович воспитывал своих дочерей не долгими и скучными наставлениями, а конкретными примерами. Однажды, после окончания 10 класса, Людмила как-то обмолвилась, что многие родители ее одноклассниц собираются помочь им поступать в высшие учебные заведения. Отец многозначительно промолчал, а на следующее утро, ничего не объясняя, повез дочь на ткацкую фабрику имени III Интернационала, где секретарем парткома работал его давний друг Цомаев. Вместе они обошли многие цеха фабрики, поговорив с ткачихами, зашли и в общежитие. Впечатление от увиденного осталось тяжелым: ведь в цехах было нечем дышать от прядильной пыли, многие девушки страдали легочными заболеваниями, а в общежитии был минимум удобств. Когда они прощаались с Цомаевым, Хизгил Давыдович как бы ненароком сказал своему другу: «Если моя дочь не поступит в вуз, приготовь ей место в какой-нибудь молодежной бригаде, пусть поработает ткачихой», а дочери коротко бросил: «Хочешь учиться, напрягай голову и развивай память. Не сможешь, пойдешь делать физическую работу». Этот отцовский урок Людмила Хизгиловна усвоила на всю жизнь, и с тех пор у нее никогда не было проблем с учебой.

В университете одаренная девушка, воспитанная на любви к литературе и ко всему, что связано с художественным словом, сама стала писать стихи и рассказы, публиковала их в многотиражной газете, посещала литобъединение. Но ее отец, чьим мнением она так дорожила, очень сдержанно относился к ее первым литературным опытам. Однажды,

разложив перед ней все ее студенческие «шедевры», он жестко раскритиковал их. При этом привел старинную китайскую поговорку: «Каждый грамотный китаец может слагать стихи, но не каждый грамотный китаец поэт». Увидев, как рассстроена и подавлена дочь, он подбодрил ее, сказав, что у нее есть задатки аналитика и исследователя, которые надо развивать, а литературное творчество, по его мнению, следует оставить в покое.

Этот совет отца оказался своевременным. Людмила Хизгиловна уже со студенческой поры серьезно занялась наукой, которая все больше и больше привлекала ее. Она блестяще закончила университет, где преподавали такие замечательные дагестанские ученые и преподаватели, как С.М. Гаджиев, Р.М. Магомедов, А.А. Абилов, Т.Б. Савина, П.В. Русина, П.И. Тананакин, А.А. Агаев, Г.Н. Сивриди и многие другие.

Тот факт, что в трудовой книжке Людмилы Хизгиловны есть только одна запись — Дагестанский государственный университет — говорит о целеустремленном, уверенном в себе и, главное, преданном своему делу человеке, который не разменивается на мелочи и не растратывается по пустякам.

После окончания университета Людмила Хизгиловна осталась работать на кафедре философии, окончила аспирантуру и защитила диссертацию, стала кандидатом философских наук. Ей было присвоено звание доцента кафедры философии, а затем она стала профессором этой кафедры. Войдя однажды в храм науки, она прошла путь от студентки до профессора, заведующего кафедрой, первого проектора. Но не в должности дело, а в любимой работе, которой Людмила Хизгиловна посвятила всю свою жизнь. Университет стал ее домом, местом общения с коллегами, с друзьями, единомышленниками, где обсуждаются волнующие всех вопросы, где своими знаниями и жизненным опытом она делится с молодежью.

Круг ее научных интересов очень разнообразен, она автор многочисленных статей и монографий. Людмила Хизгиловна читает студентам ДГУ учебный курс по основам религиоведения, ведет спецкурсы по истории иудаизма, христианства и ислама, а также по вопросам, связанным с конфессиональными и национальными проблемами.

Долгие годы занимавшаяся историей религии, Людмила Хизгиловна считает, что религия играет важную роль в обществе и отношение к ней не умещается в то содержание («пережиток прошлого»), которое было определено ей в советском обществе. Сегодня ее научное понимание религиозных учений очень помогает ей в политической и общественной деятельности, ведь все религии обладают большим нравственно-воспитательным потенциалом, который может служить людям в деле достижения мира, согласия, взаимопонимания. Россия — многоконфессиональная страна, ее граждане исповедуют разные религии, но и иудаизм, и христианство, и ислам в сущности объединены верой в единого Бога, почитанием общих пророков, священных книг и стремлением к благочестию. Добро, милосердие, благотворительность, любовь к ближнему, по мнению Людмилы Хизгиловны, могут и должны объединить всех россиян, независимо от их национальности и вероисповедания. Только тогда будет можно построить цивилизованное общество, где будет царить закон о свободе совести.

За годы научной деятельности Л.Х. Авшалумовой опубликовано более 60 научных и учебно-методических работ. Людмила Хизгиловна любит профессию педагога и никогда не испытывала сожаления, что выбрала именно этот путь в жизни. Она постоянно выступает с научными докладами на

конференциях республиканского, российского и международного уровня.

Именно безупречная репутация педагога, ученого, общественного деятеля дала ей возможность трижды быть избранной Конституционным Собранием Дагестана членом Государственного Совета Республики Дагестан. Государство высоко оценило заслуги Л. Х. Авшалумовой в развитии культуры и науки. Она награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ДАССР, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник высшей школы». Ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник науки РД», а за заслуги в воспитании студенческой молодежи — почетное звание «Заслуженный работник культуры РФ». За плодотворную общественную и политическую деятельность она награждена орденом Дружбы.

Придя в большую политику, Людмила Хизгиловна Авшалумова осталась верна своим принципам и идеалам: она считает, что политик должен быть честным человеком не на словах, а на деле, должен любить не себя в политике, а страну и народ, который доверил ему свою судьбу. Она уверена, что утверждение, что «политика — грязное дело» придумали люди, у которых грязные цели. Конечно, политика не прямая столбовая дорога, в ней могут быть отступления, компромиссы, временные соглашения, вынужденные уступки, но все это должно происходить в определенных рамках, так называемого, внутреннего, нравственного пространства. Человек, перешедший такую грань, уже не может нести добро, справедливость, благо. То, чему собственно, и должна служить политика в высоком понимании этого слова.

Отличие же женщины-politika, по мнению Людмилы Хизгиловны, заключается в ее отношении к политике. Для женщины важны не столько возможность проявления власти, сколько желание использовать эту власть для достижения результата, направленного, как правило, на достижение добра. Женщина вносит в политику часть своего сердца, теплоту, женскую интуицию, мягкость и любовь к людям. Женщины более осмотрительны, более осторожны в совершении тех или иных поступков и при этом показывают себя достаточно мужественными, если в этом возникает необходимость.

Может быть, именно поэтому Людмила Хизгиловна так любит одно известное выражение Бернарда Шоу: «Вообще говоря, власть не портит людей, зато дураки, когда они у власти, портят власть».

В отличие от многих наших известных политиков, она никогда не откращивается от своего коммунистического прошлого, хотя приветствует и новое время, считая, что свобода слова, информации, вероисповедания очень важны для развития современного общества. Порой у нее вызывает опасение то, что отсутствие цензуры открыло шлюзы для литературы экстремистского, фашистского и антисемитского толка. Но она надеется, что все это — лишь грязная pena, которую вынес наверх поток, долго сдерживаемый в искусственном русле.

Принимая и понимая новые веяния, Людмила Хизгиловна в то же время против чрезмерной раскованности, порой переходящей в развязность, против демонстративно вызывающего поведения. Ей импонирует восточная модель поведения женщины в обществе. Скромность во всем: в манере поведения, в общении, в одежде. Может быть, поэтому она всегда предпочитала старинные дагестанские серебряные украшения современным золотым беделушкам. Она твердо убеждена, что необходимо разумное сочетание всего, что дает человеку цивилизация, умение использовать достичье культур Востока и Запада — вот то, что должны взять на вооружение интеллигентные люди современного мира.

В слово «интеллигент» она вкладывает гораздо больший, чем принято думать, смысл. В ее понимании — это не только широко образованный человек, но и высоко духовный, порядочный, умеющий чувствовать чужую боль, как свою. Настоящий интеллигент, по ее мнению, не должен быть мягкотелым, он способен проявлять настоящую твердость характера, силу воли, преданность своим принципам...

Именно это понимание интеллигентности Людмилы Хизгиловны пытается прививать и дагестанской молодежи, считая, что, взяв на вооружение европейские ценности, она не должна отвергать ценностей дагестанских. Ее очень тревожит, что некоторые представители нынешней молодежи пренебрежительно относятся к традициям своих предков, к своему собственному образованию, да и вообще к жизни, которую вос-

принимают как беспрерывный поток удовольствий. Она убеждена, что подобный подход может привести целое поколение к грани, за которой бездна бездуховности и нравственный хаос. Именно поэтому, не жалея времени и сил, она продолжает упорно работать с молодыми людьми не только в университете, но и вне его стен, не пропуская ни одной встречи, на которые ее приглашают различные организации.

Людмила Хизгиловна не только прекрасный педагог, но и удивительный рассказчик, замечательный оратор, обладающий необыкновенным даром убеждения. На ее лекции приходят даже те студенты, которые не изучают ее предметы и прежде не интересовались вопросами философии, религии и политики. Людмила Хизгиловна любит повторять известные слова Юлиуса Фучика: «Если ты не интересуешься политикой, то политика заинтересуется тобой». Она считает, что Дагестану завещан предками единый путь, его история показывает, что народы его всегда были едины перед лицом опасности. Она убежденный сторонник все более распространяющегося мнения, что любовь к своему народу совершенно не исключает уважения к другим народам. Можно любить и Дагестан, и Россию, при этом чувствуя себя гражданином планеты, считает она.

В Государственном Совете Республики Дагестан Людмила Хизгиловна Авшалумова представляет татский народ, который проживает в Дагестане с IV века нашей эры и является одним из коренных в нашей республики. К сожа-

лению, в смутные 90-е годы прошлого века, когда наступил период нестабильности, экстремисты криминального толка использовали его для разжигания межнациональной вражды; татам, веками живущим на дагестанской земле, приходилось слышать, что они иноверцы, и многие, преодолев боль, были вынуждены уехать из Дагестана. Людмила Авшалумова, как и ее отец, всегда считала, что отезд татов — величайшая трагедия в их истории. Ведь кроме вероисповедания, таты ничем не отличаются от других народов Дагестана.

В недавние времена Людмила Хизгиловна в составе российской делегации впервые побывала в государстве Израиль. Там она общалась со своими бывшими соотечественниками, покинувшими Россию в 80–90-х годах прошлого века, и поняла, что независимо от материального благополучия многие из них испытывают оструюnostальгию по Дагестану. Подобные настроения бывших соотечественников она встретила и в Америке, где недавно побывала в составе делегации российских ученых и политиков. Людмила Хизгиловна очень понятно это чувство, хотя она довольно редко и не на продолжительное время покидает Дагестан. Педагогическая работа и государственная деятельность заставляют ее все время быть в гуще общественных событий. Вот уже несколько лет ее небольшая трехкомнатная «хрущевка» по сути является штаб-квартирой татского народа, куда приезжают самые разные люди со своими проблемами и чаяниями. И каждого она старается выслушать, и каждому пытается помочь, хотя делать это бывает очень нелегко. Но Людмила Хизгиловна иначе не может, ведь после смерти своего отца, которого татские старейшины по праву считали лидером своего народа, она унаследовала все его права и обязанности. Когда она приезжает в Дербент, таты шутят: «Приехала наша первая леди». Но в этой шутке есть большая доля правды, ведь Людмила Хизгиловна всегда на передовой.

Она ощущает себя счастливой только тогда, когда восстремованы все ее человеческие и профессиональные качества, хотя можно ли быть счастливым, даже имея все в этом раненом, страдающем, раздираемом социальными противоречиями обществе, где над всеми чувствами господствует только страх войны, нужды, незащищенности? Где так мало доброты и тепла? Людмила Авшалумова ближе всего к тому пониманию счастья, которое когда-то выразил Лев Николаевич Толстой, считавший, что для счастья нужны два главных условия: полезность обществу и спокойная совесть. А ей бы, наверное, захотелось добавить — и лица родных и любимых людей.

Людмила Хизгиловна с трогательной нежностью относилась к своим, ныне покойным, родителям. Несмотря на огромную занятость в университете и Государственном Совете РД, она всегда находила время, чтобы по вечерам побродить по аллеям парка со своим отцом, рассказать ему последние новости, послушать его воспоминания о войне, о друзьях-писателях. Она всегда вникала в его литературные дела, приносила ему новые книги и журналы, ездила с ним в его родное селение Нюгди, которое он очень любил и с большой теплотой восспел во многих своих произведениях. После смерти отца она с такой же трогательной теплотой относилась ко всем его близким друзьям: Расулу Гамзатову, Магомеду Джамбулатову, Расулу Магомедову, Салиху Халилову и многим другим. К сожалению, некоторые из них ушли вслед за отцом, но теми которые есть, она чрезвычайно искренне дорожит, часто звонит им по телефону, навещает в редкие свободные часы. Людмила Хизгиловна убеждена — связь поколений не должна прерываться никог-

да, ибо разорвавшиеся звенья могут tragически нарушить многовековую связь времен.

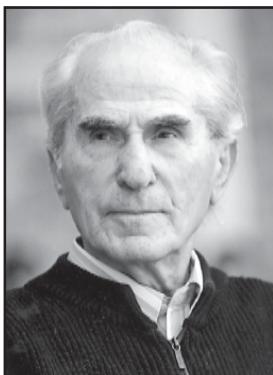
Эта хрупкая, на первый взгляд, женщина на самом деле — очень сильный и волевой человек. Она не любит говорить о личном, тем более сетовать и жаловаться на удары судьбы. Но люди близкие знают, с какой стойкостью она встречала и переносила эти удары. Пережив три тяжелейшие потери (один за другим ушли из жизни ее мать, муж и отец), она нашла в себе силы не впасть в депрессию, продолжать вести общественную работу, решать проблемы простых людей, стремиться улучшить их жизнь.

Отзывчивость — одна из основных черт характера Людмилы Хизгиловны. Ни высокие должности, ни почетные звания не изменили ее, не вознесли над людьми. Она по-прежнему доступна и для студентов, и для односельчан, и для коллег по работе — и для всех дагестанцев, которые обращаются к ней как к первому проректору ДГУ и члену Госсовета. Она никогда не откладывает на завтра то, что способна решить сегодня. Абсолютно лишенная высокомерия и надменности, часто первой спешит на помощь к тем, кто в ней нуждается и делает это очень деликатно. В то же время может жестко, почти по-мужски, осадить зарвавшегося чинушу, недобросовестного преподавателя или студента. Несмотря на эту строгость и принципиальность, не только нынешние, но и многие бывшие студенты, считают себя учениками Людмилы Хизгиловны. Ей, конечно, всегда бывает приятно, когда кто-то из солидных и уже не очень молодых людей раскланивается с ней на улице и восклицает: «Я — ваш ученик!». Приятно и грустно, ведь только тогда она замечает, как быстро летят времена...

Людмила Хизгиловна — очень серьезный и обязательный человек, который старается не подводить других, и, если уж дает слово, то никогда от него не отступает. Свободное время, которого всегда у нее очень мало, она посвящает своему сыну, друзьям, музыке и чтению. С сыном они — единомышленники и друзья, у которых нет секретов друг от друга. Он занят любимым делом, а это в семье Авшалумовых всегда считалось самым главным и необходимым в жизни.

Профессор и трижды избранный член Госсовета Людмила Авшалумова живет в обычной малогабаритной «хрущевке», ходит на рынок и готовит обед. Демократия для нее — не просто красное словцо, затрапанное нынешними демагогами, а стиль жизни, которого она придерживается во всем, хотя стесненные квартирные условия, честно говоря, мало способствуют продуктивной научной и общественной деятельности. Многие удивляются, побывав у нее в гостях, что она живет в таких скромных условиях. В этой скромности она вся — никогда не изменяющая своим основным жизненным принципам, своему нравственному пространству, в котором нет места приспособленчеству, угодничеству и лицемерию. Доброе имя — вот что она считает величиной абсолютной. Получив его в наследство от своего отца, она хочет таким же незапятнанным оставить его своему сыну.

Недавно Людмила Авшалумова ездила в родное селение отца, чтобы принять участие в торжественных мероприятиях по случаю присвоения Нюгдинской средней школе его имени. Она слушала яркие речи депутатов Народного Собрания республики и членов правительства, воспоминания дагестанских писателей, незамысловатые и искренние слова односельчан Хизгила Давыдовича и вновь ощутила кровную и нерасторжимую связь с этими простыми искренними людьми, с этой древней и прекрасной землей, имя которой — Дагестан.

Булач ГАДЖИЕВ

О себе рассказывает ГАДЖИ-АЛИ ДАНИЯЛОВ...

- ...Нашего отца звали Даниялом. Я о нем мало что знаю, но то, что знаю, до конца жизни буду помнить. Красивый, волевой, отважный. Ростом выше меня был - на глаз никак не ниже 190 см. В плечах широкий. Мы с братом Абдурахманом, вероятно, пошли в мать... - Так много лет назад начал свой рассказ доктор исторических наук, профессор, автор многих трудов ГАДЖИ-АЛИ ДАНИЯЛОВИЧ ДАНИЯЛОВ, говоря о внешности своего отца. - Белое лицо, красные щеки, дугообразные брови. По-моему, отец никогда не знал страха. Ходил в Верхний Гуниб покупать быков, хотя в его время такая операция представляла опасность. Горячий, стремительный, он обычно шел во всем напролом. Зная его характер, люди старались держаться от него на дистанции. Кинжал его висел сбоку, как сабля. Работал как волк. Нас, своих детей, любил не по-горски, не по-мужски.

Весной мы уходили в Тлури-Талиб в сторону Куюда, это к северо-западу в 13 километрах от Ругуджа. Жили на хуторе. Жизнь была не из легких. Но отец не терпел слез. Как-то он застал меня в слезах. Открыл дверь и приказал: "Иди туда, где начал плакать, и возвратись домой с сухими глазами".

В 1927 году в районе Махачкалы меня поймали на винограднике и стали бить. Я не плакал, а хозяин от досады сам заплакал. Урок отца я запомнил на всю жизнь.

Когда совершилась февральская революция 1917 года и воинский гарнизон покинул Гуниб, местные жители стали грабить склады. Отец на плечах тащил бревно до Ругуджа - это сколько километров горной дороги! Потом задним числом сожалел, что участвовал в нечестном деле.

Раз, это случилось летом, он пришел с поля и сказал: "Мне что-то нехорошо, наверное, солнце припекло". Четыре дня лежал. Подозревал меня и попросил:

"Ходи на хутор и пригони наш скот домой". Я пошел исполнять приказ отца. Когда возвращался, услыхал плач и крики. В эту минуту пошел проливной дождь, раздались раскаты грома. Оказывается, умирал отец. Нас было трое: Абдурахман, я и сестра Меседу. Я с порога бросился к отцу, не подумав, что под дождем стал мокрым с головы до ног.

Слабеющими руками он обнял нас, всех троих, и заплакал. В доме появились люди, они нас оторвали от отца и заперли в другой комнате. Утром я стоял на крыльце босой и долго смотрел, как люди с носилками на плечах обогнули озеро, отправляясь на кладбище. Я плакал. Мне было 6 лет. Рядом стояла Меседу, совсем крошка. Она не понимала, что произошло.

Мать к осени перевезла нас на хутор в пяти километрах от Ругуджа. Она что-то захандрила, могла без всякого повода побить меня. Не любила она нас, мы ей отвечали тем же. Сейчас, когда рассказываю о своей жизни, ей почти 100 лет. Еще крепкая, а тогда, после смерти нашего отца, была, что могучий дуб. Через год после смерти родителя мы оказались у брата матери. У него нам было неуютно. В один из дней пришел брат отца. Между дядями произошел крутой разговор.

- Пойдете ко мне? - спросил брат отца.

- Да, - ответил я.

- Не уйдете?

- Никогда, - снова отвечал я, - не нужен мне брат мамы, да и мама не нужна.

Абдурахман и Меседу присоединились ко мне. Через несколько дней мы перешли к деду Амиргамзе.

В 1918 году мать вышла замуж. Она забрала самые ценные вещи, а на нашу долю оставила то, в чем не нуждалась. Я тогда поклялся, что никогда не буду обижать сирот. Мама присвоила и сенокос отца.

В том году разразилась холера. Наша единственная корова подохла. А тут еще началась гражданская вой-

на. Прошел слух, что красные уничтожат жителей, а Ругуджу сожгут. У нас оставался небольшой ишачок, на которого нагрузили полмешка муки, сущеное мясо, брынзу. Мы, дети, и дед отправились в Ункода - это в 25 км от Ругуджа, где собирались остальные жители села. Устроились в мечети. Зима, морозы трескучие. Мы сгрудились в углу, сверху дед накрыл нас тулупом. Вдруг слышим стук в дверь.

- Кто там? - спрашивал дед.
- Немедленно открой!
- Кто вы?
- Захруман аскар - вот кто мы. Открой!

Вошли никак не меньше 25 человек и потребовали, чтобы мы немедленно покинули мечеть. Дед обнажил кинжал и решительно произнес:

- Кто приблизится к детям - убью.

Самое поразительное - ни один из этих "захруманов" не осмелился расправиться с дедом. Мало того, они почему-то сами удалились.

Мы своим детским умом поняли, каким храбрецом оказался наш дед. В наших глазах он стал как будто даже выше ростом и шире в плечах. Он готов был пожертвовать собою ради нас - внуков и孙女. Разве такое забудется?

На третий день на вершине горы мы увидели красных партизан. Оставшиеся продукты дед спрятал на сеновале. Бежать куда-то мы не могли, хотя бы потому, что дед был стар, и ноги его не слушались.

В мечеть гурьбой вошли красные партизаны, устроили обыск. Обнаружили наш мешок с продуктами. Деду не дали обнажить кинжал, прижали к стене, а мы втроем в один голос плачем. Когда эти люди покинули мечеть, мы пошли к их командиру с жалобой. Это был русский человек. Он не только велел вернуть продукты, а приказал двух заслуженных арестовать. Не знаю, почему, командир нас обнял, у него на глазах были слезы. Нам выдали галеты и сахар. Мы расселись у него, грызя подарки. Через полчаса комнату затопили, и мы очутились будто в царских покоях. Тогда же нам дали половину туши убитого тура. Чем не жизнь! Деду отпустили еще продукты и вручили какую-то бумагу с печатью. Командир сказал: "Через горы идите домой".

- А нас не убьют? - спросил дед.
- А для чего я вам дал бумагу, - отвечал русский человек.

Шли так: впереди наш ишачок, на нем устроилась Месседу, за мешок с продуктами рукой ухватился дед, за ним Абдурахман, последним иду я. В одном месте мы провалились в огромный сугроб, как остались живы - не могу объяснить.

В Ругуджу мы вошли в сумерках. Ни света, ни людей. Прислушались. Какие-то голоса. Не по-аварски говорят. Пошли домой. Дед занялся лучиной. Глядим: в сакле ничего нет - до нитки обобрали. Узнаем - дело рук красных партизан. В одной стене видим большую дыру. До нашего ухода ее не было.

Здесь я должен сделать небольшое отступление. В свое время отец купил разрушенный дом. Он со своим братом были каменщиками и жили небедно. Они заново поставили три стены, а когда принялись за четвертую, брат отца, Муртузали, предложил: "Стена еще крепкая, давай оставим". Отец не согласился. Начал-

ся спор, он перешел в крик, а там и драка началась. Муртузали плонул и ушел. Отец тоже махнул рукою и не тронул стену. Затем они помирились и возвели дом.

В ауле ходил слух, что в доме, где мы должны были жить, будто спрятан клад. В эту сказку ни отец, ни дядя не верили. А красные партизаны, которые шарили в нашем доме, верили. Они по стуку определили, где драгоценности. Выломали дыру в стене и были таковы. Если бы дядя Муртузали послушался моего отца, то мы были бы самыми богатыми людьми не только в Ругуджа: ожерелье, кольца, серьги, брошки, кулоны, драгоценные камни - достались кому-то.

В 1920 году в зимнюю пору нас разбудил голос деда. "Я умираю!" - повторял он. Абдурахман побежал к дяде, чтобы он успел прочитать заупокойную. Не успел. На следующий день деда похоронили. У его могилы Абдурахман и я стояли совсем осиротелые. Стук лопат о землю отдавался в ушах, как похоронный марш. Мы остались одни. Бабушка и мать нас не признавали, да и мы их тоже. У дядей были свои многодетные семьи, и у них не нашлось бы ни времени, ни средств нами заниматься. Кормить три голодных рта - не шутка.

Было очень голодно. Однажды дядя отправил меня пасти скот. В дороге встретилась женщина с хурджуном. Я незаметно последовал за ней на расстоянии 20-30 шагов. Тропа шла на гору. Она замедлила шаг, оглянулась кругом и, не заметив меня, опустила хурджун, а сама углубилась в кусты. Я мгновенно обшарил ее ношу, жадно набросился на еду. И пока не наелся до сытости, не подпускал ее к себе, отбивался камнями.

Поздно ночью я вернулся в аул. Дядя сообщил мне неприятную весть: все село знало о происшествии. "Я был смертельно голоден", - объяснил я. Он меня не наказал, поскольку не раз в детстве сам испытывал муки голода. От стыда за свой поступок я много дней не показывался на людях.

Прошел слух, что в Чохе открылся детский дом, куда принимают сирот. Когда нам предложили его, я категорически отказался, но близкие хором стали уговаривать нас. В Чох нас сопровождал дядя. Какие-то взрослые осмотрели нас и говорят: как быть, ребята большие. Абдурахман стал пригибаться, глядя на брата, и я пригнулся. Взрослых разобрал смех.

- Ладно, примем, - объявили они.

Это было в 1922 году. А в следующем году детдом перевели в Гуниб. Сестра осталась со мной, а Абдурахман поехал в Буйнакск и устроился в педтехникуме.

В январе 1924 года по поводу смерти Ленина в Гунибе состоялся митинг. Говорили, что он не верил в Бога. Это нам, детям, не понравилось, не говоря уже о взрослых. В тот день в Гунибе собирались делегаты из всех аулов округа. День был пасмурный, шел снег. Войска на холме стояли не шелохнувшись. Многие плакали. Мы, дети, тоже плакали, толком не зная, почему! Я Ленина представлял по портрету, под которым были такие слова: "Он дает нам кушать". Одна мысль, что после его смерти нас перестанут кормить, приводила в ужас.

От детдомовцев произнести слово поручили мне. Я сказал: "Наш Ленин умер. Жаль его. Было бы еще жальче, если бы он верил в Бога"...

Абдурахман дружил с красноармейцами гунибского гарнизона. Его там любили. Красноармейцев хорошо кормили, не так, как детдомовцев. Я и несколько ребят носили из пекарни комсоставу хлеб, в дороге старались заморить червячка. Никто нас за это не ругал. Не раз и не два нам перепадали солдатские галеты, вкус которых я до сих пор помню.

Отец будущего композитора Цурмилова в то время чем-то заведовал. Он неплохо владел русским языком, говорили, что в царское время он будто преподавал язык реалистам Темир-Хан-Шуры.

В детдоме было 70 детей на полном государственном обеспечении. В 1924 году нас перевели в Буйнакск. Сперва мы очутились на базаре, где нас накормили чуреками, выпечеными иранцами. "Да ведь здесь рай!" - думал я, потому что такого белого хлеба я никогда раньше не ел. Нас привели к скале "Кавалер-Батарея" и сказали: "В этом большом доме до революции жил губернатор Дагестана. Теперь будете жить вы. С этого дня вы зачисляетесь в детдом № 2".

Не успели мы оглянуться, как какие-то ребята предлагаются: "Давайте обменяемся одеждой". "Дураков нет!" - ответили мы. Началась драка, и вскоре обозначилось превосходство горских ребят над городскими. Мы их поставили на свое место. Нас, гунибских, было человек сорок, а остальных детей разбросали по другим детдомам.

На пятый день пришел Абдурахман с четырьмя товарищами, которые учились на учителей в педтехникуме. Увидев, что у нас такая опора, драчунь из города совсем приуныли.

Учиться нам приходилось ходить через весь город от Кавалер-Батареи в школу им. Н. Нариманова (впоследствии школа № 5). Я оказался в четвертом классе. Со мной учились люди, которые каждый по-своему впоследствии прославляли Дагестан. Вот несколько имен: Хруцкий - председатель исполнкома в Буйнакске, Магомед Меджидов - председатель Совета министров Дагестана (затем - министр просвещения Дагестана), Расул Гаджиев - зам. нач. снабсбыта ДАССР, Абдурахман Магаев - организатор Аварского театра, заслуженный артист Дагестана, Албури Алхазов - архитектор МВД ДАССР, Амир Курбанов - народный артист России, писатель, драматург и ряд других.

В конце 1925 года восемь детдомовцев оказались в Дагпеттехникуме. Для меня началась новая жизнь. Тогда же меня приняли в пионеры. Гаджиев Расул Казанбиевич собрал нас, чтобы предупредить: "Это вам не детдом. Кончайте похождения, кончайте драки. Добровольно поклянитесь, что станете другими". Интересное было время. Проводили собрания, мы клялись не драться, хорошо учиться. После этого нам повязали галстуки. Мне было 14 лет.

В 1926 году я бросил учебу в техникуме, наверное, из-за того, что ввели турецкий язык. А может, по другой причине. Сейчас не помню. Помню, как Абдурахман мне говорил: "Третий раз о тебе дурно говорят на педсовете, наверное, исключат". Я не стал дожидаться этого. Встал рано утром и по шпалам зашагал в сторону Махачкалы. Сперва было интересно ступить с одной шпалы на другую, а когда дотащился до Капчугая, ног под собой не чувствовал. Ночевал в скалах, в компании ящериц.

На следующий день все-таки достиг Махачкалы. У каждого встречного я спрашивал, где мне найти Тахо-Годи. Нашлось несколько человек, которые показывали нужное направление. Поднимаясь на второй этаж.

- Здесь Тахо-Годи?
- Здесь, а что тебе надо?
- Мне говорили, что он хороший человек.
- Да, человек хороший, но сейчас он занят.

Не пустили меня в его кабинет. Сижу голодный как собака. В приемной две тети. Видимо, мой вид им не понравился, стали меня высовывать. В это время появился высокий мужчина.

- Ты что здесь делаешь?
- Жду.
- Кого?
- Тахо-Годи.
- Ну тогда пойдем! - Это был тот, кого я искал. Посадил он меня на стул, подробно начал расспрашивать:

откуда, что и почему. Затем спросил: - Здесь не будешь драться?

- Если будут приставать, дам сдачи, а сам не стану.

- Вот что, паренек, - сказал Тахо-Годи, - здесь тебе туто придется. Здесь не Темир-Хан-Шура. Мало тебя кто поймет. Но сдачи давай.

Меня устроили в интернат №2. И действительно, здесь были свои порядки. Слабакам приходилось все терпеть. Таких более всего мучил Оздеаджиев из Хасавюрта.

Тогда-то я и прикоснулся к волшебному миру театрального искусства. Рустамов, Амир Курбанов, Магаев и другие организовали группу и на аварском, кумыкском и русском языках устраивали постановки.

Как-то раз поехали в Буйнакск. Шатров и Байков захотели поставить оперу "Русалка". Ее роль исполняла Шура Mamaева. Красавица. Из-за нее бывали столкновения, переходящие в драки. Мы, парни, исполняли какие-то роли, какие - сейчас не помню. Помню, как Шатров из-за кулис нам машет руками, играйте, мол. Мы же будто окаменели, молчим. Режиссер приказал закрыть занавес. Той же ночью нас вернули в Махачкалу. От Шатрова досталось каждому, мне меньше чем другим, хотя я начисто забыл свою роль.

Одновременно я учился в девятом классе и в театральном техникуме. До 12 часов в техникуме, а с 2-х дня и допоздна - в школе.

В 1928 году мы совершили турне по маршруту Махачкалы, Буйнакск, Леваши, Цудахар, Гуниб, Чарода, Кашиб, Тлярата, Ахвах, Ботлих, Хунзах, затем снова Гуниб, Буйнакск. Передвигались на фургонах. Нас с Шатровым, Байковым и Темир-Булатом Бейбулатовым было 35 человек. В нашем репертуаре имелись пьесы: "Имам Гамзат", "Хаджи-Омар" и еще две постановки.

В Цудахаре старики нас упрекали:

- Как вам не стыдно, вы что, домбаи, что ли?

Во время выступления в Хунзахе я исполнял роль сына Баху-Бике - Абу-Нуцал-хана, а Алибек Нахибашев - имама Гамзат-бека. Наш диалог происходил около костра. "Мюрид" Магомед Абдурахманов подает реплику: "Имаму нельзя разговаривать с собакой". Это, значит, со мной. Он взмахнул кинжалом, да так неудачно, что рассек мне палец. Я "умер" и упал на костер. Бурка затлела, пошел неприятный запах.

- Собака горит! - закричал кто-то из артистов, и меня отбросили в сторону. А кровь шла из пораненного места, шла, пока занавес не закрыли.

В Цудахаре я играл сына офицера - чеченца. Старики возмутились: почему я, старики, с бродячей труппой связан. Когда я перед ними снял приkleенную бороду, они возмутились еще больше:

- Почему обманываете честный народ?

В Гунибе я застал своего брата Абдурахмана, который приехал туда проводить комсомольскую конференцию.

- Когда же возьмешься за ум, - возмущался брат, - не надо тебе так ходить-бродить?

Из Гуниба я вернулся в мрачном настроении. Но все-таки не удержался и вместе со студийцами еще 15 дней провел в Ленинграде.

Получив документы об окончании 9-летки и техникума, я в Буйнакске поступил на шестимесячные курсы по подготовке в вузы. Меня вызвали в обком ком-

сомола и, не спрашивая, хочу я того или нет, направили в Чароду работать секретарем райкома комсомола. С вузом пришлось подождать. Сестра находилась в Ругуджа. Желанию Абдурахмана устроить ее в Буйнакский интернат помешал дядя Муртузали...

Тут вдруг Гаджи-Али Даниялович прервал свой рассказ и предложил: "Знаешь, Булач, давай я перечислю, где и какие должности исполнял, и на этом завершим нашу беседу, иначе мы до утра засидимся". Мне ничего не оставалось, как согласиться.

Итак, Гаджи-Али Даниялов, начиная с 1931 года, последовательно работал 1-м секретарем комсомола в Гунибе, Чароде, секретарем райкома партии в Гунибе и Унцукуле, председателем райисполкома в Хунзахе, Унцукуле, Гунибе, завсельхозотделом обкома партии. А затем произошло вот что. После командировки в Муганскую степь возвращается он в Махачкалу, а в его кабинете посторонний человек сидит.

- В чем дело? - спрашивает его Гаджи-Али Даниялов.

- Вы ничего не знаете?

- А что?

- Вашего брата утвердили 1-м секретарем обкома партии.

- Ну и что из этого?

- А то, что человек, у которого брат 1-й секретарь в обкоме, не может здесь работать.

Произошло это в 1947 году, и Гаджи-Али отправили в резерв.

Следует еще отметить, что Гаджи-Али Даниялов учился в 1933 году в кавалерийской школе, где во время скачек сломал ногу, и его демобилизовали.

Гаджи-Али Даниялович окончил также двухгодичные ленинские курсы, высшую партийную школу, Академию общественных наук, защитил кандидатскую (1954) и докторскую (1961) диссертации. На день нашей беседы (1964 год) у него было 50 научных трудов. С 1954 года он возглавлял Институт языка и литературы, где трудились 110 человек, из которых было 42 кандидата и 7 докторов наук...

Сколько воды утекло с тех пор! Мой герой - автор многих книг, он отмечен многими званиями, орденами и медалями. Маститый ученый, не взирая на то, что его возраст перевалил за 90 лет, по-прежнему бодр, энергичен, может броситься в острую полемику с открытым забралом. Он член Совета старейшин республики, он как чуткий барометр реагирует на все острые проблемы, которыми так полна наша жизнь. И здесь Гаджи-Али Даниялович играет одну из первых скрипок. За последние несколько лет он выпустил трилогию о Кавказской войне.

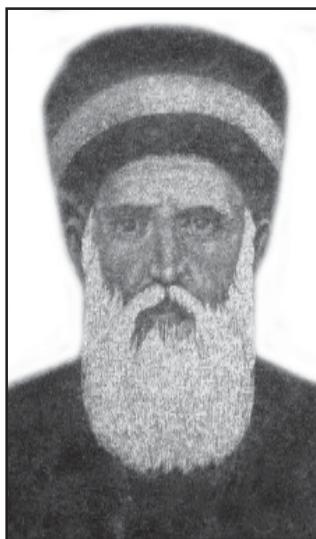
Гаджи-Али Даниялов много лет живет один-одинешенек. Его жена, кандидат экономических наук, давно покинула этот мир. Общение с людьми, выступления, чтение и особенно работа над новыми книгами скращивают его жизнь.

В последнюю нашу встречу, обнимая меня на прощание, Гаджи-Али сказал:

- Обычай горцев приглашать гостей я не забыл, но предупреждаю - предложить могу только чашку кофе или чая. Но если потребуется хинкал или еще какое блюдо, то за этим дело тоже не станет...

Недавно Гаджи-Али Данияловичу исполнилось 95 лет. Так держать!

ОБ АЛИГАДЖИ АКУШИНСКОМ рассказывает его сын...

**АЛИГАДЖИ
АКУШИНСКИЙ**

лер, - жаркое - вилками и ножом, чего я не видел во всем Дагестане".

Мое внимание привлек следующий абзац в записях воспоминаний иностранца:

"На другое утро нас посетили почетные лица Акуша, между которыми видное место занимал старший молла Гаджилла-Алибудун, Али, сын Гаджи, известный своей ученостью не только в Дагестане, но, как мне говорили, даже в Турции, откуда к нему обращались за советами, прося разрешить разные политico-религиозные вопросы. К счастью, он не фанатик, и несколько раз своим влиянием удерживал своих соотечественников от вспышек".

Почему я обратил внимание на эту часть рассказа иностранца? Дело в том, что Алигаджи дожил до 1930 года, а главное - сыграл видную роль в ходе гражданской войны в Дагестане.

В 1990 году мне повезло встретиться с его сыном в селении Акуша. Его звали Ильяс Али-Гаджи. Он любезно принял меня и согласился ответить на все мои вопросы. Вот его рассказ:

"Отец мой был среднего роста, сероглаз, внешностью, говорят, я на него похож. Отец никогда не горячился. На вопросы отвечал мгновенно, если даже они были каверзными, с двойным подтекстом. Не сердился, не обижался, держался спокойно. На губах его постоянно играла улыбка. В еде не был капризен, что подадут, то и ел. День у него начинался и кончался молитвами. В промежутках много читал, писал. У него была библиотека в 700-800 томов. Среди них имелись и его сочинения. Например, "Имам Ислам" (Вера в Ислам), отпечатанная в Темир-Хан-Шуре в типографии Мавраева.

Владел отец даргинским, арабским, кумыкским, другими тюркскими языками.

Главной заботой он считал сохранение мира между дагестанцами. Этой задаче отец посвятил всю свою жизнь.

Правильно пишет иностранец, что он не был фанатиком. Очень терпимо относился к людям другой веры, внушал такое отношение и другим людям, которые к нему обращались за советом. В качестве примера вот несколько слов о его характере.

Помню такой случай. В Дербенте проживал один очень богатый дагестанец, владевший землею даже в Турции. Детей ему господь не дал. И вот когда он внезапно скончался, между родственниками начались раздоры. Не договорившись ни до чего, они за советом решили обратиться к моему отцу. "При справедливом решении, - сказали ему, - обещаем богатство, которое тебе и не снилось".

Отец выехал в Дербент на лошади в сопровождении моего брата Магомеда. Хозяева подготовили богатое угождение, созвали самых почетных гостей Дербента, объяснили, почему разгорелся сыр-бор и почему пригласили акушинца. Отец выслушал заинтересованные стороны, затем выбрал место, откуда все могли его видеть и слышать, и сказал приблизительно следующее:

- Ваш родственник, мир его праху, покинул этот мир. А вы, вместо того чтобы сблизиться друг с другом, собрались, как собаки над мертвым телом. Вы просили совета? Вот он: если хотите очутиться в раю, раздайте богатства усопшего беднякам, ибо оно было создано их руками!

После этих слов, в которых дипломатией и не пахло, на глазах ошеломленных людей он сел на лошадь и с сыном поторопился в Акуша...

Отец умер в 1930 году в возрасте 82 лет. По решению джамаата, погребен в одной из комнат в доме, принадлежащем нашему семейству.

В 1936 году все книги, рукописи, документы, письма, принадлежащие ему, работники НКВД облили керосином и на глазах акушинцев подожгли.

Мою маму, Бульбуль, нас, детей - троих сыновей и четырех дочерей - сослали в Среднюю Азию. В живых остался только я один..."

Мне остается добавить, что Ильяс Али-Гаджи Алигаджиев, сын Алигаджи Акушинского, родился в 1909 году. Знает языки арабский, русский, фарси. Книгу "Асари Дагестан" Гасана-Эфенди Ал-Кадари он перевел на арабский язык со своими комментариями об алимах, революции в Дагестане и т.п. В момент нашей встречи Ильяс Али-Гаджи был занят трудом по истории Дагестана, роли отца в жизни народа.

Жил Ильяс Али-Гаджи все еще на чужбине - в Киргизии, где служил имамом в одной из мечетей. В тот день, когда мы беседовали, я сам видел, как к нему приходило множество людей. Слушая его ответы на их вопросы, я ловил себя на мысли, что сын пошел в отца: был прост, доступен, образован, мудр.

Рашид АЗИЕВ

ТРЕВОГА

Этикет: "ДИЧАЕМ" ПОТИХОНЬКУ

Мы живем в непростое время, одной из примет которого является нарастание информационных потоков. Они, в свою очередь, определяют культуру взаимоотношений людей, нормы и правила поведения человека, называемые "этикетом".

Спеша, мы приветствуем друг друга: Привет! Салам! Как дела? У нас все меньше становится времени, но хорошее доброе слово дает заряд энергии на целый день, а необдуманно брошенная фраза оставляет горький осадок.

Испокон веку у нас старшие почитались младшими. Последние первыми здоровались со старшими по возрасту, уступали место на гадекане, стоя приветствовали аксакалов, за стол садились с их позволения. Многое в этикете горцев было связано с дорогой. Если в пути встречались пеший и всадник, первым здоровался верховой или младший по возрасту. В знак уважения всадник сходил с коня. Джигит, проезжая мимо работающих в поле, желал им добра и удачи, а те, в свою очередь, желали ему здоровья и счастливого пути. Большое место отводилось куначеству. Гость был всегда желанным в доме горца. Такие взаимоотношения являлись предметом нашей гордости, на них обращали внимание приезжие из других регионов страны. Нам всегда были свойственны чувства взаимоуважения, спаянности, сострадания и поддержки. Характерно, что между нами не происходило серьезных противостояний. Все решалось мудростью аксакалов и народной дипломатией.

В годы Великой Отечественной войны тысячи русских людей нашли в Дагестане свой приют. Дагестан стал для них второй родиной. В 50–70-е годы многие горцы были переселены в равнинные районы республики. В

силу различных причин они оказались среди кумыков, терских казаков, ногайцев, азербайджанцев, которые приняли их как своих братьев. Здесь сложились многонациональные села и семьи. Другим примером доброжелательности наших народов является то, что не в самое лучшее для себя время дагестанцы приняли более 200 тысяч беженцев из Чечни, разделили с ними тепло, хлеб и крышу над головой. На нашей памяти осень 1999 года, твердость, решительность, мужество сумели противостоять агрессии, не дали оснований для втягивания Дагестана в военную авантюру.

Благодаря этим качествам все трудности переносятся легче. В начале 90-х годов при переходе страны к рыночным отношениям дагестанцы не пошли по миру, люди, имеющие какие-то возможности, старались поддержать других, более нуждающихся; они начали переключаться на новые, более нужные обществу сферы деятельности. Это - бытовое обслуживание, транспорт, торговое строительство, общественное питание...

Тем не менее, мы видим, как потихоньку идет потеря тех ценностей, которые складывались у нас веками. Нас все глубже и глубже захватывает волна агрессивности, хамства, бездуховности. К сожалению, не всегда достойный пример показывают телевидение, газеты, журналы. Что хорошего могут преподнести бесконечные отечественные и зарубежные телесериалы с криминальным содержанием, убийствами, стрельбой, насилием. Грубость, нецензурные выражения, пошлость воспринимаются как образец поведения для молодых. Наглядны в этом отношении телепередачи "Окна", "Домино", "Империя страсти", "Деньги не пахнут". Не на высоком уровне находится и местное телевидение, которое передает по различным каналам

концерты популярных певцов, танцующих с полуляжными зрителями, швыряющими денежные знаки.

Мы видим, как резко стали меняться формы обращения друг к другу. Сейчас редко услышишь "Большое спасибо", "Будьте добры", "Благодарю Вас", "Скажите, пожалуйста". Вместо этого режет слух "Шеф, тормози", "Дай мне кило конфет", "Не твое дело", "Потом пройдешь". Почти исчезли бытовавшие раньше формы обращения: отец, мать, брат, сестра, тетя, дядя. В то же время широко распространились такие, как: мужчина, женщина, старик, старуха.

В транспорте, других общественных местах заметно стало неуважительное отношение к пожилым. Юнцы преспокойно восседают, а аксакалы переминаются с ноги на ногу. И все это воспринимается уже как должное.

Уважение к человеку диктуется уже не его возрастом и мудростью, а занимаемой должностью. С экранов телевизоров, со страниц газет и журналов практикуются бесконечные восхваления отдельных личностей, что порождает всеобщее лицемерие, легализует обман и двойные стандарты. Мы помним как в "застойные годы" из властных структур шли огромные потоки наград - орденов, медалей, всевозможных почетных званий, приуроченных к юбилейным датам, успешному завершению пятилеток и просто в силу пробивной способности "претендентов" на них.

Мы давно уже живем в другом общественном измерении, мыслим другими категориями. Казалось бы, прошло достаточно времени, чтобы дистанцироваться от такого прошлого. Но нет, к сожалению, старые представления крепко сидят в нашем сознании. Обилие "заслуженных" наград не иссякает. Искушение тщеславием, которое почему-то поощряется сверху, довлеет над нами. А ведь известно, что талант человека не способны затмить годы. Нуждались ли в званиях А. Пушкин, И. Репин, П. Чайковский, Л. Толстой, Махмуд, Батырай? Они без всяких званий были и остаются подлинно народными. Посредственность, несмотря на "золотое" обличие, сотрется временем.

Следствием этих веяний становятся аномальные явления в нашем обществе. Это оставленные в Доме ребенка дети, брошенные в домах престарелых больные родители. Еще недавно это воспринималось, как позор, получало осуждение общества. Но сегодня... Бездущие, бессердечность становятся нормой поведения, такие люди не задумываются, что их пример заразителен для их собственных детей.

Этикет, формы человеческих взаимоотношений напрямую связаны с бытовыми сторонами жизни, и в первую очередь со свадьбами и похоронами. Не сказать об этом невозможно, потому что порой люди теряют всякое чувство меры.

Обращают на себя внимание свадебные пиаршества с участием до тысячи приглашенных. Такие "свадьбы" часто превращаются в тусовки для избранных лиц, где многим нет дела до молодоженов. Естественно, и тамада не в состоянии управлять такой публикой. А какие трудности в движении автотранспорта создают "свадебные поезда", оглушающие улицы канонадой сигналов, обгонами и перекрытиями улиц, нередко заканчивающимися трагично. Совсем иначе, скажем, проходят такие торжества в столице соседнего Азербайджана - Баку. Там бракосочетания начинаются чаще всего прохладным вечером. Гости отдают предпочтение не распитию горячительных напитков, а танцам и песням.

Молодожены едут на свадьбу скромно, без лишней шумихи и большого сопровождения.

Неотделимы от повседневной жизни и похоронные ритуалы, так как утрата близкого человека чувствительна для семьи. Присутствие родственников дает ей моральную поддержку. К сожалению, нередко эти мероприятия превращаются в многодневные трапезы, с раздачей садака. Такие расходы обременительны для семьи покойного и по своим масштабам иногда превышают даже свадебные. В упорядочении такого ритуала свое слово должны сказать религиозные деятели.

В продолжение темы нельзя не упомянуть кладбища - отражение нашей духовной культуры. К сожалению, посещение наших кладбищ оставляет самое неприглядное впечатление и, прежде всего - неухоженность многих могил, бессистемностью захоронений, обилием оград, бронированием мест. Хотелось бы, чтобы соответствующие органы не пускали это на самотек, уделяя этому необходимое внимание.

В цивилизованных странах Запада существует традиция, когда известных общественных деятелей хоронят в семейных склепах на их малой родине. У нас же люди с мало-мальски видным общественным положением хотят быть похороненными непременно в столице и на самых видных местах. Более 20 лет назад на территории парка Ленинского комсомола в Махачкале была учреждена "Аллея почетного захоронения". Когда скончался выдающийся государственный и общественный деятель Дагестана Абдурахман Даниялов, которого решением правительства должны были похоронить там, близкие покойного посчитали, что его место среди простых смертных, каковым он и был в жизни. Тогда и были приостановлены дальнейшие "почетные захоронения". Можно представить, во что превратилась бы эта часть парка за четверть века.

Приходится сожалеть, что роль религии в воспитании молодежи весьма аморфна. Знание одних сур Корана и исполнение установленных ритуалов носят декоративный характер. К сожалению, ярких, талантливых личностей, способных воздействовать на подрастающее поколение словом и своим примером, у нас пока явно недостаточно.

Поучительным может быть воспринято выступление деятелей российского духовенства: митрополиты Кирилл, Алексий II, Филарет, муфтии Татарстана, Башкортостана. Бросается в глаза их внешняя опрятность, умение четко, доступно и грамотно излагать свои мысли. Таким был и наш покойный муфтий Саид-Хаджи Абубакаров. Мы преуспели среди стран СНГ по количеству выездов в хадж на душу населения и построенным мечетям. Хотелось бы их действенного влияния для защиты от наркомании, алкоголизма, терроризма, других антиобщественных явлений.

Этикет является существенной частью культуры общения. На это должны повседневно обращать внимание педагоги вузов и школ. Почему бы редакциям телевидения и радио не организовать цикл передач под названием "НАМУС" с приглашением ведущих ученых, философов, поэтов, писателей, деятелей культуры, духовенства, ветеранов войны и труда. На такую тему можно было бы открыть рубрику и в республиканских газетах. Это в значительной степени способствовало бы возрождению добрых традиций и духовных ценностей, выработанных на протяжении веков нашими народами.

ДИСКУССИЯ

День и Ночь. Огонь и Вода. Свет и Тень. Север и Юг... Мир полярен. Не только материальный, но и духовный. Полярен и человек. Левое и правое полушария мозга думают по-разному. И раздваивают индивид. Делают его то практиком, то теоретиком, то логичным, то эмоциональным. То слабым, то сильным. То оптимистом, то пессимистом.

Противоположности всегда конфликтуют. И спор этот вечен, как борьба Добра и Зла. Эти разглагольствования "за жисть" похожи на вечный и не всегда трезвый кухонный треп россиян. Когда правы оба собеседника. Когда у каждого - своя правда.

С одной стороны, как не быть оптимистом, когда с нового года зарплату обещают на 20% повысить, когда "и Путин такой молодой, и новый его срок впереди". А с другой стороны, как не быть пессимистом, когда под завтрашнее и только еще сулимо повышение зарплаты цены вырастают уже сегодня. Когда властующие говорят одно, а делают нередко другое.

Прислушаемся к этому спору:

ПЕССИМИСТ И ОПТИМИСТ: ВЗГЛЯД НА ТЕЛЕБУДНИ

- Недавно передавали, как один японец официально заключил брак с телевизором. Сильная это штука - телевизор. Гениальное изобретение человечества. Мы каждый вечер устраиваемся поудобнее и включаем его, любимого. Чисто механически. Рефлекторно. Да зачастую его и не выключали вовсе. Он как бы член семьи. Каждой семьи. Да еще и привилегированный. Вспомним, сколько раз мы шипели на детей, внуков, родителей из-за того, что помешали расслышать то, о чем он говорит. Его слово - закон. Его речи сомнению не подлежат. Его нельзя, невозможно перебить. За какие-то три-четыре десятилетия он из экзотического вундеркинда превратился в гиганта мысли мирового масштаба. Он взял на себя функции учителей, воспитателей, родителей. Большинство населения земного шара уже является воспитанником этого всезнающего монстра. Человечество - это полчище зомбированных существ. Телевизор - наркотик под первым номером. Попробуй на день-два лишить нас его вкрадчиво-властного голоса - информационный голод будет чуть ли не физически болезненным.

- Ну, зачем так сгущать краски?! Да, несмотря на обилие каналов, на загруженную от утра до утра сетку вещания, кроме информационных и еще трех-четырех программ, смотреть нечего. Все остальное - мишурा, включая сериалы. Но то малое, что остается, - весьма качественное, не в пример прежнему, доперестроенному телевидению. Да - телевизор член семьи, но такой... по востребованию, да - какой-то наркотик, но смотря для кого как. Для здравомыслящего - наркотической зависимости нет. А голод можно утолить газетами, журналами, книгами, радио, наконец. Еще и Интернет предлагает услуги. Так что станет ли человек

телеманом или, скажем, алкоголиком - зависит от индивида. Мы просто экономим время, благо, технический прогресс позволяет это делать.

- Это на словах. На деле же все ужасно обленились. Чтение становится уже уделом избранных. Даже радио люди слушают только в автомобилях. Им мало слушать, им нужно еще и показывать. Не зря говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

- Вот и прекрасно, за что и надо телевидение благодарить.

- До поры до времени мы все его благодарили - пока у него не появился хозяин. Иметь такое мощное оружие и не использовать его для своей цели человек не может. Не может - и все! Такова его натура. Вот и превратился телевизор в свою прямую противоположность. Задумывали его как источник информации, а стал он источником дезинформации. Или источником информации, нужной хозяину, этаким мировым глашатаем. Превратился в инструмент глобального психологического давления. Сейчас телевидение способно, если на то будет воля хозяина, обвалить валюту любой страны, посеять панику на фоновой бирже, натравить один народ на другой. Телеящик способен из любого ничтожества сотворить супермена и любого супермена низвергнуть до уровня ничтожества.

- Не надо преувеличивать! Не обладает ТВ такими возможностями, а телезрители - не стадо баранов, бегущее за козлом, куда бы он ни шел. Время уже не то. И люди не те. Что до вранья... Но когда в нашей замечательной стране нам не врали! Или прямо в лоб, не стесняясь, или, что чаще, обиняком, прикрываясь полуправдой. Хорошо бы внимать только чистой правде, но к этому мы лишь идем, увы, медленней, чем хоте-

лось. Поэтому верить – не верить – проблема телезрителя, а не телевизора. С нашим опытом вниманья вранью пора бы научиться отделять ложь от правды, которой, как ни крути, стало больше чем прежде, пусть и не очень приятной. Но это лучше, чем приятная ложь.

- Меня не волнует, что было. Меня волнует, что есть. И где здесь преувеличения? В 1992 году никому не известный биржевой спекулянт Джордж Сорос обрушил курс фунта стерлингов, в результате чего британская валюта подешевела вдвое, а сам Сорос в одночасье стал богаче на 950 миллионов долларов. И знаменитым на весь мир.

- Ну и что? Меня не волнует, что кто-то стал богаче. Волнует другое - совершил ли он преступление. Если бы Сорос нарушил закон, то сидел бы в тюрьме, чему есть масса примеров, когда за решеткой на Западе оказываются миллионеры и министры, чего не происходит пока в нашей стране. Но это пока, хотя лед, вроде, тронулся. Пример Сороса говорит не об обмане, им учиненном, а о его финансовой интуиции не в пример неприкрытой лжи Мавроди с его пирамидой МММ. Кто виноват - Мавроди или ТВ? Мало ли кто и о чем врет. И ТВ предупреждает, что за рекламу не отвечает. Обманутые сами виноваты, что поверили. Больше скажу: они сами хотели обмануть других, надеясь разбогатеть на халяву. Вот и попались: не рой другому яму - сам в нее попадешь...

- Тогда другой пример. После атаки террористов на США 11-го сентября 2001 года доллар дороже, чем за 15-18 рублей, у нас в России нельзя было продать, хотя днем раньше он стоил чуть ли не вдвое дороже.

- Конечно, ажиотаж возник, но виновно в нем не ТВ, которое информацию передало и показало, а сама информация. Не будь ТВ, это сделали бы газеты, а быстрее всех информацию передает радио. Дело ведь в ней самой, а не в ее переносчике. Бывало, просто слух, никем не подтвержденный, тоже обваливал рынок и курс валют. Виноваты и мы сами, когда паникуем по поводу и без повода. Вспомните недавнюю ситуацию с банками: возник слух о банкротстве одного банка, и люди побежали за своими вкладами во все остальные. Хорошо, что не все и не во все банки; хорошо, что не все верили МММ и Лене Голубкову с его рекламой. Что ни говори, а привыкли у нас обманываться и обманывать других - жизнь заставляла. Но со временем этот синдром пройдет. А ТВ - бизнес, как всякая пресса - электронная или печатная. Пора отвыкать от понимания ее как идеологического оружия. Только бизнес это специфический - торговля информацией, которая должна быть честной, иначе бизнес прогорит. Теракт в США случился? Да. А что до рекламы, то отвечают за нее рекламодатели, а не пресса, о чем она честно предупреждает.

- Но телевидение насаждает клиповое мышление: ни во что не углубляться, не вмешиваться, не задавать ненужные вопросы. Чуть затронули важную тему - реклама. "Оставайтесь с нами, мы вас лучше оглушим" - вот знамя нынешнего телевидения. Репортаж с бесланских событий ТВ умудрялось прерывать рекламой жевательной резинки. Кариес - трагедия чуть ли не вселенского масштаба. Или перхоть. Как будто ничего важнее в мире нет. Вспоминаются проклятия, услышанные еще в детстве из уст стариков. Подчеркивая желание отдалить от себя человека, они говорили: пусть он

окажется по ту сторону Терека. Для людей того поколения, живущих в горах Дагестана и передвигающихся исключительно на лошадях и ослах, эта река казалась краем земли. Что можно понять: до нее надо было два-три дня скакать. А сейчас? Благодаря телевидению мы в считанные минуты оказываемся не только по ту сторону Терека, но и по ту сторону Миссисипи и Нила одновременно.

- Разве это плохо?

- Только кажется, что хорошо. А на самом деле, это - действительно плохо. Потому что речь идет о негативном влиянии телевидения на умы людей. Если проанализировать телепередачи наших дней, то обнаруживаешь, что хорошего-то в них нет ничего. Все меньше и меньше аналитических передач, интеллектуальных игр, все больше и больше никчемного трэпа, бессмысленной стрельбы, откровенной пошлости. Идет сознательное умалчивание позитивной информации. Когда к нам приезжал Анатолий Чубайс участвовать в мероприятиях по пуску энергоблока Ирганайской ГЭС, он с собой из Москвы привез целую бригаду журналистов, здесь к ним присоединились их местные коллеги, работающие на центральные СМИ. Но ни один центральный телеканал ни словом не обмолвился об этом факте. Точно так же была умолчана информация о съезде писателей России. Да разве только это? Негатива, криминала на экране - хоть завались. Позитива - вообще ноль. Почему? Да потому, что хозяева жизни поставили целью оболванить народ, посеять вражду между людьми, разбудить в них все низменные чувства. И с этой задачей телевидение справляется блестящее.

- Забавная мысль... Кто ж эти хозяева, которые хотят нас оболванить? Члены правительства? Олигархи какие-нибудь? И какая им выгода - тем и другим - нас оболванивать? Да и возможно ли делать это лучше и больше, чем это делалось прежде! Да, мы так привыкли к лапше на ушах, что она везде нам мерещится. Негатив ТВ - продукт этого дикого нашего состояния, полусоциализма-полукапитализма. Изголодавшись, все бросились за деньгами, в этой мутной воде их добывает кто как может. И на телевидении тоже. Законы у нас работают плохо, если вообще работают, и негатив вылезает на телеэкран - что в политике, что в экономике, что в кино, что на эстраде. Не надо его просто смотреть - и все тут. Переключайтесь, а если ничего порядочного не найдете, всегда есть нормальный канал "Культура" - рекомендую. А перекос в сторону негатива объясняется просто: пресса стала, наконец, более информативной во всех сферах жизни общества. И оказывается эффект откупленного, наконец, сосуда с подобного рода информацией. Вот и бьет фонтан. Придется потерпеть, пока дикость не пройдет.

- Но люди не виноваты, они живут сейчас, они ждали светлого будущего десятки лет. И снова ждать?

- А кто виноват? Неужели Гайдар с Чубайсом? Ведь они и не родились еще, когда народу обещали это светлое будущее. Тогда, значит, те, кто обещал, и те, кто им поверил. Значит и мы, их дети и внуки, кто продолжал и продолжает тем "обещалкиным" и нынешним их последователям верить. Так чего же пенять на ТВ, на тлетворное влияние Запада, на олигархов. Посмотрите, какой бешеный рейтинг у глупых сериалов, как заливается хохлом публика в залах на скучных, псев-

доюмористических передачах "Аншлага", с каким вожделением следит телезритель за сшитыми на живую нитку сюжетами отечественных и чуть лучше скроенных зарубежных боевиков. Эта публика, этот зритель не с Запада нам засланы, это мы такие. Вот и подстраивается ТВ под наши пристрастия.

- Нет, это ТВ диктует нам свои пристрастия. И противопоставить его натиску нечего. Потому что возможности телевидения огромны. Здесь и набивший оско мину двадцать пятый кадр, здесь и полуправда, которая в иных случаях оказывается опаснее лжи. Но главное - частота повтора. Известно ведь, что капля камень точит. А этот идеологический "кап" помощнее капли воды, да и мозги помягче камня. У нас сейчас идеологии нет, зато у других она есть. Сейчас в мире одна идеология - власть. Носители этой идеологии - люди, наделенные этой самой властью. Их задача - сохранить ее любой ценой.

- Не надо открывать Америк. Так было всегда. Люди, не имеющие власти, хотят ее получить, имеющие - сохранить. Распадались империи, низвергались правители, хотя из кожи лезли, чтобы этого не случилось. Так что ничего нового не произошло.

- Произошло. Власть перестала быть народной. Она была народной в античные времена. Демократия - это очередной большой миф. Как коммунизм в недавнем прошлом. Сейчас у нас, да и во всем мире тоже, - деньгократия. Знаешь любимую поговорку американского миллиардера Рокфеллера? Он, говорят, часто повторял: то, что не смогут сделать деньги, сделают большие деньги. Деньги - вот истинная власть. Ни президенты страны, ни региональные лидеры, ни тем паче районные руководители властью уже не являются. Так, временщики. Бригадиры или управляющие властными проявлениями. Истинным же носителем всей мировой власти, ее узурпатором стала кучка людей. Нас когда-то пугали масонской ложей, международной мафией. Сейчас все это стало реальностью.

- М-м-да... Ситуация хуже, чем я предполагал. Не понимание того, что в стране происходит, рожденный этим страхом, прогрессирующее неверие во всё и вся из-за разоблаченной лжи, казавшейся такой незыблевой истиной на вечные времена. Тяжелый случай... Не каждый способен быстро избавляться от химер, спрашивали оценивать происходящие в обществе политические и экономические подвижки, мотивы поведения и поступков людей. Что ж, это естественно. Говорю об этом, хотя понимаю: человеку, который считает, что власть перестала быть народной, будучи таковой лишь в античные времена с его рабовладением, доказать и объяснить что-либо практически невозможно. Но наш спор выносится на суд читателя и это заставляет продолжать его. Повторяю: не надо открывать Америк. Деньги всегда были и будут властью во все времена. Они незримо стояли, стоят и будут стоять за спиной любой власти и в любом обществе. Только в разной степени. Лишь при тоталитаризме власть денег порой растворяется во власти политической, игнорируя все остальные ветви власти, а при достаточно высоком уровне демократии низводится до благопристойного уровня. А собственно народной власть еще никогда не была и еще не скоро будет. Даже в самых демократичных странах, где деньги продолжают играть свою роль, хотя не такую явную, как в менее демократичных. Что

уж говорить о нашей бедной стране, которая все еще продолжает карабкаться из рабства. И все-таки: чаша весов, на которой деньги, с каждым новым витком общественного прогресса весит все меньше. Поэтому не надо паниковать: все происходит согласно законам общественного развития. Вот только временных зигзагов на этом пути из-за невежества - типа коммунистического строительства или всемирного фашистского господства - не надо допускать.

- Это Германия была невежественной с ее наукой? Или Россия - с ее высокодуховностью?

- Разумеется. Германия потеряла ориентиры из-за сокрушительного поражения в первой мировой войне, из-за нравственного унижения, враз оказавшись у разбитого корыта и на задворках Европы. А Россия - из-за раз渲ла империи, вечной нищеты и рабства, из-за веры в мифические обещания, что "кто был никем, тот станет всем". Любое стремление к мировому господству - на волне ли национального превосходства, классовой ли борьбы - изначально обречено на провал: оно противоестественно.

- Теоретическими выкладками, пустыми рассуждениями о прошлом народ не накормишь. Сегодня, по сути, мир разделился на три неравных слоя. Нижний и самый толстый слой - бараны, это все мы. Второй слой - это те, кто нас пасет, президенты стран, руководители транснациональных корпораций. Понятно, что пастухи эти держат при себе сторожевых псов, скаковых и ломовых лошадей, другую живность. А третий, тонкий и жирный слой, - это хозяева жизни. Сливки. Эта кучка людей прибрала к рукам не только все наиболее динамичные и экономически мощные предприятия во всех странах мира, но и важнейшие стратегические объекты - нефтяные, газовые, алмазные месторождения, железные дороги, телекоммуникационные системы. Она объединила все финансовые ручейки в мощный поток и направила его в свой бездонный карман. Только один пример. Недавно новоназначенный руководитель ФСБ в Дагестане Николай Грязнов в своем первом интервью сказал, что ежегодно из России вывозят двадцать миллиардов долларов. Много это или мало? Несложные вычисления приводят к ошеломляющей цифре: это - более полутора миллиардов в месяц! Это - дань России хозяевам жизни. Но ведь такой данью обложены и другие страны мира. Вот и представь себе мощность этого потока. Он способен смети все на своем пути. И нет уже у этой кучки людей конкурентов в Солнечной системе.

- Все дело в том, кто ощущает себя бараном, а кто - нет. Кто - нет, тот ищет и находит свою нишу в нашем вечно меняющемся мире, кто же ощущает - тот ищет и ждет чабана, а когда его не находит, то впадает в панику, начинает голодать или клянчить подачки. Его тоже можно понять: три поколения в нашей стране жили в таком состоянии, привыкли к чабану и быстро перестроиться смогли не все, большинство даже не смогло. Цивилизованный мир живет без баранов и чабанов уже не одно столетие, и мы тоже захотели жить не баранами. Никто нас из скотского состояния не выведет, надо будет самим попотеть. А рассуждения о кучке людей, хозяевах жизни, почерпнуты из прежних учебников истории. Мир меняется очень быстро. Если раньше наверху жирный слой был тонким, то с каждым годом его толщина растет, и достигла уже приличных разме-

ров. В нормальных странах нижний слой - не бараны, а еще хуже, деклассированные элементы: алкоголики, наркоманы, бомжи, которых содержит достаточно густой и высокий средний слой. В который, кстати, входят и все те, кто был вынесен тобой во второй слой - президенты, министры, прочие управленцы всех мастей. Чиновники в нормальном обществе не пастухи, а слуги остального общества, которых оно снимает, назначает, выбирает на определенный срок или выгоняет с работы. А вывоз денег не следует делать для себя пугалом. Да, было бы лучше им оставаться в родной стране и работать на ее экономику. Тем более в ее нынешнем состоянии. Но в мире давно уже деньги "катаются" из страны в страну, туда, где им комфортнее. Вот и надо добиваться, чтобы они текли в Россию, а не из нее. В Нью-Йорке, например, центр города, так называемый Рокфеллер-центр, принадлежит японцам. Вся "начинка" американских телестудий сделана в Японии, но американцы, как и японцы, по этому поводу не плачут и не смеются. Нормальный процесс.

- Наивно считать, что в мире здравого смысла стало больше. Знаний - да, но смысла... Повторяю: мы все - бараны. И даже знаем ровно столько, сколько должны знать. Сколько нам отмерено. Разница только в том, что одни из нас увиденное и услышанное анализируют, пережевывают, другие же просто глотают, словно манную кашу. Истинной информацией владеют только хозяева жизни. Даже пастухи знают не все. И бедность у нас - наследуема. Дети бедных родителей не смогут получить хорошее образование, устроиться на хорошую работу, открыть свой бизнес. Им, как шутит Борис Крутиер, не в чем выйти в люди. И, в свою очередь, не смогут ничего дать своим детям. Круг замыкается. То, что можно вырваться из этого круга - тоже миф. Несколько десятилетий назад с некоторыми это еще могло случиться, но не сейчас. Нельзя выпрыгнуть из нищеты. Нищий даже в лотерею никогда не выиграет - ему не на что билеты покупать. Кстати, существует закономерность: чем беднее народ, тем больше он верит в разного рода сказки, надеется на чудо, играет в лотерею. А что сейчас творится на нашем телевидении? "Шар удачи", "ТВ-Бинго-шоу", "Русское лото", "Золотой ключ", "Честная игра"... И игровых автоматов, этих одноруких бандитов, можно встретить на каждом шагу. Не страна, а сплошная лохотрония.

- Значит, не страна нищих, раз они играют. Да и у нас, в Махачкале, посмотрите, с какой нагрузкой работают игровые автоматы. И кто вокруг них? Олигархи? Как бы не так! Молодежь и взрослые, судя по одежде, простые граждане. Сколько угодно примеров на

Западе - от Генри Форда до Билла Гейтса - и даже у нас, в России, когда, начав с нуля, человек становится миллиардером, не обязательно играя в лотерею, а добиваясь успеха своим трудом. Но зачем быть обязательно несметно богатым? Впрочем, у каждого - своя цель: кому - власть, кому - деньги, кому - достаточно хлеба с маслом

и чистого неба над головой. А то, что чем беднее народ, тем больше он верит в сказки, - абсолютно верно, что и подтверждает пример России. Только пора понять: время сказок с бессмысленными обещаниями кончилось, начались суровые трудовые будни во имя реальной цели.

- Но доходы от казино, от продажи наших несметных природных ресурсов, работы крупных отраслей промышленности - это все для них, хозяев жизни. Наш же, бараний, удел, как всегда - подножный корм. Те три слоя, о которых я говорил, никогда теперь не смешаются, что и создает иллюзию стабильности. Только в сказках принцы женятся на золушках. А те, кто работает на себя, и могут себе кое-что, кроме хлеба и воды, позволить, тоже с их бизнесом принадлежат хозяевам жизни. Если собака принадлежит чабану, она ему принадлежит вместе с блохами, живущими в ее шерсти. И одно из главных приобретений хозяев жизни - телекоммуникационные системы. Владея сетью телеканалов по всему миру, влиятельными газетами, ресурсами Интернета, они беззастенчиво вешают лапшу на уши человечеству. Мы же вынуждены есть это идеологическое кушанье. Невкусна эта еда, когда горька, когда приторна, иногда противна, но - едим. Выбора нет. По сути, телевидение - тот кнут, с помощью которого нас, баранов, пасут... Его и не выбросишь, я же сказал: это - наркотик. Какой наркоман откажется от своего пристрастия...

- Известно, что на дорогах нашей страны ежегодно погибает больше людей, чем погибло за многие годы афганской и чеченской войн. Повторяю: ежегодно больше, чем за многие годы войн. Так что: откажемся от автомобилей? Виноваты, конечно же, не автомобили и телевизоры, которые тоже не следуют выкидывать, а люди, которые пользуются ими. Почему мы смотрим всякую ерунду, повышая ей рейтинг, почему не протестуем против всего, что наносит обществу вред, почему не заставляем наших депутатов принимать нужные законы, почему... Много возникает "почему", на которые ответ, пожалуй, один: это мы с вами такие инертные, каждый в отдельности личность, а вместе - тут с тобой в чем-то можно согласиться - отара баранов, пока. Однако ж, неужели ТВ - только зло! Неужто не принесло добра? В нашей национальной эстраде, например?

- Принесло. Но в большинстве своем наши новомодные национальные песни не что иное, как чужая мелодия плюс отечественный набор слов, потому как стихами назвать то, что мы слышим со сцены, язык не поворачивается. Да что наши "звезды", даже такая "звезда", как Киркоров, на которого работает целая музыкально-песенная индустрия, позволяет себе заимствовать песни и выдавать их за свои. Песни стали свободно конвертируемыми, как зонкие доллары...

- Ну, это уже другой разговор. Послушаем, что скажет о нашем споре читатель. Если его это трогает, продолжим разговор и на другие темы...

Гази ГАСАЙНИЕВ
(за пессимиста)

Далгат АХМЕДХАНОВ
(за оптимиста)

ЖДИТЕ "ДЕТЕЙ ИНДИГО"

Сожалением приходится констатировать факт, что дагестанские психологи разрознены, не имеют единой организационной структуры и не стремятся к повышению квалификации и обмену опытом с психологическими службами других регионов России. Что называется, варятся в собственном соку. Однако бесперспективность такой ситуации понимает существующая в Махачкале психологическая служба "Генезис".

Именно по ее инициативе в нашей республике уже в восьмой раз проводятся семинары и тренинги Марини Вячеславовны Смоленской. Это имя известно в Дагестане пока еще не самому широкому кругу лиц. И все же есть люди, которые хорошо знают члена Профессиональной Психоаналитической Лиги, члена Европейской Лиги системных терапевтов, сотрудника центра "Доктор 2000" Смоленскую. В их числе корреспондент журнала Джамал РАБАДАНОВ, посетивший проходивший в конце ноября тренинг СМОЛЕНСКОЙ "Мать и дитя".

Чем особенен менталитет обычного дагестанца, чем отличается практика психолога "здесь" и "там", и какие методики предпочтительны по отношению к населению нашей республики - на эти и другие вопросы ответила известный врач-психотерапевт.

Я достаточно хорошо знаю Кавказ и людей, которые здесь живут, у меня есть друзья-коллеги из стран Закавказья. Но дагестанцы меня удивили, причем удивили еще в самолете, когда я летела сюда впервые. Я увидела много мужчин, причем было видно, что они разного социального сословия, которые просто и тепло общались друг с другом. Мне, как человеку со стороны, было это в диковинку: чуть ли не весь самолет друг друга знает, общается и угощает чем-то со всем кавказским темпераментом. Я поняла, что если ты дагестанец - то ты многих знаешь. Были хорошо одетые пожилые женщины с печатью достоинства на лице.

В мужчинах ваших я отмечаю ощущение спокойной уверенности, то, чего так не хватает современному человеку. Есть в вас какая-то внутренняя сила, внутренняя цельность. Особенно в мужчинах. Цельность и, повторюсь, спокойствие. Не было суеты, скандалов, беспокойства, даже тогда, когда объявили о том, что рейс задерживается.

По прибытии я обратила внимание на большое увлечение здесь эзотерическими течениями. Серьезная и несерьезная литература по психологии, парapsихологии, эзотерике, магии. Немного поздновато, но в да-

гестанцах начал пробуждаться интерес к психологии как к науке, к психологическим техникам, как к возможности работать над собой.

Недостатком дагестанцев с точки зрения профессиональной (особенно это видно на психологических расстановках) является неумение прощать. Генетическая лояльность не предполагает возможности принимать людей, которые причинили вам и вашим близким вред, тем более - кровников. А все духовные практики, направленные на позитивизм, сейчас учат прощать. Кавказцы вообще - и дагестанцы особенно - не умеют прощать, даже если тебя зло затронуло косвенно. Это ваша национальная черта. Простить - значит быть на равных с тем, кто оскорбил тебя, причинил тебе боль, а вам это трудно принять.

Еще я обратила внимание на то, что здесь не принято выносить сор из избы, посвящать в свои беды, проблемы и неудачи других людей, проявлять чувства. Парадокс, но при этом все друг о друге все знают: кто из соседей вчера допоздна скандировал с женой, на чем заработал себе состояние тот бизнесмен и что выносится за скобки политических событий в вашей республике. Причем, сам объект разговоров полагает, что никто ничего о нем не знает. Традиция сохранения тайны оказывается нарушенной, вы не умеете хранить тайну.

То, что к психологам обращается гораздо больше женщин (на моих семинарах, если вы заметили, их было значительно больше) - это нормальная практика. По статистике мужчин, прибегающих к услугам психолога, во всем мире не более тридцати процентов. Только на семинарах по НЛП (неолингвистическому программированию), которое логично обосновано для лево-полушарных людей, что следует понимать - для мужчин, число представителей сильного пола достигает 70 процентов.

Это извечное отношение к психологии, форма психологического различия. Женщина предназначена для того, чтобы коммуницировать, общаться и сохранять мир в семье, а мужчина - выходить на "охоту", приносить в дом. У женщины, если вдаваться в анатомию, в коре головного мозга три разговорных центра, у мужчины - один. Мужчина лучше сделает что-то, чем станет об этом разговаривать, женщина должна это обсудить, взвесить, обсудить опять. Так уж мы устроены.

Я, например, предпочитаю консультировать мужчин, и вот почему: если ты объясняешь ему программу и вызываешь у него доверие, он здесь и сейчас получает результат. Он не станет для принятия решения

долго обдумывать, обсуждать, звонить подруге, маме, чтобы, в конце концов, сделать по-своему, а то и вовсе ничего не сделать - обычный хаос для женщины. Между левым и правым полушарием у женщины четырехрядная полоса, так называемый мною "автобан", а у мужчины - тонкая "тропиночка" одна. Он либо чувствует, либо думает, взвешивает, логически осмысливает. Хаос в женской голове - это не то, что семь раз отмерь, один раз - отрежь; мужчина, скорее, отмеряет, ищет удобную позицию, приоравливается и "отрезает". Женщина непоследовательна, она думает в другом направлении: а нужно ли вообще отрезать? Может, лучше склеить? Поэтому мужчины и ходят на семинары лишь тогда, когда: либо это для них профессия, либо их приводят жены или кто-то еще. Кавказский мужчина воспитан так: не показывать свою слабость, не говорить о своих чувствах, не заниматься "женскими" делами.

Сейчас во всем мире заметен процесс сдачи позиций сильным полом, женщина, созданная, согласно священным книгам, как "приложение" к мужчине, все громче и громче заявляет о себе с разных сцен, осваивает еще недавно считавшиеся мужскими профессии, возникла тенденция матриархализации общества. Женщины, с точки зрения биологов, более адаптированы к социальному существованию, к выживанию в непростых условиях. Неспроста на 106 мальчиков рождается 100 девочек: потому что у мужчин слабый генетический материал. Женщина более адаптивна, плюс ко всему ее задача - защищать плод. Когда муж шел на охоту и погибал, задача выживаемости рода лежала на женщине. В силу онтологических и психobiологических особенностей женщины уровень ее адаптивности в жизни выше.

На Кавказе, конечно, отношение к женщинам более патриархальное, традиционное. Женщинам-дагестанкам гораздо труднее стать феминистками, даже просто самодостаточными личностями, потому что нужно оторваться от множества "корней". Пойти против воли родителей, рода, который привык к патриархальному расположению вещей, сказать "я имею право", быть на равных со своим братом - на это пойдет не всякая дагестанка. А если еще при этом она не имеет семьи... В отличие от Запада, в России, и тем более в Дагестане, та, у которой нет семьи, и та, что не вышла замуж, считаются ущербными. У нее успешный бизнес, она много добивается - ну и что? Зато у ее сестры есть муж. И это перевешивает, несмотря на то, что муж этот - деспот, братья ее - алкоголики. Поэтому ценности семьи и брака для молодой девушки заслоняют собой ценности карьеры, реализации ее как личности.

В последнее время мы много слышим о новой формации, новом зарождающемся поколении. Это так называемые "дети индиго". Это поколение будущего с развитым эмоционально и интеллектуально (все-таки больше с первым) потенциалом, с обостренным чувством восприятия, более мудрое, чем их родители. Это поколение духовных людей. И при этом свободных от происходящего негатива, активных и сильных. Ребенок "индиго" после ругани матери в свой адрес не запла-

чет, не затает обиду и не пропустит ее мимо ушей. Он только спросит, смотря ей прямо в глаза: "А ты меня любишь, когда так говоришь, мама?" Это из области очевидного-невероятного: знакомый акушер мне говорила, что каждый десятый ребенок в роддоме светится, имеет своеобразный нимб вокруг себя.

Видимо, в них сегодня есть необходимость: Господь Бог посыпает нам их, ведь вокруг столько негатива и прерванного движения любви. При том, что вас тут

три десятка наций, вы никогда не расколетесь, в этом я уверена. Слишком много взаимосвязанности, переплетений. В дагестанцах есть любовь к своей стране и уважение, внутренняя общность и сила. Вы - те, кого Гумилев называл пассионариями. А чеченцев, как известно, он считал нацией, которая не успела укорениться в этом быстроменяющемся мире.

Хочу отметить минус в общепринятом в Дагестане воспитании детей. Это отсутствие в нем яркого выражения любви и принятия уникальности ребенка. Родители, как правило, требуют быть как все, и это плохо. А чаще им просто некогда воспитывать своего ребенка, и он предоставлен сам себе. Что же хорошо, так это то, что в подрастающем поколении есть уважение к старшим, к тра-

дициям предков. И большую роль играют в этом сами родители. Когда мать не уважает отца - это плохо, но много крат хуже, когда она говорит ребенку: "Не вздумай быть таким, как он!".

Очень часто дети лояльны к своим родителям. Мол, если моя мама была жертвой моего отца и обстоятельств, мне очень трудно чувствовать себя счастливым, я не имею права жить хорошо, я предаю маму, я нелоялен к ней. Важно вовремя снять такую установку. Человек живет или в прошлом, когда считает, как ему тогда было хорошо, или в будущем, когда уверен, что уж точно тогда ему будет хорошо. Но не здесь и не сейчас. Дети же, как правило, наслаждаются моментом, сиюминутностью. Вот он играет в игру и не думает, что завтра у него трудная контрольная и скоро четверные выставят, он умеет радоваться настоящему. Депрессия взрослых происходит оттого, что они думают: им не будет хорошо, либо оттого, что они не ждут ничего хорошего от жизни. Быть, дескать, счастливым непорядочно, неприлично, когда вокруг столько несчастных. Так считает человек, когда он лоялен. Когда он фантазирует, то он твердит себе: еще ничего не произошло, но мне точно будет плохо, я это знаю.

Многим мешает жить ощущение своей нереализованности. В этом случае необходимо либо снять уровень притязаний в жизни, либо понять, что тебе нужно, чтобы достичь желаемого. Я бы стал президентом, думает такой человек, но кто же меня туда пустит. И потом: там же все коррумпировано. А меньше чем президентом я быть не хочу.

Что тут сказать! Начни работать над собой, двигайся к цели. Измени себя, прежде чем менять мир. Если вам плохо, то это потому, что вы хотите, чтобы вам было плохо. Нужно нести ответственность за свою жизнь самому. Понимать это и действовать.

Марина СМОЛЕНСКАЯ

Абдурахман УМАХАНОВ

КАК ТЕРЯЮТСЯ ДРУЗЬ...

Есть несколько проверенных временем и подкрепленных горьким опытом способов обратить в друзей своих знакомых, друзей перевести в статус братьев и сделать братьев самыми близкими на земле людьми, избавив их заодно и от печально-наменитого постулата "брать мой - враг мой"...

Первое - никогда ни у кого ничего не просить. Второе - стараться, насколько это возможно, всегда выполнять все просьбы родных, близких и просто знакомых. И третье - ни при каких обстоятельствах не говорить никому из них горькую правду об их поступках и деяниях...

Ниже - три коротенькие невыдуманные истории, повествующие о том, к чему может привести пренебрежение последним из трех положений.

АМАНГЕЛЬДЫ

Мой друг детства Амангельды Мамбетов, только-только разменявший пятый десяток, возвращаясь из длительной командировки в восточные районы великой некогда страны, привез с собой высокую, стройную, очень красивую двадцатилетнюю

Наташу; с густой копной каштановых волос и внимательными, чуть раскосыми, "длинными", зеленовато-серыми азиатскими глазами на очень живом, подвижном, чуть скучающем лице, напоминающем юную Марину Влади из "Колдуны".

И еще он привез светловолосого мальчишку лет трех-четырех.

Когда Наташа ушла собирать на стол, Амангельды сказал, что это его жена, которую он отбил у мужа - отца трехлетнего Вадика, и с которым она еще не разведена. Поскольку дело это не только сложное, но и затяжное, они с Наташей решили не ждать завершения волокиты и начали с конца...

Затем Амангельды спросил, что я думаю о его подвиге ("отбитии"), о Наташе и вообще обо всей этой истории с географией.

Я честно сказал, что, вопреки расхожему мнению, гласящему, что жена друга не имеет лица, его избранница очень молода и красива;

судя по выражению ее глаз - достаточно умна и отлично знает, чего хочет. Так что с ней все предельно просто и ясно. Потом я добавил, что у меня к нему тоже есть несколько вопросов. Как, к примеру, принято называть даму, которая, будучи замужней женщиной, ложится в постель с другим мужчиной? С кем можно сравнить человека, рискувшего жениться на такой женщине? Есть ли у него полная уверенность в том, что через пятнадцать-двадцать лет на ее пути не попадется еще один, другой Амангельды, только моложе, здоровей и крепче него? И известно ли ему, как расценивают шариат подобные "браки", и как относятся мусульмане к детям, рожденным в таких браках? Догадывается ли он, что Вадим никогда не станет ему сыном, и, рано или поздно, обязательно уйдет к отцу?

Друг детства выслушал меня очень внимательно, не проронив ни единого слова. Ответ его был поразительно сух, на удивление деловит и лаконичен настолько, как если бы он писал рапорт на имя вышестоящего армейского начальства.

- Если я тебя правильно понял, - сказал Амангельды, - моя Наташа - обыкновенная, вульгарная, смазливая потаскушка (он употребил другое, более грубое выражение), а я, отважившийся взять ее в жены, законченный осел, которого в недалеком будущем ждет развеселая участь классического рогоносца. Что же касается Вадика - это тот самый случай с пригретым змеенышем.

Я ответил, что понял он меня абсолютно правильно, и... тут же потерял друга.

ЯЗЫК МОЙ...

перед гостиницей "Дагестан" удивила и обрадовала нас обоих.

Пошли воспоминания, обмен новостями, телефонами и адресами. Когда новости уже начали иссякать, рядом с нами остановилась миловидная девушка. Это была Зухра, моя знакомая, будущий эскулап; веселая, умная и ироничная. Она так естественно и непринужденно включилась в наш разговор, что мне даже не пришлось представлять ее Батталу.

Заметив, какими глазами смотрит на Зухру мой друг, я очень кстати вспомнил о неотложных делах, договорился с ним о новой встрече и, поручив девушку его попечительству, как теперь говорят, слинжал.

Через месяц с небольшим ко мне на работу зашел Баттал и после долгих разговоров вокруг да около заявил о своем намерении жениться на Зухре, ответившей ему согласием. И теперь его интересует дополнительная информация о своей избраннице.

Мои слова о том, что она часто бывала у нас в общежитии, а иногда уходила только утром, не произвели на него никакого впечатления, вскоре он ушел. Спустя недели две мне позвонила Зухра и коротко сообщила, что она думает о мужчинах, чьи языки не умещаются во рту. Я пытался что-томямлить о том, что Баттал мой друг, и мне было стыдно скрывать от него правду. Но она не стала меня слушать и высказала о моей персоне столько "интересного", что лучше бы я оглох за минуту до этого.

Вскоре они поженились, а я потерял еще одного друга...

КТО ЗНАЕТ...

Однажды ни свет ни заря в дверь моей холостяцкой квартиры постучал мой приятель и дальний родственник Альберт. Вообще-то его зовут Алибек, но имя Альберт ему почему-то нравится больше...

Его чуть красноватое лицо блестело, как начищенный медный таз, и сияло от счастья.

- Ты что, выиграл в лотерее автомашину "Волга", или нашел на дороге крупную сумму денег? - поинтересовался я.

- Какие деньги, какая "Волга"?.. - проговорил он, задыхаясь от восторга. - Бери выше, Залина наша!

- Как "наша"? Какая Залина?

- Помнишь студентку-заочницу, мою однокурсницу, нашу соплеменницу из древнего южного города? Вчерашнюю ночь она до утра провела в моей постели, и оказалась в любви настоящим профессором!

- Ну ладно, а почему она "наша"?

- Да не "наша", а моя - это я так сказал, к слову.

- Не та ли это Залина, у мужа которой не очень давно ты гостил целых три недели, и, захлебываясь, рассказывал мне о том радушии, с которым он тебя принимал, не давая просохнуть до самого отъезда?

- Да, это она...

- Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, что я далеко не моралист, и скорее, циник, чем ханжа, но должен заметить, что ты "достойно" отблагодарил своего кунака за гостеприимство.

- Но она сама согласилась, и почти не противилась, да и то - лишь в самом начале.

- Залина - молодая, здоровая, упитанная женщина, всего-навсего. Остальное сделали вино, музыка, ситуация и отсутствие у нее, и у тебя тоже, тормозов, именуемых стыдом и совестью! К тому же, ты еще подзабыл золотое правило - когда хозяйка забывает закрыть кастрюлю со сметаной, коту нужно вдвое больше совести... Если ты бахвалишься тем, о чем приличные люди предпочитают помалкивать, тебе, наверное, просто нечем самоутвердиться - как в своих глазах, так и в глазах окружающих. Ты осквернил гостеприимство кунака и предал доверившуюся тебе женщину, и готов таращить о своих "подвигах" на каждом перекрестке, чего не делает даже самая отпетая шлюшка...

Тут Алибек прервал меня:

- Выходит, сам ты монах и праведник?

- Праведник я или исчадие ада - про то известно только мне и Тому, в чьих руках моя жизнь, и никому больше. О твоих же подвигах не знает разве что глухой...

Так я потерял третьего товарища.

Говорят, умный учится на ошибках глупца, а дурак - на собственной шкуре. Теперь я знаю, как сохранить приятелей. Вот только их у меня уже почти не осталось. Может, это и к лучшему...

Ахмед МУНГИЕВ

Нефть - полезное ископаемое. Она дает людям топливо для их машин, без которых жизнь на Земле уже трудно представить. А еще нефть называют "черным золотом". И как все, что имеет цену, она возбуждает алчность. За обладание источниками нефти воюют государства и гибнут люди. Неосторожность и небрежность в обращении с нефтью загрязняют природу и приносят человеку болезни. Так есть, и так будет продолжаться до тех пор, пока человечество не станет умнее и добрее, чем сейчас.

Уже есть люди, и их немало, которых тревожит отношение себе подобных к природе. Например, АХМЕД МУНГИЕВ, директор республиканского Центра экологического контроля и мониторинга окружающей среды, руководитель ООО "Синтэко". Эти должности говорят не столь много, как то, что он автор технологии биодеструкции нефтяных загрязнений воды, почвы и шламов. А что это за технология, где и как она используется и чем отличается от других, дагестанский эколог рассказывает корреспонденту журнала.

КАК ОТМЫТЬСЯ ОТ "ЧЕРНОГО ЗОЛОТА"?

- Проект внедрения технологии биодеструкции нефтяных загрязнений воды, почвы и нефтешламов - один из способов решения назревшего конфликта между нефтяниками и экологами. Он предлагает нефтяным компаниям, и вообще прикаспийским странам, повысить безопасность разработки и эксплуатации нефтяных месторождений, как на море, так и на суше. Преодолеть все экологические катастрофы, связанные с нефтью, невозможно. Значит, нужно делать все для защиты природы и человека от происходящих нефтяных загрязнений. Существует много способов, такие как метод отпаривания, метод впитывания, но все они - так называемые физические методы. В результате мы получаем выведенную из почвы или из воды нефть, а что с ней, грязной, дальше делать? Качественно новое решение проблемы предлагает используемый нами метод - биологический. Преимущество его в стопроцентной утилизации конечных продуктов, безвредности для человека и окружающей среды и в использовании естественных ресурсов

- В чем же он заключается?

- Нефть существует в природе миллионы лет, за это время в результате эволюции выработались биологические организмы, бактерии, которые питаются этой нефтью. Микроорганизмы, которые в естественных условиях питаются нефтью, размножаются нашими усилиями в больших количествах. Бактерии, окислившие нефть, могут быть выделены из любой полевой, лесной почвы и из морских и пресноводных водоемов. И представляют они собой естественную субстанцию. "Синтэко" использует не только этот биологический метод - у нас комплексный подход к проблеме. Если нефть можно собрать и использовать, мы ее собираем и используем, но когда все физические методы себя уже исчерпали, и ни один из них не очищает среду

полностью, тогда в ход идет метод биологической очистки. Он сработает пусть и не так быстро, могут понадобиться годы, но зато решает проблему абсолютно.

- Что же это за бактерии?

- Они вызывали повышенный интерес еще лет тридцать назад, но тогда на это были другие причины. Известно, что в мире существует так называемая "проблема белка", большая часть населения планеты не получает с пищей его необходимого количества. У нас в России, например, соотношение углеводов и белков в рационе среднестатистического гражданина несомненно: очень мало последних. Развитые страны дефицит белка пытаются покрыть интенсивным развитием животноводства, бройлерных кур выращивают и т. д. И тем не менее, это не выход из положения, потому что прежде всего необходимо насыщение белками пищи животных. В Америке это делают с помощью сои. В нашей стране соя не очень-то растет, но много нефти. И в России начали производить белково-витаминный концентрат из нефти, из парафинов нефти. Биологи выделили тогда питающиеся нефтью культуры именно для решения проблемы белка. Были построены заводы для претворения этой идеи в жизнь. Но тут незаметно подкрался крах идеологии социализма, и стало не до бактерий. Однако научный потенциал остался, бактерии нашли новое применение в экологии. Мы решили их использовать не для производства белка, а для очистки почвы от нефти. Микрофлора прошли тесты и на использование в качестве кормового препарата, годного к употреблению. Нефть перерабатывается в биомассу, дальше она перегнивает в почве. Бактерий почти 500 видов, мы тоже, кстати, обнаружили в свое время несколько видов таких организмов. Они нефть просто съедают, превращая ее в углекислый газ и воду. Самым большим плюсом применяемой технологии

является "эффект последействия". То есть микроорганизмы работают в почве и воде, пока там есть нефть. После завершения процесса биодеструкции, они и сами разлагаются до углекислого газа и воды, не нанося ущерб экосистеме.

- Насколько они неприхотливы?

- Поступило предложение опробовать технологию в Сибири, но мы отреагировали на него очень осторожно, потому что до сих пор бактерии работали в теплых условиях, в холд они бездействуют. У нас на юге условия оптимальные, подходящий климат, нужная влажность.

- Где именно была апробирована технология?

- Проект был апробирован в Дагестане, на Берикейском нефтяном месторождении, одном из старейших. Здесь проходят тектонические разрывы, по зонам которых из больших глубин на поверхность поднимаются вода, газ и нефть, иногда это принимает характер катастрофы. В начале прошлого века эта местность привлекла внимание многих предпринимателей, здесь активно начали бурить скважины. Еще братья Нобель добывали нефть на Берикейском месторождении. Позже бурили скважины "Грознефть", "Дагнефть", "Союзнефть", но добыча нефти была кратковременна. Уходя, нефтяники не заботились о ликвидации скважин, поэтому межведомственная комиссия, обследовавшая местность в 1999 году, присвоила ей статус зоны экологического бедствия. Проблема усугубляется тем, что на территории месторождения, это 15 га, расположены жилые поселки, животноводческие хозяйства. Ручьи нефти текут по дворам поселений, а жители используют попутно выделяющийся газ для отопления. Но вреда гораздо больше, нефть - это канцерогены. Дети, которые играют на "нефтяных озерах", этого, разумеется, не знают.

- Но кто-то же несет за это ответственность?

- За эти скважины не хочет отвечать ни одна природоохранная структура республики. Их свыше 200 на небольшом участке! Причем в непосредственной близости от моря. Надо сказать, что таких заброшенных скважин в Дагестане вообще немало. А существует мнение, что именно загрязнением нефтью моря вызвана массовая гибель тюленей в Северном Каспии четыре года назад.

- Как проходил процесс очистки этого участка?

- Он состоял из трех этапов. На первом этапе нами были созданы нефтевушки и системы дренажа с тем, чтобы вытекающая из скважин жидкость с высоким содержанием нефти не попадала в почву или в море. Залегание нефти здесь неглубокое, метров 200, нефть продолжает выделяться из скважин. Поэтому мы в нужных точках поставили специальные нефтевушки, в которых нефть и вода скапливаются отдельно. В результате нефть больше не растекается по земле, а вода уходит по дренажным каналам. Следы нефти в ней еще

есть, но это уже только следы, а бактерии продолжают в воде работать. И пока она дойдет до моря - полностью очистится. Следующий этап - вспашка и обработка территории биопрепаратором с внесением специализированных подкормок. И затем - засев очищенных территорий культурами. На все это потребовался один год, обработка биопрепаратами при этом проводилась дважды: осенью 2003 и весной 2004 годов. Велся мониторинг. Там, где уровень загрязнения был снижен значительно, мы посеяли ячмень, он солеустойчив, ведь территория отличается высокой засоленностью. Ячмень взошел, значит, плодородие почвы восстановлено. Но это, конечно, еще не все. Полный цикл очистных и рекультивационных работ рассчитан на три года, бактерии продолжают работать на оставшейся сильно загрязненной части территории участка. Кстати, нужно решить и проблему вывоза нефти из нефтевушек, а то хулиганы на праздники ее поджигают. В общем, пока была произведена лишь демонстрация, мы хотели показать себя в деле.

- Кто финансирует проект?

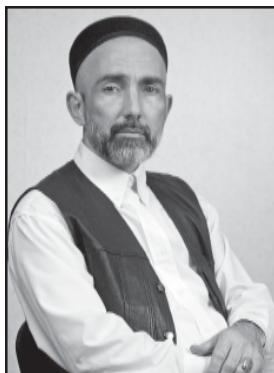
- Он осуществляется в рамках Каспийской экологической программы, международного проекта, сформированного в 1994-98 годах в результате сотрудничества всех прикаспийских стран и ряда международных организаций в области устойчивого развития окружающей среды Каспия. Фирма "Синтэко" получила грант этой программы. Финансирование нашего проекта обеспечивается Всемирным банком и российской компанией "НВК Мегатрон" - дочерней компанией фирмы Wintershall, фирмы, в планах которой начать разведочное бурение на дагестанской акватории Каспийского моря. Это показательный пример для всех нефтяников: стремление обезопасить, насколько это можно, процесс нефтяных разработок. Условия финансирования Всемирного банка - "50/50" с государством на патентных началах. Банк не финансирует проекты, которые не финансирует страна, где они не реализуются. Логика, по-моему, ясна: если вы сами не хотите вкладывать деньги, значит вам это не нужно. Причем, участие не обязательно должно выражаться в деньгах, это может быть и работа специалистов. Еще хотелось бы отметить, что мы недостаточно активно обращаем внимание мировой общественности на наши проблемы, не хватает информации о проблемах российской части Каспия. Вот Казахстан, например, заявляет о своих проблемах, Азербайджан - своих, возможно, даже преувеличивают, а мы молчим.

- И ваша технология будет востребована?

- Технология "Синтэко" может стать базовой в комплексе мер по защите экосистемы Каспийского моря от нефтяных загрязнений. Это, во-первых, а во-вторых, технология биодеструкции - это привлечение инвестиций в регион. В перспективе опыт очистки от нефтяных загрязнений может быть распространен и на нефтедобывающие районы с повышенным риском загрязнения воды и почвы. Самое время для работы над ошибками, которых по отношению к природе человеком было допущено очень много. Уже сейчас в развитых странах экологическое кредо нефтяной компании определяет успех в получении прав на разведку и разработку углеводородных ресурсов. И в нашей стране рационализм медленно, но верно занимает место в государственной идеологии.

Беседовал
Джамал РАБАДАНОВ

**Хаджи Мурад
ДОНОГО**

ДАГЕСТАНСКИЙ КОННЫЙ ПОЛК

В основу положения о Дагестанском конно-иррегулярном полке, утвержденного 16 декабря 1851 г., легли проекты князя М. З. Аргутинского-Долгорукова относительно формирования Дагестанского конно-иррегулярного полка, представленные им 27 апреля 1851 г. командованию. Командующему отдельным кавказским корпусом князю Воронцову был объявлен царский указ, в котором говорилось: "Государь Император, в 16-й день сего декабря, утвердив положение о Дагестанском конно-иррегулярном полку, Высочайше повелеть соизволил: положение это привести в исполнение, в виду опыта, на три года".

Первым командиром нового полка был назначен майор драгунского Его Королевского Высочества наследного принца Виртембергского полка Джемарджидзе, а штаб полка временно был расположен в селении Верхний Дженгутай Мехтулинского ханства.

Неся с первых дней своего существования боевую службу, полк, конечно, не мог в отношении военного образования сравниться с другими кавалерийскими частями, но подвигами своими отличился и заслужил высокие воинские отличия.

Боевая служба Дагестанского конного полка началась в Кавказской войне, на восточном Кавказе с 1852 г., затем полк принимал участие в усмирении мятежей. Экспедиции в Ункратль и Аргунский округ (1861), поход в Закатальский

округ (1863), экспедиция в Кайтаго-Табасаранский округ (1866) были вызваны волнениями.

В 70-х годах 19-го столетия полк принимал участие в Мангишлакском (1870) и Хивинском походах (1873), в подавлении восстания в Дагестане (1877), в Ахалтекинской экспедиции (1879).

В русско-турецкой войне 1877-1878 гг. многие представители полка с отличием действовали в составе сформированных конно-иррегулярных полков. В русско-японскую войну 1904-1905 гг. значительное число офицеров и нижних чинов полка пополнило ряды сформированного 2-го Дагестанского конного полка.

Уже за первый год существования полка многие служащие получили награды. Так, например, Али Хан, сын Гусейна, получил чин есаула, Карганов - орден Св. Анны 4-й степени, Багадур сын Нурича - золотую шашку "За храбрость", Магома, сын Имама Газали - орден Св. Анны 3-й степени.

Значение, которое играл полк во время Кавказской войны, лучше всего выражается в словах имама Шамиля, который, будучи уже в плену, заметил, что первое место среди кавказских войск занимают всадники Дагестанского конного полка. Храбрость их в сражениях и присвоенная им форма одежды заставляли его смотреть на них, как на "настоящую милицию".

Интересно, что за всю историю Дагестанского конного полка ни разу командиром полка

не назначался дагестанец, а в основном грузины, осетины, иногда русские. Факт, свидетельствующий о том, что царские власти все-таки не желали видеть во главе полка дагестанца. Горцев, наверняка, коробило это, и иногда это выражалось в поступках. Так, например, будучи командиром полка, князь М. Р. Багратион возвращался с отрядом из Салатавии. Желая поскорее добраться до Темир-Хан-Шуры, он набросился с криком на командира 1-й сотни сотника Али Клыча, дозволившего своим всадникам остановиться для вечернего намаза. На оправдание Али Клыча, что он полагал, что никто не вправе запрещать людям исполнять обряды религии, Багратион бросил ему обидную фразу и замахнулся нагайкой. Побледневший сотник так же замахнулся на командира, в результате чего князь моментально развернулся и ускакал в голову колонны.

Полк принимал участие и в заключительной стадии Кавказской войны, взятии Гуниба 25 августа 1859 года. Память об этом событии была увековечена Высочайшим указом 21 февраля 1860 года о внесении этого дня в число табельных дней для повсеместного празднования в Кавказском крае. Участвовавшим во взятии Гуниба нижним чинам полка было пожаловано тогда по 2 рубля серебром каждому. Медали за храбрость получили урядник Молла Магомаев, всадники Абдул Кадыр Омаров, Али-бек Омаров, Ацы Магома Гусейнов, Али Бек Акулаев, Лабазан Омаров, Магома Уцумаев, Николай Кундухов и другие.

Полк принимал участие в подавлении восстания 1877 г. в Дагестане. 8 ноября центр восстания аул Согратль Гунибского округа был взят штурмом и разорен почти до основания. Полку было пожаловано Георгиевское знамя, а многие всадники полка были удостоены наград.

Дагестанскому конному полку пришлось принять довольно деятельное участие в утверждении русского владычества в Средней Азии. Три раза призывался полк в степи за Каспием, где доказал, что он всюду на месте, как прежде - в родных горах, так и здесь - в чужих ему пустынях.

Еще до объявления русско-турецкой войны, кавказским начальством были сформированы из горцев новые полки, помимо Дагестанского конного. Так, в составы 2-го и 3-го Дагестанских конных полков были призваны некоторые всадники из 1-го полка. Таким образом, коренной Дагестанский конно-иррегулярный полк, который 27 февраля 1877 года главнокомандующий разрешил именовать временно "Первым" для отличия от вновь сформированных, выделил для новых полков почти половину своего состава.

В турецкой войне особенно отличился 3-й полк, под командованием князя А. Г. Чавчавадзе. Он вернулся с войны со знаками на головных убо-

рах с надписью "За отличие в Турецкую войну 1877-1878 гг." и Георгиевским знаменем "За взятие Карса 6 ноября 1877 г."

Дагестанскому конному полку не пришлось принять участие в полном составе в русско-японской войне, но части его, как и в турецкую войну 1877-1878 гг., послужили основой для нового полка - 2-го дагестанского, с отличием послужившего на Дальнем Востоке.

31 января 1904 г. Император Николай II повел вызвать от своего имени всех желающих идти на войну с Японией из числа кавказских горцев, не несущих воинской повинности, и из Дагестанского конного полка. Из этих добровольцев или, как их называли в то время, "охотников" необходимо было создать 12 сотен, которые затем свести в бригаду из двух полков. В результате была сформирована отдельная бригада, именовавшаяся "Кавказской конной бригадой", которая состояла из двух шестисотенных полков: Терско-Кубанского и 2-го Дагестанского. Начальником бригады был назначен 25 марта генерал-майор князь Орбелиани, а командиром 2-го Дагестанского конного полка полковник Хан Нахичеванский.

К 16 апреля сотни окончательно сформировались, к 22 апреля приведены в сборный пункт полка в г. Петровск, где до отправления на фронт все всадники должны были пройти ускоренный курс военного образования.

Формирование полка вызвало много откликов в российской печати. Например, в статье "Газават дагестанцев. Первые дни жизни 2-го Дагестанского конного полка", описывалась обстановка сбора частей: "Сотни прибывали обыкновенно вечером, их встречали командир и уже собравшиеся офицеры. Необычное зрелище представляли эти встречи. Кругом высокие горы, покрытые свежей зеленью лесов и молодой травы, и лепящиеся по склонам их аулы, подальше широкая равнина, отделяющая вершины Кавказа от вод зеленого Каспия, а на ней весь розовый в лучах вечерней зари город.

Звенит издалека зурна, будто плачет, прощаюсь с родными горами, глухо и тревожно гремит барабан, и черной змеей извиваясь по скалам, в облаке золотой в лучах заката пыли плавно спускается на равнину сотня. Впереди ее на высоком древке значок, на котором, вышитые золотом, горят священные слова Корана... Сухие, крепкие горные кони, сдвинутые на бритые затылки папахи всадников, черные как смоль бороды, горящие как угли глаза и ярко блестящие оправы кинжалов и шашек, - вот что, надвигаясь, все ближе и ближе, замирает вдруг в ожидании приветствия.

"Здоров, джигиты!" - "Саул, Саул! Ура!" - и косматые папахи летят вверх, и долго еще несется привет сынов Дагестана тем, кто поведет их в бой.

На снимке: офицеры полка

Снова запела зурна, загремел барабан, сотня двинулась дальше, и вздрагивают и взвиваются на дыбы лихие кони под ударами нагаек" (Новое время, 14 мая, 1904 г.).

"При тех миллионах запасных чинов всех родов войск, которыми обладает Россия, насущной надобности в добровольцах-воинах не ощущается... Поэтому институт добровольцев представляет собою интерес не материальный, а нравственный. Кавказские горцы не отбывают воинской повинности и потому путем обычным для других русских подданных не могут постоять за честь общего отечества... Нельзя не откликнуться на это благородное побуждение послужить родине на поле брани... кавказские горцы представляют превосходный воинский материал. При умелом руководстве эти всадники пойдут и в огонь, и в воду... Горько придется неприятелю от предприимчивых горцев, способных забраться в тыл желтой армии и наделать кучу хлопот на ее сообщениях" (Новое время, 1904. № 10083).

"...И дагестанцы, и осетины, и кабардинцы уже успели доказать как свою личную храбрость, так и прирожденное умение карабкаться по горам и пробираться по густым зарослям. Жаль, что кавказцев, этих единственных в мире горных кавалеристов, на войне так мало, всего два полка". (Русский инвалид, 31 августа, 1904.)

"Московские ведомости", описав способ формирования полка, указывали на рать, которая "попшлет Кавказ на борьбу с нашими дерзкими врагами на Дальнем Востоке. Сыны Дагестана, Кабарды, Осетии и Чечни несомненно воспользу-

ются случаем, подобно своим соплеменникам старого Дагестанского конного полка, доказать на полях Манчжурии и Кореи свою преданность и верность общему Отечеству".

"23 мая в лагере 2-го Дагестанского конного полка был отслужен напутственный молебен мусульманским кадием. Для сотни, составляющей отдельный эшелон, Владикавказской железной дорогой оборудован и приспособлен состав поезда в 30 вагонов. Считая шестисотенный состав полка со штабом и обозом, для отправки его потребовалось свыше 200 вагонов. Полк состоит из 960-ти всадников-джигитов, кроме офицеров. Для проводов из разных аулов Дагестана собралась масса родных и знакомых, и, к слову сказать, проводы носят весьма скромный и сознательный характер, со стороны провожающих заметно только некоторое уныние. Наоборот, со стороны уходящих дагестанцев царит веселое настроение и подъем духа". (Бакинские известия, 1904. № 118).

Проводить полк прибыл и военный губернатор Дагестанской области генерал-майор Тиханов.

24-26 мая полк выступил на Дальний Восток шестью эшелонами по железной дороге. Конечным пунктом его была станция Янтай, под Ляояном, куда эшелоны прибыли 4-6 июля, после чего началась боевая эпопея Дагестанского конного полка в русско-японской войне.

В конце января 1906 года 2-й Дагестанский конный полк вернулся в Петровск, где ему была устроена торжественная встреча.

14 февраля 1906 года в Тифлис Наместнику Его Величества на Кавказе поступила телеграмма Николая Второго, в которой, в частности, говорилось:

"Передайте чинам Второго Дагестанского конного полка... Мою сердечную благодарность за их самоотверженную верную службу Мне и России. Посыпая их на войну, Я был уверен, что они с честью оправдают доверие, и рад был убедиться в этом. Благодарю всех за выраженные Мне чувства. Николай".

В первоначальный состав офицеров полка, служба которых считалась с 1 мая 1851 г., вошли лишь аварцы - офицеры милиции, почти все служили раньше в дагестанских всадниках. Лишь командир полка, адъютант и казначей были переведены из регулярных войск и были не аварцы. Мусульмане-офицеры именовались не по фамилии, а лишь по отчеству, что выражалось в добавлении к полному имени отца слова "оглы" (сын). Например, Дебир Магома Нурич оглы, т. е. Дебир Магома сын Нурича. Но уже в начале 1857 г. встречались фамилии на русский лад с отчеством, например, Дебир Магома Нуричев.

С 1857 г. увеличился приток в полк офицеров не горцев Дагестана, русских среди них было мало, в основном грузины, армяне.

Первым врачом полка был штаб-лекарь И. С. Костемеревский. Он участвовал почти во всех военных действиях 50-х годов, был награжден несколькими орденами, медалями. Свои личные сбережения Костемеревский распределил между многими учебными и благотворительными учреждениями. Выйдя в отставку, он поселился в Темир-Хан-Шуре, где и умер в 1891 году.

История полка насыщена и интересна. Нельзя однозначно дать оценку полку. Созданный, в основном, из дагестанцев, полк участвовал в военных действиях против тех же дагестанцев, подавлял восстания, усмирял непокорные общества. Вероятнее всего, образование полка входило в колонизаторскую политику царского правительства на Кавказе. Но в то же время многие горцы, служившие в полку, служили преданно, были верны своей присяге и слову, и не случайно полк гордился многими своими храбрецами.

ЗНАМЕНА ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО

Два роскошных знами, хранящиеся в Рес публиканском краеведческом музее, были пожалованы царем Николаем I Сурхай Хану и Абу Нуцал Хану Аварским в 1829 году. Они идентичны, прямоугольной формы, шелковые, желтого цвета, с изображением двуглавого орла на обеих сторонах. Края знамен обшиты золотым гасом и густой бахромой, наконечник металлический с кистями, полусферой и вензелем Николая I. Тяжеловесные знамена (размеры 136x146) как бы олицетворяют самодержавную николаевскую Россию. История их появления в Дагестане такова.

Султан Ахмед Хан Аварский, состоявший на службе у царского правительства в чине генерал-майора и получивший жалование, не раз нарушал свою присягу и участвовал в мятежах, после подавления которых просил прощения. В конце концов, он был лишен всех привилегий и умер в 1826 году.

После его смерти вдова хана Паху Бике стала хлопотать о принятии ее детей в подданство России и признании ее старшего сына Абу Султан Нуцал Хана владетелем Аварии. У ханши было четверо детей, среди которых старшая дочь Султанат Бике (1811 г.р.), отданная замуж за Абу Муслима Шамхала Тарковского.

Однако российское правительство решило по-своему эту проблему, и сразу два человека - Сурхай Хан и Абу Султан Нуцал Хан были утверждены правителями Аварского ханства.

Старший сын Паху Бике Абу Султан Нуцал Хан родился в 1813 году. Он был женат на сестре Абу Муслима Шамхала Тарковского Айбат Бике (? - 1837 гг.), и от нее у хана был сын, названный в честь отца Султан Ахмед Ханом (1834-1843 гг.), который был отправлен в Петербург на учебу в Пажеский корпус. У Нуцал Хана был еще один сын от простой узденки - Мирза Бек. Он служил в царской армии и умер от раны, полученной в одной из стычек с мюридами Шамиля в 1854 году, в чине капитана. Он оставил после себя сына Сурхая, который жил со своей матерью в Дженгутае.

Абу Султан Нуцал Хан погиб, как и его младший брат Ума Хан (1815-1834 гг.), от рук сподвижников имама Гамзат Бека в 1834 году, а самый младший сын Паху Бике был отправлен в селение Гимры, и через некоторое время его там казнили.

После того как имам Гамзат Бек утвердился в Хунзахе, он арестовал, а потом казнил Сурхай Хана, полковника русской армии, управляющего

Аварским ханством с 1821 по 1828 годы. Сурхай Хан был чанка, мать его - простого происхождения, и считался он двоюродным братом Нуцал Хана, который мог стать ханом в случае смерти ближайших наследников. Казнена была и ханша Паху Бике. Но вся эта кровавая драма произошла в 1834 году, а тогда, в 1828-м, 9 сентября молодой аварский хан Абу Султан Нуцал Хан давал присягу на верноподданство России при свидетелях, содержание которой было следующим:

"Я, Абу Султан Нуцал Хан, общаюсь и клянусь Всемогущим Аллахом, перед Кораном в том, что хочу и должен его Императорскому Величеству. Всемилостивейшему Великому государю императору Николаю Павловичу, самодержцу всероссийскому и его Императорскому Величеству всероссийского престола наследнику его императорского Высочества Великому князю Александру Николаевичу быть со всею фамилиею и народом мне принадлежащим вечно подданным, верно и нeliцемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому его Императорскому Величеству самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные, по крайнему разумению силе и возможности предостерегать и оборонять и при том, по крайней мере, стараться споспешствовать все, что к его Императорскому Величеству верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может".

По сей клятве присягал Абу Султан Нуцал Хан Аварский. Приводил к присяге в крепости Грозной мулла Мустафа Курумов и прочие свидетели.

После принятия присяги от хана был послан доверенный человек к начальству Кавказской области генерал-майору Г.А. Эммануэлю с объяснением, что он (хан), "руководствуясь советами матери своей ханши Паху Бике и бабки ханши Гихили, имеет желание искать высокого покровительства" России. Помимо принятия присяги Нуцал Хан выдал Эммануэлю аманата (заложника), своего близкого родственника Гиммата Карагишиева. Вследствие всего этого царское правительство посчитало нужным одарить ханов подарками: знаменами, оружием и пр.

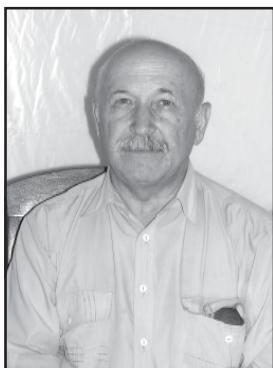
8 января 1829 года управляющий Азиатским департаментом государственной коллегии иностранных дел Л.С. Лашкарев писал об этом министру императорского дворца князю П.М. Волконскому: "Милостивый государь князь Петр Михайлович! Государь император по представлению господина управляющего в Грузии графа Паскевича Эриванского соизволил владетельными ханами в области Аварской Сурхая и Абу Султан Нуцал Хана, и по сему случаю назначить им и некоторым из приближенных им особ из кабинета Его Императорского Величества подарки. Употребительные при таковых случаях. Препровождая при сем к вашему Сиятельству список тех подарков

сего числа, удостоенный высочайшего утверждения, покорнейше прошу вас, Милостивый Государь, по изготовлении и укладке знамен и других вещей, в оном значущихся, приказать доставить ко мне для отправки в Грузию. Надписи на саблях, о коих упомянуто в пункте первом, должны быть изображены золотом на русском языке и заключаться в следующих словах - на первой: Его В.Г. Всероссийский Николай I всемилостивейше пожаловал сию саблю Сурхай Хану Аварскому в 1829 году, а на второй - то же самое, только вместо слов Сурхай Хану поместить Абу Султан Нуцал Хану. Пребываю с совершенным почтением".

Публикуемое следующее послание также представляет интерес и касается непосредственно двух знамен аварских ханов. Это отношение министра князя П. М. Волконского министру иностранных дел графу Нессельроде от 8 марта 1829 года, в котором говорится:

"Во исполнение Высочайшего повеления, объявленного мне в отношении вашего сиятельства от 8 января сего года № 60, имею честь препроводить при сем к вам, милостивый государь мой, укупоренные в 4-х ящиках вещи, изготовленные в кабинете, для подарков, всемилостивейше пожалованных высочайше утвержденным владельцами ханами в области Аварской: Сурхаю и Абу Султан Нуцал Хану два знамя с императорским гербом, обширенные золотым галуном и бахромою, и с золотыми кистями, две сабли золотые, в азиатском вкусе, украшенные цветными каменьями, с золотыми поясами, серебряными темляками и с булатными клинками с надписями на русском языке на первой: "Его В. Г. И. Всероссийский Николай I всемилостивейше пожаловал сию саблю Сурхай Хану Аварскому в 1829 г., а на второй - то же самое, только вместо слов Сурхай Хану, - Абу Султан Нуцал Хану. Ханше Гихили и ханше Паху, ее падчерице, каждой на 3 полные одежды газету по 12 арш., парчи, по синему атласу с серебряными цветами по 12 арш. и по белому атласу с золотыми полосами по 12 арш. и по одному собольему камчатскому меху; малолетнему брату Нуцалханову часы золотые с турецким циферблатором с золотой цепочкой, печатью и ключиком с аметистами и пару пистолетов с прибором, прося покорнейше о получении этих вещей меня уведомить".

Приложением к этим подаркам была грамота (длиною более 1 м) с большой императорской печатью. Подарки были благополучно доставлены в Хунзах - столицу Аварского ханства, но уже через пять лет события здесь распорядились так, что аварские ханы и ханша были истреблены людьми имама Гамзат Бека. Знамена удалось доставить в Тифлис, где они долго хранились, затем экспонировались в Военно-историческом музее, а в 1925 году были переданы в Дагестанский музей.

В прошлом номере нашего журнала (№6, 2004) народный писатель Дагестана Магомед-Расул в статье "Нефизический феномен физика" восторженно отозвался о книге физика Гаджи Абдурагимова "Жизнь и смерть. И снова жизнь". Редакция не берет ся судить, насколько суждения автора книги соотносятся с современными научными представлениями (это дело специалистов). Но то, что они любопытны, а потому заслуживают заинтересованного внимания - это бесспорно. Читатель может вынести по этому поводу свое мнение, прочитав публикуемые ниже три материала Гаджи Абдурагимова. И сделать свои выводы.

**Гаджи
АБДУРАГИМОВ**

СУДЬБА И ГАДАНИЯ

В жизни происходят события, которые протекают с неумолимой заданностью и которые можно предсказать с такой же точностью, как астрономы предсказывают затмения солнца. Жизнь человека также подчиняется естественному течению: рождение, развитие, дряхлость и смерть. Здесь также невозможно ничего изменить! Но если человек решит вмешаться, то он может замедлить или ускорить указанные жизненные процессы и изменить свою судьбу.

В мире укрепилась концепция жестко определяемого времени, в которой начисто отсутствует свобода воли, хотя она полностью расходится с данными современной физики. Тем не менее, в сознании обывателя укоренилось именно такое представление о настоящем, прошлом и будущем. Отсюда и огромная популярность астрологии, где положение планет жестко определяет судьбу человека. При таких представлениях и любое гадание воспринимается как неизбежный и неотвратимый приговор.

В связи с этим возникает вопрос: если существует неотвратимая судьба, то какова наша с вами роль, какова наша ответственность за содеянное, если оно в любом случае должно случиться? Думается, свобода воли, свобода выбора у каждого человека все же есть, и каждый является кузнецом своего счастья.

Горе-гадатели погубили немало людей, предсказывая им конкретные ситуации в их судьбе. Такие предсказания опасны тем, что сам их процесс, будучи связанный с виртуальным будущим, способен влиять на вероятность предсказанной судьбы. В этом отношении наиболее сильное влияние оказывает процесс гадания, описывающий не весь спектр возможного будущего, а только одну его часть. Тем самым возрастает вероятность реализации именно предсказанного хода событий. Особенno опасен такой механизм при "мрачных" пророчествах, когда негативный вариант будущего после предсказания вызывает сильнейший страх. И тогда возникает постоянная внутренняя концентрация мысли на предсказанном событии, идентификация ее и, как следствие, ее превращение в печаль-

ную реальность. Примером, скажем, такого пророчества может служить предсказание смерти Пушкина, сделанное ему в молодые годы цыганкой.

Таким образом, само представление о вариантах будущего может вносить корректировки в вероятную судьбу. Как крайне негативные, так и очень позитивные варианты предполагаемого развития событий могут сильно привлекать внимание человека, усиливать концентрацию на них мысли. Именно наш мыслительный процесс может "притягнуть" одно из таких событий путем идентификации памяти, здесь может возникнуть эффект резонанса и тогда вероятность осмыслиенного варианта судьбы резко возрастает.

Если же мы обратимся к древним эзотерическим традициям и развитым в них системам гадания, то увидим совершенно иную картину. В одной из самых совершенных систем этого типа, в китайской Книге Перемен, будущее воспринимается как множество более или менее вероятных тенденций, реализация одной из которых определяется соответствующим поведением человека. Таким образом, можно сказать, что процесс гадания определяет некий "коридор", внутри которого человек может выбрать нужное направление. Иными словами, причины, лежащие в прошлом, только создали некую предрасположенность, а не жестко предопределили будущее.

Поэтому великие экстрасенсы осуществляют предсказание как спектр возможностей и обязательно дают советы, как избежать неблагоприятных вариантов развития судьбы. С этой точки зрения причинно-следственные связи являются скорее иллюзией, так как ни о какой жесткой предопределенности будущего прошлым не может быть и речи. Тут можно говорить только о спектре возможных будущих событий.

Каждый объект или процесс нашего мира имеет множество вариантов будущего, которые могут реализоваться с разной степенью вероятности. Естественно, чем дальше в будущее мы смотрим, тем шире спектр возможностей. Хорошей метафорой такого представления является движение вверх по дельте реки,

которую сделали таковой множество извилистых при-
токов. Каждый из них отображает один из вариантов
судьбы.

Так, традиционная причинность выступает как
один из факторов, обуславливающих будущее. А
свобода воли проявляется как возможность выбо-
ра одного из его вариантов. Инструментами про-
явления свободы воли являются как способность
предчувствовать момент, когда возникает "разви-
ка", так и способность к волевой и мыслительной
концентрации, "притягивающей" нужный вариант
развития.

Чтобы лучше это понять, используем представле-
ния современной квантовой механики. Если исходить
из ее представлений и рассматривать события во вре-
менном интервале, то каждый физический объект осу-
ществляет их, в основном, в настоящем. Однако в на-
стоящем присутствуют "хвосты волновых функций"
этих событий, связанные с нашим объектом, как из
прошлого, так и из виртуального будущего. Очень ин-
тересно, что такая картина реальности, открытая фи-
зики во второй половине XX века, была известна в
индийской тантре уже в глубокой древности. Именно
на ней базировались самые мощные мистические и
магические практики древности (мантра-йога, янтры
и мандалы, психотронные генераторы и резонаторы и
т. д.).

Прошлое также не уходит бесследно. Причем, про-
шлые события в жизни не только влияют на жизнь пос-
ле жизни (после инкарнации), но и на настоящую
жизнь. Например, многие негативные события в дет-
стве проявляются в будущем болезнями. Аналогично
обстоит дело с виртуальными событиями будущего,
которое связано, настоящим. Поэтому определение
будущего-прошлого связано с приготовлением свое-
образного "сплава" из волновых функций данного че-
ловека и "хвостов" волновых функций, идущих из раз-
личных вариантов будущего и прошлого. Важнейшим
элементом этого процесса является максимально глу-
бокая концентрация на тех аспектах будущего, кото-
рые требуется узнать (личная жизнь, карьера, тенден-
ции политических процессов и т. д.). Это позволяет
выделить из невообразимого множества вариантов те,
которые представляют для вас максимальный интерес,
и усилить их проявление в настоящем, как бы "вытя-
нуть" их из будущего. Такая информация поступает
обычно в виде образов, символов, правильная расшиф-
ровка, толкование их применительно к конкретной си-

туации является непростой задачей. Тут-то и требуется
очень высокий профессионализм.

Обычно гадание связано с использованием специ-
альных усилителей, позволяющих уловить очень слабые,
подчас ничтожные проявления будущего в на-
стоящем. В качестве такого усилителя может высту-
пать и человек, обладающий повышенной сенситив-
ностью и прошедший соответствующее обучение (ме-
диум). Кроме того, в различных эзотерических тради-
циях получила распространение практика использо-
вания духа, чувствительного к весьма слабым прояв-
лениям виртуального будущего в настоящем. Но та-
кой процесс проникновения в варианты будущего,
пожалуй, наиболее сложен и требует погружения в
глубокое трансовое состояние. Он нуждается в специ-
ально подготовленном медиуме, через которого и про-
исходит общение с духом.

Давайте подкрепим сказанное примером.

"Женщине из Лос-Анджелеса, - пишет Р. Моуди в
своей книге "Снова о жизни после жизни", - дважды в
жизни довелось отвечать на вопрос Существу Света.
Первый раз - в конце пятидесятых годов, когда она была
в коме, последовавшей за автокатастрофой, и Суще-
ство Света сказали, что пришло ее время умереть и
отправиться на небеса.

Она возразила, пожаловавшись, что слишком юна
для смерти. Однако Существо и не пошевельнулось,
пока женщина не сказала: "Но я молода, я еще не танце-
вала". Здесь Существо от души расхохоталось и разре-
шило ей жить. Лет тридцать спустя у женщины при
пустячной операции остановилось сердце. Вновь она
преодолела тоннель, вновь обнаружила себя с Суще-
ством, и вновь ей было сказано, что это ее время смер-
ти. В этот раз женщина возразила, сказав, что должна
вырастить детей, что не может оставить их в таком воз-
расте. "Ладно, - сказало Существо. - Но это - в пос-
ледний раз. Следующий раз ты останешься"".

Этот и другие подобные примеры однозначно по-
казывают, что судьбой можно управлять, только надо
быть внимательными с событиями, происходящими с
вами. Особенно следует быть внимательным к своим
снам: они практически во всех случаях подсказывают,
как нам следует поступить в том или ином случае, осо-
бенно в критических ситуациях. Однако мы глухи к этим
подсказкам и предостережениям, поскольку мы так
воспитаны. Мы твердо стоим на ложных позициях в
отношении снов, будто они являются проявлением
физико-химических взаимодействий в мозгу!

ТАЛИСМАНЫ И СИМВОЛЫ

Плюди в своей жизни широко используют различ-
ные талисманы. В одних случаях - это символ
принадлежности к какой-либо вере, например, крест,
носитель которого подчеркивает, что он принадлежит
к христианской вере. В других случаях - это значок, из-
готовленный из металла с каким-либо астральным сим-
волом, или талисман, на котором написаны изречения
из священных книг (например, из Корана).

Влияние любых талисманов на человека зависит
от самого человека. Если он искренно верит, что ука-

занные символы защищают его от "вредных психи-
ческих сил", то это и происходит, согласно духовному
закону: о чем мыслим, то и осуществляется! Но если
человек носит талисман согласно моде, для профор-
мы, глубоко не верит в него, то от него мало практи-
ческой пользы.

Следует сказать и о следующем: на любой вещи
остаются следы души изготовителя. Об этом говорит
явление психометрии. Поэтому большое значение
имеет, кто изготовил талисман: духовный человек или

какой-либо шарлатан. Здесь будет и соответствующее воздействие!

Аналогично обстоит дело с внесением в домашнюю обстановку различных духовных символов: будь это из китайских фен-шуй или талисманы из различных верований для создания согласия в доме, сохране-

ния здоровья, привлечения денег и т. д. Главное в этих делах – это вера в то, о чем задумали. Символы помогают в том смысле, что они не позволяют забывать, о чем вы задумали, постоянно дают работать мысли в выбранном направлении, наполняя жизнь соответствующим содержанием!

ОКОПОСМЕРТНЫЙ ОПЫТ: ВЗГЛЯД НА УБИЙЦ И САМОУБИЙЦ

Жизнь каждого является даром Всевышнего, стало быть, мы не вправе по своему разумению лишать себя и других жизни. Этот духовный тезис подтверждается данными, полученными во время клинической смерти, околосмертного опыта (ОСО).

Суть последнего заключается в следующем. Во время клинической смерти человек неожиданно осознает, что парит над своим физическим телом. Собственное тело он видит с определенного расстояния. Например, во время проведения реанимационных процедур пациент парит над операционным столом и беспристрастно наблюдает за действиями врачей.

Затем двойник человека проходит через тоннель навстречу яркому свету. Перед ним появляется "Светоносное Существо" - теплый и добрый дух, полный любви. Без слов, при помощи передачи мысли, "Существо Света" задает ему вопросы, просит дать оценку своей жизни. Чтобы помочь ему, показывает в картинках панораму важных событий его жизни с выделением как хороших, так и плохих ее моментов.

В определенный момент "умерший" чувствует, как он подходит к какому-то пределу, к границе, которая является линией раздела между жизнью земной и другой жизнью. "Существо Света" сообщает ему, что время умереть еще не наступило, он снова соединяется со своей материальной оболочкой и продолжает жить.

Поскольку вернувшиеся "с того света" описывают свое состояние там в восторженных выражениях, то интересно было бы знать, стоит ли возвращаться в другой мир посредством суицида, т. е. самоубийства?

Ученые исследовали такие случаи. В частности, Р. Моуди пишет: "Они (те, которые пережили ОСО - Г. А.) приходят обратно с серьезными, вполне определенными намерениями относительно жизни и возможности жить. Ни один из моих собеседников не собирался каким-либо образом намеренно вернуться в состояние, близкое к смерти, ради испытанных там ощущений. Многие из тех, кто "умер", сообщали, что, пребывая в состоянии клинической смерти, они узнали: самоубийство - очень неблаговидный поступок, за который полагается суровое наказание. Вот что поведал мне по этому поводу мужчина, который "умер" в результате несчастного случая: Когда я был там, у меня возникло ощущение, что мне совершенно запрещены две вещи - убить себя и лишить жизни другого... Если я совершу самоубийство, значит, я брошу в лицо Господа его дар мне... Убийство другого человека же оз-

начало бы вмешательство в планы Бога относительно данного индивидуума".

Естественно, те, которые наложили на себя руки, никогда не попадают в условия, в которых оказываются обычные смертные. Мужчина после смерти жены был в глубоком отчаянии и выстрелил в себя, но затем был реанимирован. Он рассказал: "Я не попал туда, где находилась она. Я попал в страшное место... Я сразу увидел, что совершил ошибку... Я подумал: мне хотелось бы, чтобы я этого не делал".

Никакие жизненные невзгоды не являются оправданием для того, чтобы лишить себя жизни. Женщина попыталась покончить жизнь путем суицида, считая, что у нее не было другого выхода. Когда совершила этот акт, то в состоянии ОСО увидела ретроспективу своей жизни, прошла адовые состояния, оказалась в еще худшем положении, чем в этой жизни. Когда вернулась к жизни, она рассказала: "Проблема теперь мне не кажется неразрешимой. Я сейчас смотрю на это по-другому. Тогда мне все это казалось очень важным... Но моя "смерть" ничего не изменила. Было еще хуже - вся ситуация повторялась снова и снова. Я пережила ее еще раз и подумала: слава Богу, что конец, а то все бы началось сначала".

Этот же тезис подтверждают многие, пережившие ОСО. Р. Моуди пишет: "Молодой человек в какой-то момент решил покончить с собой. Всю свою жизнь он не испытывал особого достатка и немного достиг. Приняв большую дозу какого-то лекарства, он прошел два разных уровня околосмертного опыта. На первом уровне были просто физическая боль, дискомфорт и ужас, когда он погружался в свою "смерть". У него произошла остановка сердца в присутствии его друзей. Он весь посинел.

По счастливой случайности друзьям удалось быстро найти врача, который и оживил его. Войдя в критическую смертельную fazu, он испытал самый кошмарный ОСО из когда-либо мной услышанных. Он описал образы ужасных существ, клащающих зубами и протягивающих к нему когти. Это было нечто похожее на низвержение в дантовский ад. Он имел клаустрофобный, жестокий, кошмарный ОСО без малейших следов положительных ощущений. Ни внетелесных эпизодов, ни Существа Света, ничего прекрасного, ничего приятного".

Таким образом, самоубийство нисколько не решает проблему, побудившие человека к этому шагу. Вот что ответил пациент на вопрос, совершил бы он само-

убийство еще раз: "Нет, не повторил бы. В следующий раз я умру естественной смертью. Я понял, что жизнь коротка и за этот короткий промежуток столько еще нужно сделать. Когда однажды умираешь, наступает вечность".

Доктор психиатрии Брюс Грейсон сравнил две группы лиц, пытавшихся покончить с собой: первая, имевшая опыт ОСО, вторая - нет. И оказалось, что среди лиц первой группы практически никто не пытался повторить попытку самоубийства, а во второй - процент повторных попыток был очень высок. Когда исследователи предоставили пациентам, пытавшимся лишить себя жизни, описания случаев ОСО, то обнаружили, что при этом идея самоубийства, как способа решения проблем, у них исчезает. Этот эксперимент был повторен много раз с неизменным результатом: околосмертный опыт удерживает пациентов от повторных попыток самоубийства.

"Мой друг был свидетелем такого отклика со стороны своей соседки, - пишет Р. Моуди, - которая пытается покончить с собой. В середине дня замолчал телефон моего друга. Так как большинство соседей были на работе, он отправился к пожилой и нелюдимой женщине попросить разрешения воспользоваться ее телефоном, чтобы сообщить о неполадке в телефонную компанию. Он постучал в дверь и слышал, как она шаркающей походкой, с трудом, шла к нему. Открыв дверь, она уселась за кухонный стол и стала дышать кислородом из большой зеленой емкости.

Закончив с телефонными делами, он поговорил с ней и выяснил, что на здоровье она не жаловалась. По ее словам, она просто была стара и подавлена, и постоянно сидела дома. Все это столь ослабило ее, что врач прописал ей кислород, чтобы облегчить те небольшие движения, которые она совершала. Это объяснение мой друг отверг. Он подумал, что она просто умирает от отсутствия упражнений, и решил дать ей почтить что-нибудь такое, что могло бы изменить настроение ее ума. Он сходил домой и принес ей почтить экземпляр "... о жизни после жизни".

Через несколько дней он увидел ее медленно идущую по улице с этой книгой в руках. Она с чувством поблагодарила его, сказав, что первый раз за последний год вышла из дома, и вышла потому, что ей этого захотелось. Она добавила, что теперь не так уж и огорчается из-за своего почтенного возраста и его неизбежных последствий. Надежда на жизнь после жизни примирila ее с действительностью. Эта женщина преобразилась в деятельного садовника, и ей теперь не требуется постоянной ранее компанионки - большой зеленой бутылки кислорода".

Об этом же пишет Д. Бринкли: "Есть немало сведений о людях, которые пытались покончить с собой, и которым потом давали читать литературу о присмертном опыте. После этого они никогда не повторяли попыток самоубийства, в то время как среди людей, не читавших этих книг, вероятность повторной попытки увеличивается на пятьдесят процентов".

Ничего удивительного здесь нет. Люди пытаются покончить с собой, когда у них не остается никаких надежд, их задавило бремя жизни, а на месте духовных знаний - пустота. Околосмертный опыт заполняет эту пустоту, они получают определенные сведения

о жизни после смерти. Если ранее им казалось, что смерть - это путь в никуда, то теперь они понимают, что за жизнью их ожидает новая необычная жизнь в других мирах. Такое знание облегчает страдания в их земной жизни и заставляет их почувствовать, что жизнь стоит того, чтобы ее соответствующим образом прожить.

Человек, который в своей земной жизни ничего не желает знать ни о существовании потусторонней жизни, ни о том, что ему рано или поздно придется отвечать за все свои неблаговидные деяния, тем более за убийство (самоубийство), уже в предсмертном состоянии испытывает ужас.

Джон Майерс издал книгу "Голоса на краю вечности", в которой приводятся многочисленные предсмертные видения нераскаявшихся грешников и убийц с такого рода заголовками: "Я в огне, вытащите меня!", "Спасите, меня похищают бесы!", "Я проваливаюсь в ад!", "Дьявол идет, чтобы увлечь мою душу в пекло". Такие субъекты затем оказываются в какой-то "сумрачной области" в другом мире. Они выглядят в этой области какими-то изможденными, отупевшими, седыми. Они вроде ищут что-то, но не знают, что именно. Вот что говорит женщина, оказавшаяся во время ОСО в другом мире, получившая информацию об этих состояниях: "По моим впечатлениям, они не осознают буквально ничего - ни физического мира, ни духовного. Эти души как бы застряли неизвестно между чем. Но в любом случае это не принадлежит ни физическому, ни духовному миру... Они вроде ищут что-то, но не знают, что именно... По-моему, они не могли решить, что им делать, потому что у всех у них было выражение какой-то горечи или скорби; в них не было света жизни".

"Один из моих собеседников говорил, - пишет Р. Моуди, - что увиденные им души, судя по всему, не могли перейти на другую сторону, потому что Бог их оставил на той стороне".

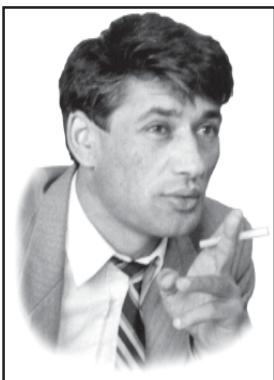
"Кое-кто из наблюдавших это явление обратил внимание, - далее пишет Моуди, - что некоторые несчастные души пытались пообщаться с душами тех, кто был физически жив, но безуспешно. Мужчина, который довольно долго находился в состоянии клинической смерти, рассказывал много интересного об этих мятущихся душах. Он получил информацию о том, что они в минуты просветления хотят передать на Землю: не делайте то, что делал я, дабы не разделить такую же судьбу, но их никто не слышит".

Морис Роулингс, врач из Теннесси, специалист по сердечно-сосудистым заболеваниям, неоднократно реанимировал людей, оказавшихся в состоянии "клинической смерти", которые совершили и тяжкие преступления. Он пишет: "Вопреки большинству опубликованных отчетов о жизни после смерти, далеко не всякий опыт смерти приятен. Ад тоже существует! По выходе из комнаты (во время клинической смерти - Г. А.) они также попали в темный тоннель, но после него оказались не в светлом окружении, а в мрачной тусклой обстановке, где их встретили страшные человекоподобные существа, притаившиеся в темноте или возле огненного озера. Ужасы превосходят всякое воображение...".

Такова судьба убийц и самоубийц в другом мире!

ЛИТЕРАТУРА

Газимагомед ГАЛБАЦЕВ

РАССКАЗ

ШАЙТАНЫ

Никто не любил Кутбудина...

Я, бедный студент, которому приходилось носить дырявые носки, жил в общежитии. Кутбудин, сын состоятельного отца, часто заходил к нам, как бы желая показать, что есть иная жизнь на свете, жизнь лучшая, богатая и красивая, чем та, которую мы ведем. С первого же взгляда на него можно было узнать, в каких странах мира какую одежду шьют, и какие новые часы делают в Японии... Все это я пишу не потому, что завидую Кутбудину. Кто позавидует человеку, который повесился?

Когда мне сказали, что Кутбудин повесился, я удивился, но близко к сердцу это не принял и особенно даже не задумался. Между мной и им ничего общего не было, мы только учились вместе. Словом, его смерть поначалу мне боли не причинила. Но чем больше времени проходило, тем чаще это происшествие лишало меня покоя. А почему - сам не знаю. При встречах мы здоровались за руку, расспрашивали друг друга о дела, но, повторяясь, большей близости между нами никогда не было. А все же смерть Кутбудина не давала мне покоя. Я его не любил, не любил его гонор и высокомерие, мне не нравилась его прическа. Волосы у него были черные, прилизанные, будто смазанные маслом. Вот с такой прической он мне и вспоминается. Наверное, когда умирал, волосы его тоже были прилизанные.

Вскоре я услышал, что Кутбудин оставил какую-то тетрадь с записями и что записи эти запутанные, непонятные. Мои друзья знают, что в подобных случаях я

теряю покой, это у меня вроде болезни. Жизнь моя проходит вот так в поисках любопытных записей. Друзья уже давно махнули на меня рукой, мол, кроме как о сумасшедших и одержимых шайтанами, ни о чем больше писать не умеешь, будто сам тоже во власти нечистой силы.

Никто не верил, что я смогу достать тетрадь Кутбудина, меньше всех верил в это я сам, и все же решил попытать счастья. Наверное, тетрадь у родителей или родственников покойного, а они едва ли захотят показать ее другому, тем более, пишущему человеку. Поэтому я решил сначала сходить на факультет, где учился Кутбудин, к декану как бы на разведку, попробовать разузнать, существует тетрадь или нет, а если существует, то спросить, как мне ее достать, и если понадобится, даже попросить о помощи. Пришел и рассказал декану о своей цели. Тот рассмеялся.

- Что, тем же, прежним, остался, те же глупости пишешь?

- Да...

- И тебе, значит, нужна тетрадь Кутбудина?

- Да...

- Я прочитал эту тетрадь, - сказал декан, - прочитал. Даже перечитал. Так же, как тебя, и меня его смерть заинтересовала...

Декан вдруг замолчал, наверное, вспомнил Кутбудина, затем открыл ящик стола и вынул оттуда толстую общую тетрадь, что для меня явилось полной неожиданностью.

- Вот она... Если честно, за то, что написал Кутбедин, простит Аллах ему все его грехи; он меня убедил, что познать мир до конца никто не способен. Да не то что до конца... Ничего, ни капельки мы в нем не понимаем... Вот сейчас мы с тобой сидим в этом кабинете. Два человека, две жизни, две души. И представь себе, здесь же в кабинете, рядом с нами, еще 4-5 живых существ, 4-5 душ. И мы их не видим, у нас нет возможности их видеть. Как бы я ни пытался объяснить, ты не поймешь. Прочитай тетрадь...

Читая тетрадь, я вспомнил, как однажды Кутбедин рассказывал о случае, который с ним произошел. Да какой там случай? Он рассказывал о том, как убил птицу.

- Не знаю, как она залетела в комнату, - рассказывал покойный. - Птица была очень красивая. Я никогда не видел такую красивую птицу. Долго гонялся за ней, но никак не мог ее поймать. Она летела по комнате, я носился за ней. Наконец, она ударила об оконное стекло и начала биться по нему. Тут-то я ее и поймал! Очень теплая была. Я вынес ее во двор, придерживая, чтобы не улетела, положил на цементный пол, опустил на нее ногу и нажал. Кажется, она издала тонкий такой звук, как будто что-то лопнуло...

- Неужели не было жалко?

- У меня же не такое сердце, как у тебя... У меня мужское...

ТЕТРАДЬ. Все началось так. Ночью, когда я спал, одеяло, которым был укрыт, зашевелилось. Проснувшись, я прислушался: по коридору как будто кто-то ходил. Когда я вскочил и вдевал ноги в тапочки, проснулась и лежащая рядом жена.

- Ты куда? - спросила она.

- Там кто-то ходит...

- Подожди, не спеши, прислушайся, - сказала жена, и сама стала напряженно вслушиваться в тишину.

Я тоже слушал. Ни звука.

- Нет там никого, - повернулась ко мне жена.

- Теперь нет... Но был, я слышал.

- Если был, так иди и посмотри, - насмешливо сказала она, повернувшись ко мне спиной и заснула.

Лег и я. А что мне оставалось делать? Хотя до сих пор жалею, что в ту ночь не вышел в коридор.

Я постараюсь обо всем рассказать ясно и понятно. Сначала расскажу, кто такая моя жена, а потом обо всем случившемся.

Когда вижу сумасшедшего или глупого человека, я выхожу из себя. При виде жены у меня начинает пылать лицо, а все тело трясется от злобной ярости. Если бы она была такой со дня нашей свадьбы, то мы бы давно развелись, или бы я убил ее в припадке ярости. Не знаю, что случилось, почему она так изменилась. В конце концов, она сведет меня в могилу. И вчера перед сном я с ней долго говорил. И по-хорошему, и кричал на нее. А в ответ ни слова, будто ей рот залили свинцом. Я знаю, она делает это с умыслом, чтобы вызвать во мне злобу.

Пришла домой, как будто ничего не случилось. Она ждет ребенка, и огромный живот не дает ей застегнуть пальто. Противнее я ничего не видел. Я следил за ней,

за каждым ее движением, и молчал. Нарочно, и она не говорила со мной.

- Почему ты не ставишь еду на стол? - спросил я.

Жена не ответила.

- Я с кем говорю?!

- Ты же видишь, я только зашла. Подожди, пока приготовлю.

Я знал, что она ответит таким образом. Я хотел, чтобы она именно так ответила.

- Где ты ходила до сих пор, если у тебя даже ужин не готов?

Жена не ответила. Я знаю, она не ответит, пока не переспросишь несколько раз – это у нас повторяется каждый вечер.

- Я с тобой разговариваю! Что, не можешь ответить? Неужели дважды надо спрашивать? - я по-всякому старался скрыть свое раздражение.

- Ходила по делам...

Я знаю, что она ходит к Гасану, но, конечно, мне жена в этом не признается... Я не видел этого Гасана, не знаю его, но всегда представляю себе худого, маленького, жалкого человека. Что-то внутри, не знаю почему, говорило мне, что он калека, и ноги у него парализованы. Когда я себе что-то представляю, то, увидев впоследствии представляемое, всегда убеждаюсь в том, что не ошибся. Не знаю, действительно ли Гасан такой, но я себе, представляю его с высокими ногами, которые не ходят. Конечно, поэтому я и был убежден, что Гасан не дотронется до моей жены, если даже она ходит к нему...

- Почему я не могу пойти туда, куда хочу?

- Потому что у тебя есть муж, дом. Ты моя жена. И я не хочу, чтобы ты ходила неизвестно куда!

- Я не обязана делать то, что ты хочешь...

Если я сейчас начну кричать или ударю ее, она будет молчать, и больше от нее не добьешься ни слова. Для меня выгоднее скрыть свою злость и прикинуться спокойным.

- Написат, - сказал я, - ты не можешь понять одного. Мне кажется, что у тебя с головой не в порядке... Ты же не маленькая, у тебя есть муж, дом. Не знаю, как тебя учили родители, но надо слушаться мужа и думать о своем доме.

Я не умею поучать. И сейчас понимал, что у меня не получается и говорю глупости. Куда уж легче было бы развернуться и хорошенъко дать ей кулаком.

- Замужняя женщина должна сидеть дома. Если так будет продолжаться и ты не изменишь своего поведения, мы дальше не сможем жить вместе.

- Я тебе еще в самом начале говорила, что не сможем.

- Написат, ты не спеши... Чего тебе не хватает? И дом этот твой. Мало у кого в Махачкале есть такой дом. Посмотри, сколько всего есть у нас дома. И хозяйка всего этого ты. Ну что тебе еще надо? Грубо с тобой я не обращаюсь... Разве что, иногда... Ну, вчера так получилось. Но ты сама была виновата... Так что с тобой происходит?

- Скажу, если на самом деле хочешь знать.

- Хочу.

Написат села за стол напротив меня.

- Кутбудин, ты же знаешь, как я тебя не люблю... (Ох, терпеть не могу, когда мне начинают говорить о любви!) Ты прекрасно об этом знаешь. Ты меня тоже не любишь, я это знаю... Ты знаешь, как я вышла за тебя. Оставим и это. Все мне завидуют, вот, мол, счастливая, попала в богатый дом, муж красивый, образованный... Все кругом сошли с ума. А считают сумасшедшей меня. Всем нравится твой характер, а я его ненавижу. Я ненавижу твое богатство, твою силу... Да, ты меня не любишь, но из-за гордости и высокомерия просто так ты со мной не разведешься. Силой ты взял меня замуж и теперь в любую минуту готов ее применить... Ты хоть понимаешь, о чем я говорю? Мы всегда будем как две собаки, дерущиеся из-за куска мяса. Ты хочешь подчинить меня своей силе, своему богатству, а я хочу совсем другого. И ты этого никогда не поймешь...

- Почему ты не веришь в мою любовь?

- Не знаю. Но не верю... Оставим разговоры, Кутбудин. Мы с тобой разные люди, ты меня никогда не поймешь.

- Почему я должен понимать тебя? Это ты должна понимать меня!

- Почему же?

- Потому что я мужчина, твой муж! Потому что я содержу тебя!

- Не надо содержать меня. Я каждый день только об этом прошу тебя - не надо! Я сегодня же уйду, только прошу тебя, не бегай за мной, не упрашивай, не клянись, не мучай моих родителей, не говори людям обо мне гадости... Отпусти меня!

Если и не каждый вечер, но раза два в неделю у нас происходят подобные разговоры. Один раз я ее выгнал, но потом, когда подумал... Не буду же я тратить отцовские деньги на новую женитьбу. Я знаю, у отца денег много, хоть выбрасывай, но не разводиться же из-за этого... Да еще получается, будто не я ее отправил обратно, будут говорить, что она меня бросила. А такое мне не подходит. Если я сейчас ее отпущу, то начнут говорить, что Написат добилась своего и ушла от мужа. Ведь все знают, как она не хотела выходить за меня. Еще бы ничего, если была ровня мне, такая же состоятельная, а то ведь... Она еще слишком молода и глупа, но я-то не дурак. Не будет же она всю жизнь говорить о любви. Когда-нибудь повзрослеет, поумнеет.

- Хорошо, разведусь я с тобой. Иди куда хочешь! Только обратно не возвращайся... И еще. Этому ребенку (я указал пальцем в ее живот) я не буду платить алименты. Он не мой ребенок, поняла?

Оставив меня за столом, она вскочила и вышла в другую комнату. Наверное, плачет, больно уж любит слезы лить.

Я знал, что она завтра же вернется, не впервые ее выгоняю. Она еще не понимает, что без богатого дома, дорогой одежды, золотых украшений люди не будут ее уважать.

На следующий день я не пошел в институт. Решил найти этого Гасана, о котором ничего не знаю.

ОТ СЕБЯ. Человека по имени Гасан нет. Прочитав тетрадь, я его искал, даже у родителей Кутбудина спра-

шивал, но никто его не знает. Однако мы еще не раз встретимся с этим несуществующим Гасаном, и потому сейчас нет необходимости говорить о нем много.

Хочу обратить особое внимание на этот разговор Кутбудина с женой. Я видел Написат. Она мне сказала, что такого разговора между ними не было, но их взаимоотношения он выразил ясно. "Если даже состоялся разговор о наших отношениях, чтобы их охарактеризовать, я не нашла бы иных слов, кроме тех, что Кутбудин мне приписывает. И свои слова он передал верно. Говорить об умершем плохо некрасиво, но я его, действительно, очень не любила. Назвать его грубым, это не то. От него исходил странный, непонятный, холод. Вот само имя Кутбудин очень подходит к его характеру..."

Написат - маленько росточка, худенькая. Напоминает девочку, которую надо водить за руку. Говорят, она очень похудела в последнее время, она считала себя виновной в самоубийстве Кутбудина.

А учился он в пединституте, на физкультурном факультете.

Сейчас читатель узнает о разговоре, состоявшемся между Кутбудином и Гасаном, но, напоминаю, такого человека не существует.

ТЕТРАДЬ. Я не люблю, когда человек рассказывает о чем-то долго, надоедая этим собеседнику. Надо ценить свое и чужое время - так меня учил отец. Но как это ни скучно, надо описать дом Гасана, его комнату, иначе невозможно будет понять, кто он такой. Тесная комната, с очень низким потолком и грязными стенами. Она напоминала курятник, прилепившийся к большому дому. Я не могу понять, как человек может жить в таких условиях. В комнате было нечто напоминающее топчан, видимо, на нем спали. Было и что-то низенькое, ниже колен, напоминающее стол. К стене была приделана досочка, на которой стояли посуда и чайник. Места, где можно было бы оставить одежду, я не нашел. Да и какая у него, живущего таким образом, может быть одежда? Гасана я застал сидящим на той штуке, что напоминала топчан. Он сидел, прислонившись спиной к стене, с накинутым на ноги грязным одеялом. Он читал. Под топчаном и под тем, что напоминало стол, лежали книги. При первом взгляде показалось, что вся комната заполнена книгами и даже по стенам ползут книги. Не скажу, что испытываю презрение к людям, которые читают книги, но знаю, что они легкомысленные, несерьезные, мечтательные люди.

Как я и ожидал, Гасан оказался маленьким человечком, очень худым, будто вытесанным из доски. Сначала показалось, что он уродлив, но потом, когда пригляделся, понял: привлекателен. Лицо открытое, честное лицо располагающего к себе человека. Никогда не видел такого лица: выражение мягкое, а от улыбки оно просто преображается...

Гасан очень удивился, когда я вошел, хорошо одетый, обращающий на все внимание. Наверное, подумал, что к нему пришел благородный человек. И вправду, мне было чем гордиться перед ним, по крайней мере, не живу в такой норе.

- Ассалам алейкум! - я протянул ему руку.

- Ваалейкум салам! - ответил он. Прежде чем взять мою руку, он поиском, куда положить свою толстую книгу, наконец опустил ее на пол. - Извини, добрый человек, я не могу встать. Видимо, Даровавшему мне жизнь неугодно, чтобы я встал, когда ты пришел ко мне...

Рука у него была худая, иссохшая, но мою руку он принял удивительно нежно.

- Отодвинь эти книги и садись, - предложил он, заметив, что я ищу место, куда бы сесть.

Действительно, я не мог решиться, куда сесть, мне было слишком тесно в этой дыре.

- Садись, добрый человек. Я вижу, не с радостью ты ко мне пришел... Садись и рассказывай, - он улыбнулся.

- Так это ты Гасан?

- Да, я.

- Я хотел познакомиться с тобой.

- Готов быть твоим братом, если Аллаху так угодно. Но ты не захочешь иметь такого брата...

- Почему? - удивился я.

- Потому что так угодно Аллаху...

- Ты знаешь Написат, - сказал я, догадываясь, что долго здесь не выдержу и, не понимая до конца, что он говорит. От его доброты я растерялся, забыл о цели своего прихода.

- Знаю. Написат - это женщина, которая попадет в рай.

- Я ее муж.

Я думал, после моих слов он удивится, испугается, онемеет. Однако лицо у него засияло: обрадовался, что у Написат такой муж. Я опять удивился: это какую же большую радость надо испытать, чтобы человек вот так преобразился.

- Я очень рад, что ты снова пришел в мой дом, - сказал он.

Удивление мое росло.

- Но я у тебя впервые...

- Написат каждый день с собой приводит сюда и тебя. Я тебя очень хорошо знаю...

Сначала я хотел сказать ему, что раньше никогда сюда не заходил, тем более с Написат, а потом подумал, что он не только инвалид, но и сумасшедший, и чтобы зря не тратить времени, объяснил ему цель своего визита:

- Гасан, я хочу... Я очень не хочу, чтобы моя жена, Написат, приходила сюда. Я понимаю, что между вами ничего не может быть, иначе мы встретились бы по-другому, и Написат не было бы в живых... Ты понимаешь меня? Я пришел, чтобы сказать тебе: мне очень не нравится, что Написат приходит сюда... Если моя жена еще хоть раз появится в этом доме, у нас с тобой будет иной разговор...

- Не говори так, добрый человек, - произнес Гасан, поправляя подушку за своей спиной. - Каждое твое слово сейчас сильно отзывается в сердце Написат... То, что ты сейчас говоришь, то, что ты не хочешь зависеть ни от самого тебя, ни от меня, ни от Написат...

Мне не нравились мягкость и спокойствие Гасана. Как будто мы говорили не о моей жене, а о закупке

картошки. Сам того не ведая, я отдавался ему во власть. Мне показалось, что я исполню все, что он от меня захочет. В нем было что-то, некая сила, которая подчиняла меня себе. И чем больше я это осознавал, тем сильнее я начинал на него злиться. Я пытался сопротивляться его непонятной, покоряющей силе, пугающему меня чувству.

- Гасан, я не намерен долго говорить с тобой. Написат в этот дом больше не зайдет! Этих слов достаточно. Спокойной ночи.

- Счастливого пути, добрый человек, - услышал я вдогонку, уже выходя из комнаты, спокойный голос.

Я рассердился еще сильнее, злился и потому, что он гасил мою злость своей мягкостью. Я осознавал, что этот человек способен полностью подчинить меня себе, чего боялся больше всего.

На улице меня поразило, что стоял день, и никак не мог взять в толк, почему пожелал Гасану спокойной ночи. Когда был у него, мне казалось, что уже глубокая ночь. Странно подействовал на меня этот человек.

Если бы не знакомство с Гасаном, я не вел бы этих записей. Но пришел домой и сразу усился писать. Почему-то вспомнил и о странном сне и начал с его описания. Начиная с этого дня, где бы я ни находился и чем бы ни занимался, мне всегда казалось, что Гасан издали наблюдает за мной.

Я ожидал, что Написат теперь мне скажет, как намерена себя вести. Но в ту ночь она не пришла домой. Оказывается, еще днем сняла с себя золотые цепочки и кольца, часы, все, что я ей покупал, бросила на стол и ушла. Но платье и пальто все-таки остались на ней. За это я не рассердился. Еще была надежда, что она вернется: ведь все ее приданое тоже осталось в моем доме. Если даже сама она и не знает, сколько потрачено на приданое, хоть родители ее в чем-то убедят. Сначала хотел отправиться к ее родителям, но вспомнил про вчерашний разговор. Да и как я им скажу, что их дочь ушла, бросив меня? И к своим родителям не решился пойти. И не пойду, что бы ни случилось.

Я включил телевизор и прилег на диван, решив подождать еще один час. Прошел и час, и другой. Моя злость усиливалась с каждой минутой, и я не знал, на кого ее излить. О Гасане почему-то даже не вспоминал. А когда потом вспомнил, разозлился еще больше, даже подскочил на диване. Попался бы он сейчас мне под руку, то точно бы убил. Однако я чувствовал: пока выведу машину из гаража, пока доеду до его дома, злость пройдет. Я снова лег, хотя пальто не снимал, как будто собрался на улицу.

Но если моя жена действительно у Гасана, то до каких же пор я буду вот так лежать, позволяя этому полуторупуту смеяться над собой? Решил все-таки поехать к Гасану. Когда выходил, выключив телевизор, удивился тому, что во дворе горит лампочка. Свет во дворе всегда включала Написат, а я об этом никогда и не вспоминал. Но если я сам включил его, то получается еще непонятнее. Не припомню, чтобы включил его. Пришло снаружи отпереть дверь, зайти и выключить свет. Мы никогда не оставляем, как другие, свет зажженным, достаточно светло и от уличного фонаря.

Когда я вышел опять, во дворе стояла какая-то женщина. На нее падала тень, и я не мог видеть ее лица.

- Я ищу человека по имени Кутбудин, - сказала женщина по-русски. Голос был молодой.

- Я Кутбудин.

- Ты мне нужен, - сказала она, на этот раз по-аварски.

Наверное, она ожидала, что я приглашу ее в дом, - замолчала и продолжала стоять у ворот. Но я ее не пригласил.

- Написат твоя жена?

- Да.

Она чуть приблизилась, свет осветил ее лучше, но не настолько, чтобы можно было ее рассмотреть.

- Ну, - сказал я.

Она молчала. Но как бы она ни хотела, в дом я ее не приглашу.

- Уведи Написат от Гасана...

Теперь надолго замолчал я: вначале не понял, что к чему, а когда понял, то не знал, что сказать.

- Почему?

- Я жена Гасана... А Написат пришла к нему и не уходит. Ради Аллаха, помоги мне...

- Написат и сейчас у Гасана?

- Да. Я пришла оттуда...

- Если так, то она мне больше не нужна. Пусть себе подыхает там! Я повернулся и, оставив ее стоять, вошел в дом. Когда я злой, то способен на какую угодно глупость; я постарался сдержать гнев и успокоиться. Спокойно зажег свет, спокойно включил телевизор и, как и раньше, лег на диван. И только теперь почувствовал, что дышу часто-часто и что опять лежу в пальто. Через какое-то время донесся звук закрывающихся ворот, они у меня железные. Я встал и выглянул с балкона во двор. Ворота были закрыты, а женщина продолжала стоять на прежнем месте.

- Ну что тебе надо? - спросил я у нее, выходя во двор. - Я же сказал, что Написат мне больше не нужна!

Она ничего не ответила. Подойдя поближе, увидел, что она красива, не старше 22-23 лет, и одета очень хорошо. Наверное, студентка.

- Что ты от меня хочешь? Зачем мне жена, которая ушла к Гасану?

Должно быть, она почувствовала, что я злюсь.

- Ты должен мне помочь... Кто будет смотреть за ним без меня? Один он даже в туалет не может сходить...

- А зачем тебе человек, который не может даже в туалет сам сходить?

Девушка как-то по-воровски оглянулась и сказала:

- Он рожден быть пророком... Иногда на него падает особенный, как у радуги, свет...

Не знаю, что предпринял бы на моем месте другой: пришли к нему ночью и начинают рассказывать подобное... Я стоял, как дурак, не зная, что и думать.

- Что падает?

- Вокруг его головы возникает вот такой разноцветный круг, - она провела рукой над своей головой. А на голове у нее была вязаная шапка из очень хорошей пряжи.

Я вспомнил, какие глупости говорил Гасан, и решил, что эта женщина тоже сумасшедшая. И мне еще больше стало не по себе.

- Если я уведу от пророка Написат, то Аллах меня накажет. Оставь меня в покое... И возвращайся в дом своих родителей. Иди...

Она как будто ждала этих слов: повернулась и вышла. Ворота открылись легко и без шума.

Не знаю, сколько бы еще я простоял вот так во дворе, но с балкона донесся телефонный звонок.

- Ассалам аллейкум! - услышал я в трубке.

- Ваалейкум салам...

- Это Кутбудин говорит?

- Да, это я. А ты кто?

- Гасан, - ответила трубка.

Я вздрогнул, как будто телефонная трубка ужалила меня. Долго держал ее в опущенной руке, пока снова не поднес к уху.

- Понял? - спросила трубка.

- Не... не понял...

- Требуется твое согласие... Без твоего разрешения не могу. Она согласна, говорит, что и ты согласишься, - голос Гасана был очень спокойным.

- На что она согласна?

- Выйти замуж за шайтана. Я же тебе рассказываю.

Ничего не понимая, я положил трубку. Мне показалось, что потихоньку меня окружают странные живые существа. Не знаю, как получилось, и зачем я это сделал, набрал номер отцовского телефона. И почему в такой момент мне в голову пришло позвонить ему?

- Алло?! - крикнул отец в трубку.

У него и на самом деле мужественный голос. Я не ответил.

- Алло! Что такое? Алло!

Я опять не ответил: ведь не знал, почему позвонил и что хотел...

- Что такое? Кто это? Не можешь говорить как мужчина?! - кричала мне в ухо трубка.

Голос его оборвался, значит, бросил трубку, а мне теперь в ухо рвались страшные, как у поезда, гудки.

Как был, в пальто, я сел за стол, а точнее - упал на стул, и из моей груди вырвался вздох, как воздух из пробитого мяча.

- Мужчина...

ОТ СЕБЯ. Здесь записи в тетради прерываются. Слово "мужчина" было дважды жирно подчеркнуто. Так что-либо подчеркнуть могут люди, довольные жизнью, те, кому все удается.

ТЕТРАДЬ. Гасан оказался очень легким. Когда я его ударил, он отлетел к стене, стукнулся головой и замер. Он застонал. Не знаю, от чего ему было больнее: от удара моего кулака, что я нанес ему прямо в лицо, или от удара головой о стену. Тут я увидел, что сколоченный из досок топчан, на котором лежал Гасан, прикрыт лишь тоненькой матерней. Наверное, у него не было матраса. От второго удара, бил я сверху вниз, он стукнулся затылком о доски топчана. Гасан вскрикнул. Я ждал, прислушиваясь. Он зашевелился и приподнял голову, и тогда я уперся коленом о топчан и

еще раз опустил свой кулак на его голову, чтобы она не поднималась. Теперь он ударился затылком сильнее. Я знал, что Гасан с рождения прикован к постели, встать и драться не может, и хотел, чтобы ему было как можно больнее. Через некоторое время он, лежащий без сознания, опять начал приподниматься, и я опять ударом в лицо уложил его обратно. Голова упала на топчан, издав сильный звук, как я того и хотел. Я думал, что он уже не то что поднять голову, и пальцем не сможет пошевельнуть. Но очень скоро он вновь начал приподниматься. Никогда не встречал такого сильно-го, живучего организма. Вскочив на топчан, я стал бить его ногами. Чтобы видеть, куда бить, сорвал грязное одеяло с его ног и швырнул на пол. Не знаю, было ли больно его иссохшим, будто деревянным, ногам, но от ударов в бок и в живот он издавал странные звуки. На первый взгляд любому, как и мне, могло показаться, что у него деревянное тело, но когда бил, я чувствовал, что оно мягкое. Ноги его были странные, гладкие и синие. Только когда выходил, я заметил, что мои руки и пальто в пятнах крови. И лицо Гасана было залито темной, уже свертывающейся кровью. Одеяло также измазалось в крови. И только выходя, я увидел Написат. Оказывается, она стояла за дверью, с правой стороны, и смотрела на происходящее. Зеленый халат из тонкой материи, который был на ней, я видел впервые. При взгляде на ее выпущенный живот, ярость моя лишь усилилась. Более уродливого живота, наверное, просто не бывает.

Должно быть, она понимала, что я бью Гасана из-за нее, но, прислонившись к стене и замерев, не издавала ни звука. Когда я выходил, она подбежала ко мне:

- Кутбу... Кутбедин... Гасан...

Больше она не могла вымолвить ни слова, да мне ее слова и не требовались. Что есть силы я ударил ее в живот. Написат тоже оказалась мягкой: она издала страшный крик и отлетела к стене, затем схватилась за живот и присела, а после, поджав ноги, начала кататься по полу.

Прежде чем выйти, я еще раз оглядел комнату. Не знаю, почему, но при этом ничего не увидел кроме залитого кровью одеяла, отброшенного на середину комнаты. Оно приковывало к себе взгляд и казалось, что шевелится. Гасан тоже зашевелился. Я подскочил к нему и ударил в лицо ногой, попав в челюсть. Выходя, опять оглянулся. И вновь мне показалось, что одеяло зашевелилось. Приподнялся и Гасан. Я догадался, что он хочет говорить, и остановился в дверях, побаиваясь, что ничего не услышу из-за стонов Написат. Однако услышал.

- Спасибо... спасибо... - говорил Гасан.

Выйдя из комнаты, я не спеша и осторожно прикрыл дверь. Не люблю торопиться, этому учил меня отец.

Кажется, халат на Написат был дешевеньким.

ОТ СЕБЯ. Гасан, которого избил Кутбедин, не существует. Мы об этом уже говорили. Я расспрашивал многих, но никто не знает, даже предположить не может, куда могходить Кутбедин. И Написат я сообщил, о чем он пишет, и спросил, есть ли на то причи-

ны. Она утверждает, что никаких причин нет: он не бил ее, и с тех пор, как они расстались, она его не видела. Да и расстались они не так, как он описывает. А на вопрос, как же они расстались, она не захотела ответить, смолчала. Ну, это не наше дело. А наше дело - попытаться понять этого человека, его образ мыслей, ради чего и как он жил. Могут спросить: а для чего его понимать? По моим наблюдениям, людей, подобных Кутбедину, много. Я не берусь их учить чему-либо. Уласи Боже, кого-нибудь учить жить! Да я и сам на перепутье по поводу того, что должен делать человек: по канонам ислама покоряться судьбе, или по учению Христа посвятить жизнь своим ближним... Я никого не берусь учить. Да и люди высмеют, если возьмусь за то, что не смогли сделать пророки. Если таких, как Кутбедин, много, это вовсе не означает, что от многих убегают жены, и что они бьют других. Напротив, обычно от таких жены не убегают и они никого не бьют...

По записям Кутбедин представляется жадным и самовлюбленным, очень недалеким человеком. Таким же я знал его и по жизни. А вы можете сказать, что таких мало? И если даже они и не убивают подобных Гасану, то кто может поручиться, что никогда не будут делать этого? Спросите у людей: что легче сломать - красивый нежный цветок или крепкую палку? Одни ответят: палку, другие - цветок. Кутбедин наверняка бы ответил, что труднее сломать палку. В добавок ко всему, в нем не было жалости, доброты. Он - герой нашего времени.

Если вам еще не надоело, то вот продолжение записей в тетради.

ТЕТРАДЬ. Вернувшись домой, я сразу же заснул. Проснулся и не понял, что меня разбудило. Еще не рассвело, обычно так рано я не встаю. В комнате было светло, оказалось, что я забыл потушить свет. Я долго смотрел в потолок и думал, когда во дворе раздался какой-то звук. Сжалвшись всем телом, я прислушался. Без сомнения, по двору кто-то ходил. Я испугался.

- Эй! - крикнула я.

Крик получился слабый, но эхом разнесся по всему дому. Звуки во дворе прекратились. И больше не повторялись. Не знаю, сколько времени я так лежал, но встать и выглянуть во двор не мог. Тело мое истекало, потом, казалось, в дом ворвался холод. Раздался бой часов. Вдруг одеяло, которым я укрывался, зашевелилось. На одних местах оно, как живое, сбиралось в складки, а на других - вытягивалось. Тело мое было в поту, и я чувствовал каждое движение одеяла.

Только теперь, когда оно зашевелилось, я заметил на пододеяльнике крупные капли крови. Со страшным криком я сорвал с себя одеяло и отбросил его подальше. Но и на полу оно продолжало шевелиться. Не выдержав, я выскочил в коридор и замер: на столе, свесив ноги вниз, сидел маленький ребенок. От моего крика он заплакал, но ко мне не повернулся. Более страшное и некрасивое существо едва ли кто видел. Особенно отталкивающий вид ему придавали спина, заросшая короткими, но густыми волосами, и тонкие руки. Ког-

да я замер на месте и перестал кричать, ребенок тоже замолчал. Он походил на восковую куклу, сидел и не двигался. Я решил потихоньку сбежать из дома, забыв, что нахожусь в одних трусах. От страха я перестал что-либо соображать. Это теперь я могу все описать, а тогда даже дышать перестал. Когда я сделал шаг к дверям, мне показалось, что ребенок вздохнул. Я опять замер. К счастью, я стоял за его спиной, да и до дверей было лишь несколько шагов. Не отрывая взгляда от ребенка, я вновь кинулся, было к выходу. Но стол под ним закачался и заскрипел, ребенок резко повернулся в мою сторону. Как от удара током, я затрясся всем телом. Даже теперь у меня сжимается сердце, когда вспоминаю его лицо. Это было темного цвета лицо, морщинистое и сплющенное, на котором невозможно было определить, где глаза и нос, а где рот... Страх сковал меня, но будь что будет, решил сбежать. Однако дверь оказалась запертой. Теперь ребенок находился за моей спиной. Хорошенько дернул дверь еще раз. Она не поддалась. Я начал в растерянности дергать ее изо всех сил, обеими руками. И не знал, что делает за моей спиной ребенок, соскочил ли он со стола. А дверь не открывалась, и мне некуда было деться, обернуться тоже не могу.

- Кутбудин, - произнес ребенок нежным, ласковым голосом...

ОТ СЕБЯ. Прости, читатель, прерываю на самом интересном месте. Кутбудин сам не знает, что потом случилось, тут записи опять прерываются. По рассказам родителей и родственников, его нашли за дверьми в коридоре, лежащим без сознания. Одеяло валялось, как он и описывает, посреди комнаты на полу. После этого случая его и уложили в больницу, о чем сам он ничего не пишет.

Читатель, наверное, догадался, почему и одеяло, и ребенок, и звуки со двора попали в тетрадь Кутбудина. Сам я этим местам в записях очень обрадовался. Все убеждает меня в том, что человеку за свои поступки (подлые!) приходится отвечать еще здесь на земле. Не знаю, верить ли в существование рая и ада (хотя хорошо бы верить!), но глубоко уверен, что за каждый свой неверный шаг я расплачусь еще при этой жизни. Жизнь заставит нас держать за все ответ. Пришел же к Кутбудину ребенок, убитый им в утробе матери, избитый Гасан и укрывающее его одеяло.... Что бы ни случилось, но час расплаты настанет.

Человек может быть одержим шайтанами, говорили наши предки. Их дети, уверовавшие в коммунистическую идеологию, не верят в шайтанов. Но никто из них не задумывается над тем, что подразумевали под этим наши верующие предки? Наверное, поэтому, когда слышат об очередном посещении нашей земли инопланетянами, прежде всего бледнеют атеисты-коммунисты...

Мысли уводят меня в сторону... Я говорил о том, что, по моему глубокому убеждению, человек еще на земле за все отвечает, а записи Кутбудина меня в этой мысли укрепили. Знаю, найдутся не согласные со мной, которые вспомнят людей, всю жизнь проживших как хотели. Возьмем для примера сына какого-нибудь царя,

скажут они. Чего ему еще желать в жизни? А другой существует на подаяния людей и вынужден ночевать под забором. А если сопоставить грехи того и другого, то у царского сына их окажется больше, ибо все, чем он владеет, добыто чужим трудом. Почему же он за это не отвечает? И почему тот, другой, должен жить, выпрашивая милостыню? За какие грехи?

Народная поговорка гласит: всегда следует за печалью радость, а за радостью - печаль. Если это вас не убеждает, я скажу так. Положите в протянутую ладонь нищего рубль и посмотрите в его глаза. Вы поймете, что такое радость, счастье. А чтобы так осчастливить царского сына, чтобы его радость сравнялась с радостью бедняка, ему надо подарить полмира. Да и не умеет, наверное, сын царя радоваться. Не зря же Наполеон, завоевавший столько стран, признался, что в его жизни не было даже шести счастливых дней. А нищий счастлив, если у него есть, чем питаться каждый день...

И от духовной жизни наше счастье зависит. Те, кто находился рядом с Кутбудином, видели его каждый день, не знали, как и чем, он живет, о чем думает, пока он не попал в больницу. И никто не видел ни Гасана, ни ребенка, ни одеяла, окропленного кровью. Никто не замечал состояния, в котором Кутбудин находился.

Мы не говорим о времени, когда Кутбудин лежал в больнице, но надо упомянуть о найденном у него странном письме. Вот оно: "Да снизойдет на тебя милость Аллаха, мой старший брат Кутбудин! С низко опущенной головой, на коленях я, Гасан, прошу у тебя прощения. Ведь я знаю, сколько тебе пришлось претерпеть из-за меня, сколько открытых ран я оставил на твоем сердце. Нельзя за добро платить злом. Вот почему я пишу тебе это письмо.

Едва ли ты сам понимаешь, сколько добра ты мне сделал, как мне легче стало жить после знакомства с тобой. Спасибо тебе! Еще раз прошу простить меня за зло, причиненное тебе мною".

Кому бы ни показывали письмо, все говорили, что это почерк самого Кутбудина.

ТЕТРАДЬ. Рядом со мной не было ни матери, ни отца, ни сестры. Я решил пойти домой, не мог успокоиться. Будь они дома, меня бы в такое время никуда не пустили. Вечерело... Хотя меня и выписали из больницы, за мной все время следят, буквально ходят по пятам. День был пасмурный, шел холодный дождь, под ногами хлюпала грязь. Но я холода не ощущал; по всему телу, очень легкому, разливалось тепло; особенно хорошо было ногам, как будто опущенным в теплую воду. Я шел, держась поближе к стенам, чтобы машины не забрызгали грязью.

От родителей до моего дома рукой подать. И сейчас дома горел свет. Наверное, отец часто приходил сюда, чтобы зажигать свет. Ведь в освещенный дом воры не залезут, подумают, что там люди. Ворота оказались закрытыми. Я посмотрел по сторонам. Проходившие мимо люди с удивлением оглядывались на меня. Если бы они не смотрели, я бы перелез через забор. Но каждый останавливался и оглядывался на меня. Так как уже стемнело, некоторые даже подходили поближе, чтобы рассмотреть меня получше. Мне

это не понравилось, и я побежал. Бежал я вдоль улицы, потом свернул направо, и тогда до самой многолюдной улицы осталось совсем немного. Но я не хотел попасть туда. Не зная, что предпринять, тяжело дыша, я стоял посредине улицы. Парень и девушка, проходившие мимо, вдруг изумленно уставились на меня. Я опять бросился бежать, теперь уже не разбирая улиц, не зная, куда бегу. Ногам стало еще теплее, как будто я их опускал во что-то теплое, и я не чувствовал усталости. Вдруг я обнаружил, что стою возле очень знакомого мне дома. Но не мог вспомнить, чей он, не думал, зачем звоню и что я скажу. Калитка была маленькая, деревянная. Не могу сказать, какого она была цвета, но при прикосновении рукой чувствовалось, что краска отходит. Мне открыла девушка, которую я видел несколько раз. Увидев меня, она замерла, прикрыв рот рукой, потом вдруг испуганно закричала и убежала. На ней был халат без рукавов из тонкой ткани зеленого цвета. Я вспомнил, что видел такой же халат на Написат. Крику девушки я не придал особого значения, решив, что она убежала от холода. Я вошел во двор и остановился перед дверью в коридор. Да, этот дом я и вправду хорошо знал. Я дернул дверь на себя, она не открылась. Дернул сильнее, она открылась с треском: отлетел крючок с внутренней стороны. Входя, почувствовал мороз, который несся как из холодильника. Но не потому я остановился в дверях, остановило меня большое зеркало у входа. Я не узнал себя в зеркале. Подошел поближе: на меня смотрел молодой человек одного со мной роста, с большими глазами и с перекошенным ртом. Одет он был в одну только майку, на плече виднелась полоска крови, наверное, где-то поранил. Он был без обуви, в одних носках, испачканных в грязи, слезающих с ног. Брюки тоже были в грязи. Я вспомнил, как люди смотрели на меня, и что моим ногам было тепло. И мне стало неудобно. Я хотел убежать отсюда, но не успел, взгляд мой упал на старушку, которая выходила из боковых дверей.

- Кто ты? Что тебе нужно, сынок? - спросила старушка беззубым ртом.

- Не выгоняйте меня! - попросил я.

Не знаю, как получилось, я не собирался об этом просить.

- Заходи, сынок, - старушка посторонилась, пропуская меня вперед.

- Не впускай, мама, не впускай его! - упрашивала молодая девушка, прячась за ее спиной.

У девушки было очень знакомое лицо, но я не мог вспомнить, кто она такая.

Мне некуда было идти без одежды, грязный, в одних носках. Я надеялся, что девушка меня вспомнит, если бы не ее лицо...

ОТ СЕБЯ. Записи прерываются. Подчеркнув прямой линией, Кутбедин заново начинает рассказ о старушке, о том, как он попал в этот дом. Но теперь рассказ полностью отличается от приведенного выше. Вот что он пишет.

ТЕТРАДЬ. Старушку я узнал с первого взгляда. Я ее встречал каждый раз, когда ходил к Гасану. Девушка

исчезла, наверное, спряталась. Но старушку я помню. Она посмотрела на меня и улыбнулась. Она меня узнала, о чем говорила ее улыбка.

- Я не знала, что ты и сегодня вечером пойдешь к Гасану. Иначе бы ты меня здесь не встретил...

Я ее не понял, но переспрашивать не решался и молчал. Не жалею о том, что не говорил с нею. Если бы я что-нибудь сказал, она, может... Она продолжала:

- Я знаю, что ты боишься Гасана... Ты еще ничего не понимаешь. И ты еще не видел жизни. Если постараться показать ее людям такой, какая она есть, им это не понравится. Но одно я тебе все же скажу...

Она замолчала, пристально посмотрела мне в глаза и вновь заговорила:

- Гасан уничтожит тебя своей слабостью.
У старухи были очень молодые глаза...

ОТ СЕБЯ. Сам не знаю, какому рассказу верить, первому или второму. Я искал этот дом, старушку и девушку. Нашел деревянные ворота, похожие на описанные, в том доме жили старуха и ее разведенная молодая дочь. Но они не имели никакого представления о Кутбедине и о том, что с ним случилось.

И еще. После рассказа о встрече со старушкой, Кутбедин прямо на середине тетрадного листа нарисовал птицу. Она без глаз. Есть крылья, хвост, клюв, а глаз нет.

ТЕТРАДЬ. Только потом я задумался над словами старушки: "Я не знала, что ты и сегодня вечером идешь к Гасану... Иначе бы ты меня здесь не встретил... Теперь только понял! Я не мог попасть к Гасану, пока эта женщина не увидит меня, минуя ее. Еще она сказала: "Гасан уничтожит тебя своей слабостью..." Сила никогда не подчиняется слабости. Чтобы доказать это, я и ходил к Гасану. Но я боюсь, что мое одеяло опять испачкается в крови, что ко мне придет ребенок. После каждой встречи с этой женщиной меня посещают разные видения. Среди родственников распространился слух, что я одержим шайтанами. Окружающие все рождены для того, чтобы вредить мне. Девушка, которая приходила в тот вечер, когда от меня ушла жена, тоже была подослана старухой. Я это понял сразу, когда увидел их рядом. Все говорят, что с тех пор, как мы с Написат развелись, шайтаны завладели моей душой. Они скрывают от меня, где находится Написат. Принимают меня за дурака! Никто не верит, что ко мне домой приходил ребенок. Но я им это докажу! Я задушу ребенка и брошу перед ними. Пусть тогда попробуют не поверить. Каждый раз, когда я избиваю Гасана, ко мне приходит ребенок. Каждый раз, когда иду к Гасану, меня видят старушка. Это от нее все зависит! Но теперь я обману ее, пойду к Гасану так, чтобы она не видела. Она мне сказала, что если я обижу Гасана, от этого мне станет хорошо, от этого будет польза, в конце концов, превратится во вред, она сказала, что, так как Гасан слабый и больной человек, ему ничего плохого невозможно сделать, и что я этого тоже не смогу. Смогу! Слабость - она и есть слабость, и она всегда в проигрыше.

ОТ СЕБЯ. Хотя страница и не исписана до конца, Кутбедин продолжает рассказ с новой страницы

цы. И почерк чуть другой, видимо, старался писать красиво.

ТЕТРАДЬ. Приоткрыл дверь в комнату Гасана, я почувствовал запах сырости. Не задумавшись над этим, хотел сразу наброситься на него, однако замешкался: одеяло было в крови. "Почему нельзя победить свою слабость, почему я боюсь крови?" Под одеялом ясно вырисовывалось человеческое тело, но ни ног, ни головы не было видно. Я нарочно, направляясь сюда, надел сапоги и теперь у меня есть возможность сделать с Гасаном все что захочу. Но что-то меня удерживало. Но я не думал возвращаться просто так. Рассчитав так, чтобы попасть ему в лицо, я занес ногу, и что есть силы ударили. Его лица, укрытого одеялом, я не видел, но увидел, что от удара оно повернулось к стене. Гасан не шевельнулся. Я встал на топчан и сверху вниз, как змее, нанес еще удар. Не помню, издал ли он какой-нибудь звук. Мне в голову пришла мысль, что одеяло смягчает удары. Чтобы не испачкать руку в крови, я отбросил одеяло. Гасана не было, под одеялом не было никого. Я замер. От страха кинул одеяло обратно на свое место, и оно легло так, как будто под ним кто-то лежит. Сверху я положил руку, теперь стало все равно, испачкаюсь или нет. Под одеялом был человек, был! Моя рука чувствовала его! Опять отбросил одеяло - никого не оказалось.

Я попятился, помня, что за спиной - открытая дверь. И так отступал до тех пор, пока не наступил на что-то непонятное, но живое. Почувствовав его, надавил сильнее. Потом увидел, что это ребенок, тот самый, заросший волосами. Я обрадовался. И совершенно не испытывал страха. Сразу пришло решение убить ребенка и, увидев веревку, понял, какой смертью он должен умереть. Хотя для меня разницы не было, какой смерти его предать. Но убить надо. Я взял веревку, сделал петлю и повесил ребенка. Не спешил. Помню, как я все время улыбался, а после того как выпустил ребенка, захотелось помыть руки. Но сердце не успокоилось, смерть ребенка не насытила меня. Хотел сделать с ним еще что-нибудь. Сначала подумал выколоть ему глаза, но потом решил снять с него кожу. Еще я желал проверить, умею я делать подобное или нет. Такое чувство одолевает детей, когда они разбивают игрушку, чтобы изучить ее внутренности. Тело мое как будто стало невесомым.

Чтобы исполнить замысел, сначала надо было вынуть ребенка из петли. Но мне было лень развязывать узел. Вот если потянуть ребенка за ноги, у него или оторвется голова, или оборвется веревка. Я ухватился за его ноги и повис. Может быть, они были мокрые, руки у меня скользили. Я потянул сильнее, ребенок упал на меня и опрокинул меня на пол. Он был жив: набросившись, подобно дикой кошке, начал меня душить. И я понял, что мне не вырваться, что победить мертвого ребенка невозможно. Я очень испугался...

...Проснулся я в мокрой постели в доме отца. Вскочил и побежал к Гасану. Я точно знал: все, что я только что видел во сне, там повторится. Перед тем как увидеть и окровавленное одеяло, и ребенка, они посещают меня во сне. Ну, погодите! Вы меня еще не знаете! Ласковые,

вечно улыбающиеся люди довели меня... до этого, сделали столько зла. Если вы даже шайтаны, погодите же!

Погодите же! Нет никакой разницы между шайтантами и ангелами. И те, и другие обманывают. И мне зло делают не шайтаны, а ангелы. Это они меня не любят, они утверждают, что сила - в добре. Сейчас я пойду к Гасану, а потом, когда вернусь, всем расскажу, всем объявлю, что в этом мире с силой ничего нельзя поделать, что смысл жизни - в силе. Когда вернусь, я объявлю, что добро не может побеждать.

ОТ СЕБЯ. Он не вернулся. Он повесился в маленьком домике во дворе, где его и обнаружили. Это даже не домик, а что-то смахивающее на курятник. Там должны были поставить печь, когда Кутбудин проведет в дом газ и сделает отопление. Но для одной печи помещение оказалось слишком большим. И оттуда Кутбудин на этот раз не вышел... Чтобы лучше понять записи в тетради, я много расспрашивал людей, которые первыми обнаружили его. Они рассказали следующее.

На бетонный пол помещения былоброшено одеяло. Мать Кутбудина сказала, что оно вынесено из дома. Точнее, одеяло было не брошено, а аккуратно, как молитвенный коврик, разостлано на полу. За дверьми (сам проверял, они скрипят) нашли мокрую тряпку, посередине перехваченную веревкой.

Я нашел и Написат. Как я уже говорил, это маленькая и хрупкая женщина, такая, что так и хочется все время вести ее за руку. Но она оказалась умной, глубокой, в разговоре обдумывала каждое свое слово. Написат родила сына и совсем недавно вернулась из роддома. Я удивился тому, что сына она назвала Кутбудиным. Жена лучше знает мужа, чем родители сына, ибо он похож на них, и им трудно объективно оценивать своего ребенка. Вот почему я надеялся узнать у Написат что-нибудь новое о Кутбудине.

- Написат, что ты скажешь обо всем этом, о случившемся, о тетради?....

- Не знаю, что сказать... Я только знаю, что всю свою жизнь буду вымаливать прощение у духа Кутбудина... Не знаю, в чем и когда это произошло, но я виновата, - она посмотрела на меня и улыбнулась, будто прося прощения.

- Между тем, что он написал, и тем, что было в жизни, имеется связь?

- Имеется.

Уверенность, с какой Написат ответила, опять удивила меня, и она это заметила. Немного подумав, на верное, решилась, вышла и принесла ворох одежды. Это были не платья, а халаты. И среди них один дешевенький, сшитый из тонкой ткани зеленого цвета. По моей спине пробежали мурашки.

- Что с тобой? - спросила Написат.

- Ничего. Спасибо, я пойду...

Написат улыбнулась:

- Одну минутку, я ведь главного еще не сказала... Знаешь, почему все это случилось?

Я не мог вымолвить ни слова: испугался. Сжимая в руках зеленый халат, Написат сказала:

- Люди не любили Кутбудина... Шайтаны не ошибаются...

Наида ОСМАНОВА

* * *

Заговори, поговори со мной,
Что я ни делаю - всё о тебе
мечтаю
Я в мыслях и в делах с тобой,
И в облаках парю, витаю.

Заговори, поговори со мной.
Я душу на бумагу изливаю.
А мне хотелось бы с тобой
Поговорить. О чём? Сама не знаю.

* * *

Нищие, бездомные бродяги,
Нет у вас приюта, нет угла.
Вы, как беспризорные собаки,
Мёрзнете и ищете тепла.

Никому нет дела до одежды,
Что на вас лохмотьями висит.
В чём заключены ваши надежды?
Только в том, как хлеб себе добыть.

Смотрите глазами вы печально,
Но никто не встретит этот взгляд.
Если кто и встретит, то случайно,
И скорее отвести свой рад.

* * *

Я уйду, но ты не позовёшь,
Я уйду, забыв к тебе дорогу.
Даже, если ты за мной пойдёшь,
Я не обернусь, хотя и дрогну.

Всё забыто, прошлое ушло.
Горечь от потери и разлуки.
И пускай на сердце тяжело,
Но не прятану к тебе я руки.

* * *

Неужели улетели птицы
И опала жёлтая листва?!
Знаю, никогда не возвратится
То, что вдруг уходит навсегда.

Захочу заплакать - не заплачу,
Крикнуть захочу - не закричу.
В жизни ничего твоей не значу,
Но иной судьбы я не хочу.

Знаю я и вижу, что напрасно
Сердце обожглось, и навсегда.
Мне весна несёт одно несчастье.
Почему я жду её тогда?

* * *

Когда-нибудь мы станем облаками,
Найдём пристанище,
где облака находят.

И мёртвыми покроется песками.
То, что казалось вечным, но уходит.

Жизнь - это миг, жизнь -
это быстротечность.
Колодец полный, завтра он пустой.
Стекают воды жизни. Куда?
Вечность.
В ту вечность, что зовётся
"мир иной".

* * *

Пустота - темнота,
И на сердце тревожно.
Пустота - темнота,
Жить так сложно!

И так сложно понять:
Для чего существую.
Невозможно познать
Мир, в котором живу я.

МОРЕ

Море, мне, увы, не передать
Всей прелести бунтующей
и нежной,
Всей красоты спокойной,
безмятежной,
Что может лишь фантазия создать!

И глаз мне от тебя не оторвать.
А ты бушуешь яро и свободно,
Величественно так и благородно,
Что хочется смеяться или рыдать!

Спокойна гладь - безбрежно
на душе;
Сержусь - когда ты злишься
и бунтуешь;
Волнуешься - и я с тобой волнуюсь,
О море, я стремлюсь душой
к тебе!

СТИХИ

И хочется уплыть в твоих волнах
Туда, куда зовёшь меня, стихия,
В те дали твои темно-голубые,
Несущие надежду мне и страх.

Твой шум и плеск, свободное
раздолье
Мне спать, мне жить спокойно
не дают,
У берегов твоих, найдя приют,
Я сердцем и душой с тобою, море!

* * *

Ночь за окном холодная, осенняя,
Как будто саваном укрылась
вся земля,
А у меня плохое настроение,
И мне так грустно, скучно без тебя.

Окно раскрыто - не нужны слова,
Прислушаюсь к тому,
как стонет ветер,
Как опадает жёлтая листва,
И чувствую себя одной на
целом свете.

Бродяга - дождь, он капли
дождевые
Роняет в пожелтевшую траву.
И падают они, как слезы с глаз
немые,
Которые сотрут - и вновь живу.

* * *

Стихи напомнят обо мне
Под грустный шепот листопада,
Стихи напомнят обо мне
Когда меня не будет рядом.

И ночью, посмотрев в окно,
Ты скажешь тихо и печально:
"А это было так давно...
Нет, это было так недавно".

Быть может тихая печаль
Затронет сердце не случайно,
Прошепчешь еле слышно: "Жаль!"
И будешь ты терзаться тайно.

* * *

Белый снег на зеленої траве,
Что случилось в природе? Ошибка.
Ты меня обидел по весне -
На лице застывшая улыбка.

И воспоминанья не живут
В сердце отболевшем и убитом.
Кто не любит, тех уже не ждут.
А любовь - стекло, оно разбито.

**Умар
АЛИСУЛТАНОВ**

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Умару Алисултанову 34 года. Он уроженец селения Анди Ботлихского района. Выпускник факультета иностранных языков ДГУ. Работал в спецподразделении МВД Дагестана, затем - в международных гуманитарных организациях. Уже много лет живет в Западной Европе. Окончил Национальную Школу Государственной Службы в Париже, а также Венскую Дипломатическую Академию. Специалист в области международных отношений и государственного управления. Владеет несколькими языками. Как консультант и аналитик работал в различных европейских организациях, в том числе - в Совете Европы в Страсбурге. Его стихи и новеллы печатались в различных республиканских изданиях, а также в сборнике молодых авторов "Радуга" (2001). Помимо литературы, занимается публицистикой и научной деятельностью.

ЗУМРУД

Суббота. Может, не идти на занятия? Попотеть пару часов в спортзале, потом в библиотеку. Только не отвлекаться на шуршание юбок, болтовню про "мальчиков", как кто-то кого-то "кинул"... А вечер и целое воскресенье - гуляй, душа! Отсыпаться, гулять с девушками и без, бездельничать, пивка хлебнуть для легкого кайфа. Заслужил за трудную неделю.

Еду-таки в университет. В маршрутке по утрам уйма симпатяшек. Вот эта хороша, с тугим бюстом. Не смотрит, а обволакивает взглядом...

Гулкие коридоры иняза. Нарываюсь на Mary.

- У меня проблемы с латынью, - жалуется он. - Ты не можешь толкнуть у этой стервы Л.А.?

Потом хватает меня за рукав.

- Вчера с такой тёлкой был! Проводница на поезде.

Еле отрываюсь от него. У меня лекция по зарубежной литературе. В аудитории десятки накрашенных мордашек, томные взгляды, прямо кинодивы. Я строг и хмур. Имидж, так сказать. Иначе начнется: шу-шу-шу, шу-шу-шу, а вы знаете, он с той, он с этой...

Саша с моей группы. Закинула ножку на ножку, все как на витрине. Улыбается полными накрашенными губами. Сажусь рядом. Она потягивается сладко - груди вот-вот вырвутся на свободу из тесной кофточки. Моя ладонь ложится на ее колено. Медленно убирает мою руку. Я кладу ее снова, но она снова убирает ее, тихо грозит мне пальчиком. Я разочарованно копошусь в своей папке. Говорят о Гюго.

После жесткой скамьи хочется на волю, на травку. Есть хочется. Столовая полна девушек.

- Ты выучила диалоги?

- Ой, дай переписать!

- Девочки, на пару не идем!

Не могу есть эти вонючие котлеты. За соседним столом "пришлые" (наверно, с юридического) снимают девочек.

- А тебя как зовут? Ты вызвала в моей душе бурю восторга!

"Девочки" с достоинством улыбаются друг другу. Нет, мы не дикие, конечно, но знаем ваши приемчики! В следующий раз ребятки приедут на тачке за этими Заремами, Мадинами, или как их там. Просто.

После четвертой пары голова раскалывается. Спускаюсь в сторону моря. Улица Буйнакского. Впереди стройненькая фигурка. Девушка оборачивается на мои шаги. Черные, с прищуром, глаза, много краски. Так красятся только девицы определенного сорта. Или дурочки.

- Привет, - говорю я. - Нам по пути?

- Мне в магазин, - говорит она просто. - Подарок надо купить на день рождения. Хочешь, подожди. Она вскоре выходит из магазина с пакетиком в руках.

- Погуляем? - спрашиваю я.

Она качает головой.

- Меня ждут подруги. Возле одного кафе, по 26 Бакинских.

- Это в мою сторону. Прогуляемся, и я тебя провожу.

Спускаемся к пляжу. Здесь безлюдно.

- Как тебя зовут?

- Зумруд. А тебя?

- Шамиль.

- Какие волны! - говорит она.

Она сняла туфли и идет по песку босиком.

- Какая я дура! - она смотрит на меня, явно дурачка. - Пустынный пляж, незнакомый парень... А вдруг ты меня убьешь? Ой, пойдем, я уже опаздываю, - спохватывается она вдруг, взглянув на часы.

Возле кафе ее подруг нет.

- Неужели ушли? - огорчается она.

- Наверно, еще рано, - говорю я. - Подождешь у меня в общежитии?

- Только недолго, - наконец решается она.

Моя комната на пятом. Боксерский мешок, груда книг - вся обстановка...

- Ты живешь один? - Она озирается с любопытством. Затем смеется, высунувшись из окна. - Ой, высоко!

Я подхожу к ней. Чувствую запах ее волос. Тела. Кладу руку на ее талию. Она не сопротивляется моим поцелуям. Опрокидываю ее на кровать. Ладонь скользит по ее бедру. Она хватает мою руку. В глазах страх.

- Не надо. Я лучше пойду. Пусти меня!

Я путаюсь в ее застежках.

- Я не хочу. Оставь меня, - всхлипывает она. Тушь на глазах потекла. Совсем близко вижу ее губы и страшно изогнутые брови...

Потом лежим рядом. Она беззвучно плачет, отвернувшись к стене. Провожу рукой по ее волосам. Поворачиваю к себе. Обнимаю. Ее слезинка обжигает мне плечо.

- Не надо плакать, - говорю я. - Ты мне нравишься.

Она судорожно вздыхает, выпутывается из моих объятий.

- Я оденусь...

Я тяну ее к себе.

- Опять... - шепчет она, безвольно закрывая глаза... Выходим в сумерках. Она враждебно молчит.

- Тебе куда ехать? - спрашиваю.

Она смотрит в сторону.

- До политеха. В общежитие.

- Хочешь, я провожу?

- Не надо.

Сажаю ее в потрепанные "Жигули", сую водителю смятую бумажку. В машине она оборачивается, но я делаю вид, что не замечаю.

По утрам тяжело вставать. Никак не привыкну. Но несколько сильных вдохов-выдохов, и ты в другом мире. Из дня и день повторяю эти удары: цуки, уракены, йоко, маваши... Это успокаивает и умиротворяет. Затем - университет. Хотя лучше заниматься одному, обложившись книгами у себя в общаге или в библиотеке.

Иду под вечер из парка, мечтая о холодном душе и хорошем массаже. В сумке через плечо - мокрые футболка и штаны от кимоно. Впереди - девушка.

- Привет, - устало бросаю я ей.

Она оборачивается удивленно, улыбается.

- Привет.

- Если подождешь, пока я переоденусь, можем погулять, - предлагаю я.

У нее слегка ошарашенный вид. С минуту колеблется. Грудь хорошая. А так, ничего примечательного. Как говорит Мага, с пивом пойдет. Простая бабенка. А то замучили эти факультетские интеллектуалки. Она наконец кивает головой.

- Хорошо, я подожду.

Минут через 15 выскакиваю из общаги, свежий после душа. Она воркует что-то про свою работу на фабрике, неудачное замужество. Я слушаю в пол-уха. В парке обнимаю ее за плечи. Растигиваюсь на скамейке, положив голову ей на колени. Она гладит мне волосы. Затем, в моей общежитской комнате, она прибирает, что-то готовит. На запах жратвы стучится Мага.

- Давай телку на пару, - шепчет он.

- Дочь полковника милиции! - говорю я, выталкивая его в коридор.

...Тело у нее гибкое, свежее, она отдается просто, без этого обычного ломанья извращенных студенток. Она уходит под утро. Листок с ее адресом я комкаю и выбрасываю в мусорное ведро. Хорошего понемногу.

Вечер. Общага. Обшарпанные стены. Тусклые коридоры, в которых всегда стоит запах туалета. Где-то грохочет музыка. За дверью, кажется, очередная драка. Да ну их. Когда-нибудь я навсегда покину эти стены, у меня будет ласковая жена, она родит мне пару мальчишек. Буду любить жену, детей, зарабатывать много денег...

В дверь стучат. Зумруд.

- Здравствуй, - говорит она. - Ты меня не забыл?

У нее мокрые волосы.

- На улице такой дождь! - говорит она.

Ее приятно держать в объятиях.

- Ты ни разу не зашел ко мне в общежитие, - говорит она. - Я думала, ты хоть чуть-чуть обо мне думашь...

Я слушаю ее голос. Целую. Она не умеет целоваться. Но старается.

- Снова будешь меня раздевать? - спрашивает она, спрятив голову у меня на груди. От нее пахнет теми же духами... Загадка женской натуры: сделал ей плохо - она пришла снова, сама...

Снимаю с нее мокрый плащ. Отступаю к окну. Она стоит посередине комнаты. Как надломленный цветок.

- Я плохо сделала, что пришла? Ты не рад? Я сейчас уйду...

- Ты хорошо сделала. Останься.

Кидаю на пол постель, гашу свет. Беру ее за руку. Она покорна как жена... Всю ночь я мучим то нежностью, то желанием. Под утро у нее круги под глазами. Засыпает, уткнувшись лицом в шею.

Влип... Глупо и некстати... Мозг в горячечном бреду. Не нужно бы тебе, парень, все это. Но ее хрупкое, волнующее, желанное тело, ее губы, ее слезы... Хожу по городу и каждый раз вздрагиваю. Нет, это не она... В моей комнате слишком пусто. То, что казалось свободой, было одиночеством... Не могу читать. Сижу на одной странице. Вскидываюсь каждый раз, как услышу шаги в коридоре... Столько учил себя быть сдержаным, и такие сопли из-за какой-то легкомысленной девицы... Что в ней есть, кроме смазливой мордашки?..

Теперь она приходит почти каждый вечер.

- Завтра, наверно, не смогу, - говорит она, но приходит и на следующий день.

Она обижается по мелочам. Молчит, отвернувшись к стене. И оттавивает под ласками... Иногда остается у меня по несколько дней. Почти не ходит на занятия. Что-то готовит, стирает.

- Как тебе тряпка идет! - говорю я. - Настоящая до-мохозяйка!

- Не издевайся, - говорит она грустно. - Я бы на самом деле была хорошая жена. Но я замуж не выйду. Кому я нужна? Ты же меня испортил.

Она не знает, как предохраняться.

- Спроси у подруг, наверняка, знают, - говорю я.

- Ты что?! - пугается она. - Думаешь, они знают, что я с тобой бываю?

Однажды она приходит бледная и испуганная.

- Я беременна!

- Откуда ты знаешь?

- Знаю! - она начинает всхлипывать. - Я с девочками говорила, а потом ходила с подружкой проверяться. Врач сказала, что уже месяц! Я боюсь! - она прижимается ко мне.

- Придумаем что-нибудь, - говорю я.

- Ерунда! - говорит Мага. - Спокойно можно убрать. Одна от меня залетела и все скрывала, дрянь! Пять месяцев было, когда убрали.

- У меня друг на втором этаже, - говорит он, - грамотей! Уколы, лекарства - всё знает.

"Грамотей" предлагает сделать укол.

- Иногда помогает, - объясняет он. - Выкидыши получается.

Ташу Зумруд в его комнату. Чем ближе комната, тем ей страшнее. Вцепилась в мою руку, глаза расширены, вот-вот грохнется в обморок.

- Веди себя нормально или уйдем, - говорю я.

- Нет-нет!.. Но мне же страшно! - оправдывается она.

- Ты что такой бледный? - спрашивает Мага. - Ерунда это, чего переживать?

Укладываю ее на кровать, задираю рукав кофты выше локтя. Зумруд с ужасом смотрит, как парень возвивается со шприцом и с флаконами.

- Уйдем, пожалуйста, я боюсь! - горячо шепчет она мне, но натыкается на мой строгий взгляд.

- Ты не уходи, Шамильчик, пожалуйста! Ты же не уйдешь? - скучит она.

- Вот и все! - улыбается ей парень. - А ты так боялась.

Но укол не помогает. Зумруд хочет сделать аборт, но пока нет денег.

- Конечно, тебе-то что, - ноет она каждый день. - А что я родителям скажу?

Наконец, получаю долгожданный денежный перевод. Едем в роддом. Бедные родители, если бы они знали, на что я трачу деньги, что они мне шлют... Мать

сразу решит, что я связался с "плохими женщинами". В коридоре роддома полно " пациенток ". Женщины косятся на меня. Выхожу во двор, сажусь на скамейку. Кажется, уже весна. Девушки одеваются все легче - это первый признак. Их взгляды, жесты кажутся особыми.

- Непременно должно случиться что-то хорошее, - думаю я, щурясь под еще неярким солнцем.

Интересно, каким бы был мой ребенок? Мальчик, девочка? Может, вырос бы красавец-парень, спортсмен и гуляка. Я бы, наверно, был хорошим отцом... Но Зумруд в роли матери моего ребенка?.. Ее нытье и упреки уже осточертели...

Они появляются, как шахтеры из забоя, бледные, чуть шатающиеся. В основном, замужние - всех встречают озабоченные мужья. Во всяком случае, на любовников мужики не смахивают. Зумруд выходит вялая, слабая. Берет меня под руку. Не люблю, когда меня берут под руку. Чувствуешь себя пенсионером. Но сейчас ничего не говорю.

- А у меня детей больше не будет, - говорит она. - Врач сказала, что первого ребенка нельзя убирать.

- Глупости, - говорю я. - Полежишь у меня пару дней, и все пройдет.

Но она грустно качает головой.

- Я поеду домой, Шамиль.

- Ты же еле стоишь на ногах.

- Я поеду, - говорит она. - Мне надо домой, в Буйнакск. Родители ждут.

Мы идем молча. Она смотрит под ноги. Выходим на дорогу. Возле нас тормозит маршрутка. Зумруд молча забирается в нее. Я смотрю вслед отъезжающей машине. Затем еду в общагу.

Проходит месяц... Бреду в общагу. Со мной Саида, моя новая пассия. Зумруд... Она сидит возле вахтерши тети Пати. В холле еще несколько человек. Делают вид, что смотрят телевизор. Им интересно, что будет. Я даю ключ Саиде.

- Поднимайся, я скоро. Поворачиваюсь к Зумруд. - Пойдем?

- Убери руки! Не пойду! Оставь меня! - она вырывается. - Как ты мог?!

Все слушают внимательно. Как в театре. За руку волочу ее за собой.

- Ну что ты делаешь, сынок? - говорит тетя Патя.

- Пусти, я сама пойду, - Зумруд уже плачет.

Плется за мной по лестнице. Завожу ее на кухню.

- А почему сюда? - спрашивает она. Ее глаза и щеки горят, как у больной туберкулезом. - В комнате она, да? Ты теперь меня даже в комнату не пускаешь? Из-за этой?

- Ты почему здесь?

- Как ты мог?! - всхлипывает она. - Я тебя так любила! Ты уже забыл все, да?!. Почему ты молчишь? - шепчет она. - Когда-нибудь и ты окажешься в моем положении. Я буду молить об этом Аллаха!

Черты лица ее заострились, губы дрожат.

- Как ты мог?! - она кричит и бьет меня кулаками в грудь.

Сейчас будет истерика.

- Успокойся! - Бью ее по щеке. Раз, другой.
 - Ты уже бьешь меня! - она захлебывается от слез. - Я все эти дни ждала, пока тебя увижу!.. Лучше бы я умерла!
 - Тебя не было.
 - У меня шла кровь. После этого... Потом родители... О боже!

Она стоит рядом и плачет, спрятав лицо в ладонях. Притягиваю ее к себе. Всё ее тело дрожит. Глажу спину, волосы. Она немного затихает. Губы у нее соленые от слез.

Кран рядом протекает, и капли назойливо стучат по днищу раковины. Какая-то девушка заходит с кастрюлей, но испуганно шарахается, увидев нас, и убегает.

- Она красивая, эта твоя, - говорит Зумруд. - Но красивых много, Шамиль.

- Ты тоже красивая.
 - Я пойду, - говорит она, наконец, слабым голосом.
 Берёт сумочку. Уходит. Стук ее каблучков всё тише и тише...

Ты так долго! - говорит Саида капризным голосом.
 - Где ты был? Иди сюда...

- Я тебе нравлюсь? - спрашивает она.
 - Нравишься.
 - А у тебя правда нет невесты? - она смотрит пытливо. - Наверняка, кого-нибудь уже сосватали. Я знаю, у аварцев рано женятся.
 - Я еще не нагулялся, - говорю я.
 - Значит, со мной ты тоже гуляешь?

Стучат. Мага. Вид у него растерянный.
 - Зумруд у меня, - шепчет он, увидев, что я не один.
 - Запарила уже. Плачет, на тебя жалуется. Спустишь, поговори с ней.

Он сует мне свой ключ и уходит.
 Зумруд сидит на кровати, обхватив руками колени. Взгляд невидящий, лицо опухло от слез. Я подхожу к окну. Отсюда вид на унылый двор с кучей мусора и несколькими чахлыми деревцами.
 - Поезжай домой, - говорю я, не оборачиваясь.
 - Ты ее любишь? - тихо спрашивает она.
 - Не знаю.
 - Она хоть ухаживает за тобой? - в её глазах снова слезы. - Извини, что я плачу, Шамильчик. Просто мне больно очень.

- Мне тоже.
 Она приподнимается на кровати, робко прижимается ко мне. Я не забыл ее тело... Рука крадется под ее кофточку. Она закрывает глаза и откидывается на подушку...

Часы показывают шесть. Я пришел в четыре.
 - Она еще там, наверху? - спрашивает Зумруд.
 Её голова на моем плече. Я встаю, натягиваю футбольку.
 - Тебе пора. Я провожу.
 - Не надо! - её голос срывается на крик. - Я не хочу, чтобы ты шёл со мной! Я не могу!
 Она уходит. В комнате остаётся запах её духов...

СТИХИ

Лариса ШАРИПОВА

ДОЖДЬ

Льет и льет дождь с утра -
 Бесконечность струнная.
 Монотонная игра,
 Серебристость лунная.

Осень - вечная вдова.
 Траур позолоченный.
 Листва - горькие слова.
 Текст, увы, просроченный.

Недовольные глаза
 В чьи-то лица встроены.
 Дождь - ненужная слеза?
 Чем обеспокоены?

Грязно, мокро. Ой-ой-ой!
 Недра туфель влажные.
 Злобы шарканья ногой -
 Эмоции бумажные.

Что сердиться? Нить дождя
 Бахромой колеблется,
 В почву мягкую войдя;
 Где асфальт - там стеблится.

Дождь недлительного стажа,
 Но людей нервирует.
 А отслойка макияжа
 (Ужас!) прогрессирует.

В духе абстракционизма
 Брюки размалеваны.
 Лужа грозной аневризмой
 Вздута. Бах! Оплеваны

Те, кто к краю тротуара
 Вдруг рискнул направиться...
 Что ж, пятнистость ягуара
 Может и понравиться.

Безэкстазная погода -
 Много неприятностей.
 Но сроднились пешеходы
 Общей неопрятностью.

ШУТКА

Небо серое сгустилось,
Передернулось с тоской
И брезгливо осветилось
Блеском молнии кривой.

Слышен жуткий хохот грома.
Ветер, как голодный пес,
Рвется с воем к крыше дома.
Об асфальт дерет свой нос.

Тополя трепещут в страхе,
Путаются в проводах,
Клоняются к земле, как к плахе.
Пыль мерцаает, словно прах.

Тучи морщатся плаксиво.
Слезы брызнут - близок миг!
Вдруг улыбкой шаловливой
Озарился неба лик.

Облака в недоуменье,
Ветер глупо рот открыл.
Солнце вышло, стерлись тени.
Кто-то ловко пошутил.

* * *

Промчался легковой автомобиль,
Асфальт царапнув свистом всех
колес.
Взметнулась в воздух серой

пудрой пыль.

Колеблющимся зноем день оброс.

Фигура путника присутствием
своим
Обочину дороги оживив,
Из сигаретки выдавила дым,
Глазную влагой век прикрыв.

Под веками скрывается лазурь.
Веселое приятное лицо.
Загар, как шоколадная глазурь,
Застывшая под солнечным
кольцом.

И жмурятся в ресничной бахроме
С зрачковым солнцем два кусочка
неба,
Заметили в асфальтной
пыльной тьме
Надкусенный сухой
квадратик хлеба.

И бережно красиво рукой,
С почтением к труду, привитым
с детства,
Пшеничный ломтик поднят
над землей,
Где вскоре стал бы подколесным
средством.

На камне, безопасном и немом,
Покоится он, плесенью
проросший.
Хотя мне юный путник не знаком,
Но чувствую, что человек
хороший.

ВОЙНА

Война... Зловещее дитя амбиций.
Раскрыта отвратительная пасть.
Лохматою и жесткой рукавицей
Себе пространство прочищает
власть.

В кotle времен кипящие
мгновенья
Привыкли незаметно подгорать.
Глотайте гадость, чтоб не
забывать -
Вселенная не терпит униженья.

ВОЙНА В ИРАКЕ

Целенаправленное
умопомешательство,
Взрывоубийственная пафосность
зачинщиков.
До тошноты противны поводы
вмешательства.
Не впечатляет ложь из сытых уст
"могильщиков".

Права Земли в каком-то
беспорядке
Среди цивилизации валяются.
А миллионы опозорены
десятками.
В нюансах гнев не очень
разбирается.

Планета наша станет
крематорием?
Мы у потомства выпросим
прощения?
Ты, человек, глупее инфузории,
Ведь нет инстинкта
самосохранения.

* * *

Меня одурачили. Глупость какая
Гадалку-мошенничу слушать.
Ха-ха!
Конечно, хотелось поверить,
признаюсь,
Что сбудется скоро вся та чепуха,

Которую мне напророчили
славно.
Но ловкой игрою пальцев руки
Отняли червонец, который
недавно
Был мой. И такие, как я, дураки

Добычей мошенников ловких
бывают.
Для жуликов глупость людская,
как мать,
Которая кормит и одевает
Чумазых детишек, что любят
играть

Мозгами людей, где поменьше
извилин.
Ох, горько мне это осознавать.
Очнись поскорее, разума филин!
Бездельник, проснись. Пора уж
вставать.

ОСЕННИЙ ОПТИМИЗМ

Все будет, будет, будет, будет
хорошо!
Стучатся кулачки воды по стеклам.
Дождь с мокрой элегантностью
в асфальт вошел
И тихо вышел. Улица промокла.

Стыдливо прикрывается осенней
единой,
А ржавчина ажурными клыками
Вгрызается меж ветками и
вызревшей листвой,
Рычит, шипит под нашими ногами.

Забрался ветер в таинство
продрогнувших ушей,
И воет злая боль ему в угоду.
Морщинки заугрюмились меж
яростных бровей.
Какая все же чудная погода!

ЗИМА

Как школьницы когда-то
Носили белый фартук,
Так и земля укрылась в
Праздничном чехле.
Природа снежной ватой,
Как козырною картой,
Побила все мечтанья о тепле.

Мороз румянит щеки,
Носы клюкой царапнув,
И не слегка, а страшно и всерьез.
Сосульки в гордом шоке
Висят, так и не капнув.
Обидный статус негорючих слез.

А небо давит брюхом
Воздушную лавину.
Кусочки эха превратились в звон.
Зима с большой краюхой
Наисвежайшей льдины
Взирается на подиум времен.

ТРИ НОВЕЛЛЫ

**Мадина
ХУРШИЛОВА**

НЕЛЮДИ

Я стоял над ней, мой палец лежал на курке, но я знал, что не смогу выстрелить. Не смогу - и все.

Мне было уже шестнадцать, но я никак не могу приучить себя к мысли, что они враги. Нам с детства твердили, что есть город, где живут люди, и есть лес, где живут нелюди - страшные, покрытые шерстью, с длинными когтями и острыми зубами. Нам внушали, что тот, кто не похож на человека - нелюдь, а значит враг. Но она похожа, похожа! Она может смеяться и плакать как человек, у нее есть лицо и руки, как у людей...

Я вспомнил, как на моих глазах впервые убили нелюдя. Мне было года четыре. Мой старший брат притащил из леса маленького кентавра. Он подвесил его за ноги и отрубил ему голову. Проходившие мимо люди смотрели на окровавленное тельце с одобрительными улыбками и хвалили моего брата. А потом я вспомнил

- Ну нажми на курок! Ну же, нажми! - кричали они, размахивая руками и оружием.

А я стоял, сжимая пистолет в руке, и смотрел, как по земле ползет полукошка. Ее стройные ноги были перебиты, одна рука сломана, а в удлиненных медовых глазах с черными вертикальными зрачками была мольба. Ее короткая серая шерстка была выпачкана грязью и кровью. И все равно она была красива, и даже остроконечные уши не портили ее.

кентавров такими, какими я увидел их вчера ночью, когда заблудился в лесу. Стремительные, легкие, с чуткими ноздрями и миндалевидными влажными глазами, они были черными и серебряными в лунном свете. Они были совсем не страшными и вовсе не злыми.

А еще я вспомнил ее - ту, что сейчас лежала у моих ног. Я заблудился, а она нашла меня. У нее был нежный певучий голос, губы пахли земляникой, а длинное тонкое тело казалось нечеловечески гибким. Она улыбалась мне как другу. И - так странно - она поцеловала меня. Она целовала меня и смеялась. У меня никогда не было ничего такого, поэтому сначала я даже растерялся. Но потом я понял, что это чертовски приятно и просто здорово. А потом появился мой брат и его друзья.

- Развлекаться с тварями - еще не значит быть мужчиной, - сказал тогда брат.

- Стреляй! Убей эту падаль! Прикончи тварь! - крики вернули меня к реальности.

Лица окружающих меня людей были искажены злобой, а глаза горели жаждой крови. Ненависть отправляла воздух, мешала дышать.

У меня в руке пистолет. У меня есть реальная возможность заслужить похвалу учителя и уважение брата. Но она похожа на человека! Нет, не похожа. Она лучше человека.

Но если сейчас я отступлю, все будут презирать меня. Стиснув зубы, я нажал на курок, потом еще и еще раз - до тех пор, пока в обойме не кончились патроны.

Ее хрупкое измученное тело вздрогнуло от моего прикосновения. Ее серая шерстка была такая теплая и шелковистая, что мне снова захотелось погладить ее - как тогда, в лесу. Я бережно поднял ее на руки, и она доверчиво прижалась ко мне. Я пошел к лесу, даже не оглянувшись на валяющиеся на земле трупы. Я шел туда, где резвятся дети ночи и леса, черные и серебряные в лунном свете. Я шел к людям.

**Багдат
ТУМАЛАЕВ**

распахнутое окно...

В комнате царил беспорядок. На столе лежали остатки вчерашней трапезы. "Вот я и подкреплюсь!" Орёл залетел прямо на стол и начал клевать...

В салоне "мерседеса" было тепло. Девушка и двое молодых парней весело переговаривались. Машина ехала на большой скорости по грязной дороге.

ЭТОТ МИР ДЛЯ ВСЕХ

"Нам тут, останови. Давай, Владик, пока!" Пара вышла. Светало. Владик вынул дорогую сигарету, заскурил и дал газу.

"Только пять утра!" - удивился Владик. Было ему 26 лет. Жил один, отдельно от родителей, жил весело...

Он поднялся в лифте на свой девятый этаж. Открыв дверь квартиры, он, не снимая обуви, прошёл в зал, плюхнулся на диван. И увидел нечто, копошащееся на столе. Протёр глаза - живой орёл!

"Сегодня я выпил много!" Владик ущипнул себя - видение не исчезало.

"Орёл в моём доме. Сейчас я его поймаю!" Он на цыпочках подошёл к окну, захлопнул его. Птица встрепенулась, взлетела было, но ударилась об потолок.

"Цып-цып, птичка. Я тебя съем!" - Владик запустил подушкой в орла, но промахнулся. Потом полетела табуретка. "Я убью тебя!" - крикнул Владик, разозлившись из-за своих неточных бросков.

Орёл метался, пытаясь увернуться от летевших в него предметов: тарелок, чашек и даже хрустальной

вазы. Её осколки ранили его, на оперении выступила кровь. Человек обрадовался этому.

"Я сильнее тебя, орёл!" Владик сорвал с ковра висевший на нём старинный кинжал, закрыл дверь. Теперь птица была в одной комнате с ним, у неё не осталось пути к спасению, старый орёл, ослабевший от дальнего перелёта...

Владик подошёл к окну, задвинул шторы, чтоб птица ненароком не бросилась через стекло на свободу...

"Убью аккуратно - чучело будет. Я сам добыл орла. Он - мой".

В молодости орёл мог поднять овечку и унести в свою гнездо, когда оно ещё было. Теперь он был стар, питался мелкой дичью, часто голодал. И люди наступали, чабаны стали часто стрелять в орла.

"Они не хотят делиться. Я их враг, потому что живу. Жалко им куска мяса для меня. Но ведь не одни люди живут на Земле. Это мир общий, это мир для всех!"

**Умукурсюн
МАНТАЕВА**

Проснулась оттого, что кто-то проводил ладонью по ее седым волосам.

- Сынок? Уснула, после утреннего намаза прилегла.

- Поедем в аул, мама. Помнишь, как ты говорила: "Потерпите, разгорятся дрова, испеку мичари. Пятерым не съесть, семерым не съесть. Чтобы во рту хрустело, чтобы досыта ели!"

Мать и сын улыбнулись. Обнимая мать, сын сказал:

- Пока!
- Уходишь?
- Может, задержусь - не беспокойся.

ЧЬЯ МАТЬ

* * *

День был солнечный, теплый. Мать сидела в тени деревьев. Когда человек счастлив, мысли невольно возвращаются к прошлому.

"Сынок, прости. Меньше всех тебе доставалось материнской ласки. Все внимание, вся забота - о младших. А ты рос сам по себе, рано повзрослел, стал самостоятельный. Учился вне дома, без материальной помощи. И вагоны выгружал, и в стройотряд ездил. Ты добрый, сынок. После смерти отца забрал мать к себе. Живу - ни в чем не нуждаюсь. Аллах, благослови моего сына".

- Анавка, пойдем, мама испекла твоё любимое чудо с тыквой.

- Пойдем, родной, что бы делала бабуля без своего внука.

* * *

Матери верят, что сыновья проводят их в последний путь. И она верила. Судьба дарует жизнь, дарует смерть. Но судьбу невозможно предугадать.

Мать часто заходила в комнату сына, долго стояла перед портретом. Молилась. Порой сидела у порога, будто надеясь на невозможное. Никак не могла смириться с его смертью: "За что? Почему они убили моего сына?!"

Он собрал все силы и бросился на человека, длинные когти впились в ошарашенного Владика, его здоровое, весом в восемьдесят килограммов, тело стало дрожать. Орёл со всего размаха врезался в зашторенное окно, закрыв глаза. Удар! Птица запуталась в шторах, голова её вся изранилась осколками разбитого стекла. Наконец, шторы порвались...

Свобода! Орёл летел прочь из города, летел высоко-высоко. Горы ждали его...

Уже в сумерках птица подлетела напиться к роднику, но вновь появился человек. Маленький мальчик подошёл к орлу и поставил перед ним ведро воды.

Орёл смотрел с недоверием на человека. Мальчик вынул из кармана кусок хлеба и положил рядом с ведром. Напившись, орёл начал есть.

"Всё-таки, не все люди одинаковы!" - думал он. - Этот понимает: мир существует для всех..."

В доме все напоминало о нем. Уезжая в аул, она увезла и воспоминания о сыне. Где бы она ни находилась, где бы ни жила, боль в сердце не утихала. Жила то с младшим сыном, то у одной дочери, то у другой. Ни у кого долго не задерживалась. Так и жила.

Зима прошла, наступили весенние, теплые дни. Ей захотелось вернуться домой, там все родное, там прожита жизнь, там можно повозиться в огороде, пообщаться с соседями, навестить знакомых.

Когда приехали дети - сын и младшая дочь, - она обрадовалась: приехали навестить. Она уедет с ними. Собирая вещи, услышала возбужденные голоса, насторожилась. Голоса становились все громче. Говорил младший сын:

- Почему я должен ее забрать? За матерью должны ухаживать дочери, а не невестка, чужая ей, как ни крути, женщина.

- Она не чужая, она твоя жена.

- А вы - ее дочери.

- Я сказала - не могу, - в разговор вмешалась приезжая младшая дочь. - Я не могу развестись с мужем. Они же терпеть друг друга не могут!

- А у меня и мужа нет, - вмешалась старшая. - Меня кормить некому. В городе жить трудно. Нет уж, перезимовала и хватит!

Они не слышали, как хлопнула дверь. Мать шла, сама не зная куда. Ничего не соображая, ничего не видя. "Аллах, прости их!" Ни упрека, ни злобы - только изнуряющая боль в груди.

Старушка шла, качаясь из стороны в сторону, глотая капли дождя со слезами. Люди проходили мимо, спеша по своим делам, не обращая внимания на старушку, съежившуюся под деревом. Какой-то мужчина, прогуливавшийся по парку, оглянулся на нее, но, опустив голову, пошел дальше. Вот уже и школьники возвращаются домой. Один из них, отстав от друзей, направился к ней.

- Эй, ты куда?

- Сейчас, только старушке подам.

- А на маршрутку?

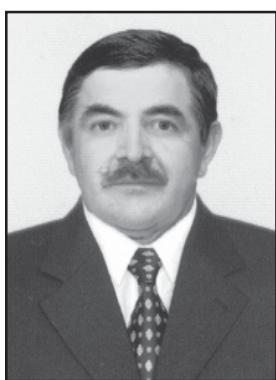
- Пешком дойду.

Мальчик, протягивая монеты, вдруг застыл в недоумении:

- Анавка!?. Что ты здесь делаешь?!

А старушка, обняв внука, разрыдалась:

- Да, Анавка! Только твоя Анавка!..

Наби ИСАЕВ

стихи печатались в различных журналах, районных и городских газетах, вошли в хрестоматии для школьников. Песни на его стихи исполняют профессиональные и самодеятельные артисты. К сожалению, на русский язык переведено было немного. А хотелось бы, чтобы с его творчеством познакомились и русскоязычные любители поэзии.

Я познакомился с будущим поэтом в 1971 году, когда он поступил на русско-дагестанское отделение Даггосуниверситета. Он был старше своих однокурсников: ему было уже 24 года (после окончания школы четыре года проработал учителем в школах родного Цунтинского района).

Стихи начал писать сравнительно рано, с 12 лет, а первое стихотворение было опубликовано в районной газете "Знамя труда", когда он учился в 8 классе. В студенческие годы стихи увидели свет и на русском языке в переводе студентов же. Позже переводы появились в журналах "Советский Дагестан", "Женщина Дагестана", в хасавюртовской газете "Дружба", в "Избербашском рабочем" и в других изданиях.

После окончания университета Наби вернулся в свой район, работал в редакции газеты, преподавал родной язык и литературу. Он часто приезжал в Махачкалу и непременно заходил в университет. Прошло почти 30 лет после его окончания, но Наби с благодарностью и сейчас вспоминает своих преподавателей М.А. Алипулатова, Б.Г. Испагиеву, Г.И. Мадиеву, М.М. Муртузалиева, А.Ф. Назаревича и других. Как-то мне довелось побывать в командировке в Цунтинском районе. Во время непродолжительной встречи разговор в основном шел о поэзии. Тогда я почувствовал, что Н. Исаев родился поэтом. "Наш поэт" - так говорят о нем цунтинцы.

Сожалею, что не владею аварским, потому что не могу прочитать его стихи на его родном языке. Сужу о них по немногочисленным поэтическим и подстрочным переводам, и все же они вызывают интерес своей лиричностью, эмоциональностью. Особенно трогают стихи о матери. Строки о любви к матери, к женщине - во многих его произведениях. В последние годы все чаще появляются стихи гражданского звучания, стихи о любви к родному краю, к Дагестану, к его людям. В них и тревога за их будущее.

Присутствуя на презентации новой книги Наби Исаева, слушая чтение его стихов студентами, учителями, поклонниками его творчества, песни замечательной певицы Патимат Алиевой, я еще раз убедился, что полку дагестанских поэтов прибыло, в их ряду Наби занял свое достойное место.

Георгий СИВРИДИ,
доцент ДГУ

В Республиканской юношеской библиотеке им. А.С. Пушкина состоялась презентация книги известного аварского поэта Наби Исаева "Цвабзазда Гагарльухъ" ("Ближе к звездам"). Председатель Союза писателей Дагестана Магомед Ахмедов, поэты Гусен Гаджиев, Абдула Даганов и другие дали высокую оценку и вышедшей книге, и поэтическому творчеству автора в целом.

Имя Наби Исаева хорошо известно аварскому читателю: за десять с небольшим лет вышли четыре его книги ("Свет в окне", "Баракат", "Ласточки", "Жизнь и песня"), его

НЕ ВЕРНУВШИЕСЯ С ВОЙНЫ

А вы, погибшие в бою, -
Вы до сих пор идете к нам.
С живыми рядом узнаю
Вас по селеньям, городам.

Не верю, если говорят,
Что умерли, мол, все, конец.
С моим сегодня боятся в лад
Не их ли тысячи сердец?

И родину свою беречь,
И в жизни мужественным быть...
Да только обо мне ли речь? -
Вы научили мир любить.

Вы - часть эпохи, и на вас
Равняться - наш сыновний долг,
И мы за вами в нужный час
Шагнем по главной из дорог.

От нас иного и не ждут,
Расслабиться на миг - позор.
Выносит строгий горский суд
Свой беспощадный приговор.

Совсем не жалость нам нужна,
У нас в горах иной закон:
Жить так, чтобы наши имена
Достойны были ТЕХ имен.

* * *

Радость в дом к тебе стучится;
В небесах запели птицы -
Хорошо!

Все сбылось, о чем мечталось;
Звезды в небе засияли -
Хорошо!

Друг простил обиду другу,
Поздоровался за руку -
Хорошо!

Прожит день без вести черной,
Приостановились войны -
Хорошо!

У тебя дитя родилось,
У меня дитя родилось -
Хорошо!

В сердце у джигита - пламя,
Не угасшее с годами, -
Хорошо!

Сын, наследник подрастает,
Косу девушка сплетает -
Хорошо!

Мы любить не опоздали,
Вновь друг друга повстречали -
Хорошо!

* * *

Кто-то спросит меня:
- Как ты жил? Почему?
И к чему свои стопы в пути
направлял?
Я спокойно и гордо отвечу ему:
- Я любовь свою в этой дороге
искал.

- Ты нашел ее. Сядь же теперь
у крыльца,
Ты ведь сам себе этим назначил
предел?
- Но любовь моя - песня моя
без конца,
Не допеть ее, как бы я долго ни пел.
Дикий горец, любовью я был
покорен.
Свет очей моих, вот что хочу
я сказать:
Я, мне кажется, только затем
и рожден,
Чтоб тебя на земле этой оберегать.

* * *

Град сыплется над головой,
На ледниках снега,

Напоминает волчий вой
Холодная пурга.

Но для меня - весна, едва
Тебя я вспомню, ведь
Ты подарила мне слова
И научила петь.

Темно. Прохожих больше нет,
Село объято сном,
И отдыхают в тишине
Работавшие днем.

Но только мне не отдохнуть,
Какой уж тут покой!
Я ночью не могу уснуть,
Я мыслями - с тобой.

И мук таких не может быть,
Чтоб я не мог стерпеть:
Я счастлив, что могу любить,
Любовь моя - как свет.

Первойшая в ряду чудес
Стоит она - любовь.
Она - и в каждом из сердец,
И в каждом из миров.

Сокровищ всех земных ценней
И краше - лишь она,
И потому пою о ней
В любые времена.

Не постареет человек,
Пока она в груди,
И, может статься, долгий век
У мира впереди.

* * *

Сто раз восхваляю красоту твою,
Подобную только цветку в раю.
Цветок улыбнется цветку весной,
И, радуясь, я улыбнусь с тобой.

Но как же ты смотришь в мои глаза
И думаешь: "Верить ему нельзя"?
В глазах моих, где-то на самом дне,
И в сердце, что бьется сейчас
во мне,

Читай: я завел с тобой эту речь
Не с тем, чтоб на часик тебя увлечь.
Я ради твоих несравненных глаз
Все брошу. Сегодня же. Вот сейчас!

Не веришь? И ждешь
подтвержденья? Пусть.
Я всем, чем угодно, тебе клянусь:
Нет равных любви, что внушила ты.
Спроси - и согласно кивнут.

Сегодня, у этих прекрасных ног
О чем говорить еще, мой цветок?
Поверь и, гордыню свою уняв,
Отказом своим не губи меня!

*Перевод с аварского
Елены БАКИДОВОЙ*

«Наша азбука» Шапи Казиева

Книги члена общественного совета нашего журнала Шапи Казиева пользуются широкой популярностью. Он пишет и для детей. Его книжка стихов "Горская азбука" уже дважды перениздавалась. Большая часть тиража была приобретена мэрией Москвы для школ столицы, а также подарена школам других регионов страны. Его стихи для детей публикуются как в России, так и за рубежом. На стихи Ш. Казиева пишутся и песни, которые поют и взрослые, и дети. А его пьесы для детей поставлены в Театре кукол, Русском драматическом и Аварском театрах Дагестана. Знают его пьесы и в других городах и странах. Одна из последних постановок - спектакль "Золотой осел Насретдина" в г. Чита, в канун Нового года.

Недавно руководитель издательства "Эльми" Шахрудин Османов обратился к писателю с просьбой написать новую книгу для детей - азбуку, где буквам алфавита уделялось бы особое внимание, а стихи были бы очень короткими и запоминающимися.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию несколько стихотворений из книги "Наша азбука", которая скоро выйдет в махачкалинском издательстве "Эльми".

Д
Дятел делает дупло,
Дятлу будет в нем тепло.

Ж
Жирафа жук зовет гулять,
Жука жираfu не слыхать.

И
Индюк идет по улице
И на прохожих дуется.

Л
Ливень лил, лил, лил,
Лужу в море превратил.

О
Орел летает высоко,
Он видит очень далеко.

Т
То там, то тут,
То там, то тут,
Тропинки горные бегут.

Ц
Цапля в цирке
Чертит как циркуль.

Э
- Эхо, Эхо, дай ответ!
Эхо дразнит:
- Нет... Нет... Нет...

**Магомед-Расул РАСУЛОВ,
народный писатель Дагестана,
кандидат филологических наук**

"МОЙ ПУТЬ К РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ"

Так называется книга Космины Испариловой, изданная в 2003 году к 80-летию замечательного дагестанского поэта.

Я видел, с каким трепетным волнением брал в руки рукопись этой книги поэт, не обделенный (чтобы не сказать - избалованный) вниманием литераторов и литературоведов, власть имущих и рядовых людей.

Чему он был так рад?

Наверное, тому, как мне показалось, что в этой книге автор, быть может, одним из первых, если не первым, заговорил о нём не только и не столько как о всемирно известном поэте, но и о как простом, рядовом человеке со всеми его достоинствами и слабостями.

О Расуле Гамзатове написано много литературоведческих, научных, публицистических статей, диссертаций, монографий. Каждое исследование - своеобразный вклад в гамзатоведение. Все они заслуживают всяческого внимания и соответствующей оценки. Но книга Космины Испариловой выделяется среди них особо.

Автора подстерегала опасность скатиться на эмоции, за которыми виден не столько поэт, сколько тот, кто о нём говорит. Космина Испарилова счастливо избежала этого, перенеся акценты на личность выдающегося поэта, человека-гражданина, патриота Дагестана. В ее книге Расул Гамзатов предстаёт во многих человеческих ипостасях. Этому способствует удачно избранный автором художественный приём, позволяющий создать наиболее полнокровный портрет поэта... Расул Гамзатов и его творчество предстают перед читателем не только через личностное восприятие автора, но и тех людей, которые играли роль в судьбе художника слова. В книге собраны беседы с другом и женой поэта П.С. Гамзатовой, с первым дагестанским академиком РАН и родным братом поэта Г.Г. Гамзатовым, с членом-корреспондентом РАН Х. Амирхановым и со многими другими известными в республике и далеко за её пределами людьми. Для каждого из них Р. Гамзатов открывался с какой-то, доселе неведомой другим, стороны - настолько колоритна и многомерна была личность поэта.

КРИТИКА

Кто лучше жены знает мужа? На несколько завуалированный, но с явным подтекстом вопрос автора "Что вы цените в мужчине?" жена поэта ответила: "Более всего - верность слову. Верность традициям, устоям. В мужчине или женщине, вообще в человеке ценю преданность и верность в широком смысле этого слова: Родине, отчиму краю, своему делу, своим обязанностям, своим друзьям, семье". Всем этим качествам, естественно, отвечал Р. Гамзатов и как мужчина, и как муж, и как горец, верный отцовским традициям, неписанным законам гор.

О высокой ответственности быть братом выдающегося поэта Г. Гамзатов говорит следующее: "Это почтительно, но далеко не привилегия. Хотя были и есть люди, полагающие, что всё, чего я достиг в жизни, достиг исключительно благодаря генетической причастности. Не стану кривить душой: и отец, и брат были в моей судьбе опорой. Я по праву гордился и горжусь ими. Но, согласитесь, это же обстоятельство накладывает на меня немалую ответственность и выступает определенным сдерживающим фактором".

Последняя глава книги ёмко и многозначно названа "Расул на все времена". Начало её как нельзя лучше характеризует автора как яркого журналиста, философски осмысливающего окружающий поэта сложный мир, да и самого поэта - философа и оракула своего времени.

"Оледенение человеческих душ, - пишет К. Испарилова, - достигло такого накала, что небо вздрогнуло от разрыва Гармонии. Природа планеты Земля, словно самозащищаясь, противопоставила этому вопиющему явлению современности всемирное потепление. Жестокость века грозит привести к гибели целые цивилизации. Сознание простого человека уже неизлечимо отравлено ядом страха перед утратами и лишениями. Вот как об этом сказал Расул Гамзатов:

Я хочу, чтобы люди давали ответ
На эти вопросы всегдашние:
"Холодно вам?" - "Нет".
"Страшно ли вам?" - "Не страшно".
Я шёл по земле, где беда и нужда,
Встречал я людей озабоченных.
"Холодно вам?" - "Да"
"Голодно вам?" - "Да"
"Страшно ли вам?" - "Очень".

Мерилом человеческой нравственности является сердце истинного поэта. Оно, как барометр бушующей планеты, болеет вместе с больным обществом и вместе с ним выздоравливает".

Лирические отступления, поэтические циклы, философские рассуждения и обобщения автора книги органически вытекают из произведений поэта. Мы имеем дело не с политической публицистикой, хотя автор и не стоит вне политики, а с высокохудожественной публицистикой, доступной широкому кругу читателей и вызывающей к себе живой интерес. К достоинствам книги следует отнести далёкий от газетных трафаретов литературный язык, насыщенный эмоционально-стилистической окраской.

С учетом написанного о творчестве поэта Космина Испарилова нашла свой подход к оценке творчества и всего жизненного пути Расула Гамзатова. Подкупает искренность повествования, хорошее знание творческих вех поэта. Книга выгодно отличается от предыдущих книг о Расуле Гамзатове проникновенным лиро-эпическим подходом автора к творческимисканиям поэта. Книга выстроена так, что художественная форма выражения тесно переплетена с высокой публицистикой. Публицистика получает свою высшую форму выражения - форму художественной прозы. Такая работа в дагестанском литературоведении появилась впервые.

Книга Космины Испариловой "Мой путь к Расулу Гамзатову" - новое слово в нашей литературе.

Патина ВАРИСОВА

ВОЕННЫЕ ГОДЫ: ПАФОС ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Когда началась Великая Отечественная война, во всех сферах жизни нашего общества, в том числе и в художественной литературе наблюдался бурный подъем. В литературах народов Дагестана изначально ведущее место занимала поэзия, это можно сказать и о сегодняшнем дне. Но особый ее всплеск наблюдается в период Отечественной войны, что вполне объяснимо эмоциональной насыщенностью событий.

Родился такой жанр, как стихи-призывы и стихи-послания. Для современного читателя многие из этих стихотворений могут показаться риторичными, сухими, излишне публицистичными. Однако надо учесть, в какое тревожное время, в какой "спешке" они создавались, какие цели преследовали. Они звучали в унисон настроениям и устремлениям народных масс, и поэтому их призывающий дух, взволнованность, риторичность были понятны народу. Уместно вспомнить высказывание А. Фадеева: "Осуждения заслуживает плохая, неумная риторика. Она плоха, когда "подменяет", и хороша на своем месте".

В стихотворениях-призывах поэты стремились найти самые действенные, убедительные, аргументированные, основанные на народных представлениях о чести, совести, доводы, в чем достигали значительных успехов. Таковы стихотворения поэтов М. Батырова "Будь героем!", А. Иминагаева "Разгромим коварного врага", А.-В. Сулейманова "Друзьям". Аналогичные произведения публикуют и Наби Ханмурзаев, и многие другие поэты.

В годы Великой Отечественной войны эпистолярная поэзия приобретает особое развитие, что закономерно: война разлучила близких людей, они вынуждены общаться посредством писем. Кроме того, жанр письма предполагал особую задушевность, искренность, интимность, что, в свою очередь, придавало стихотворным посланиям высокую художественность, лиричность.

В кумыкской фронтовой поэзии особое место занимают стихотворения участника войны, ныне профессора-языковеда Ибрагима Керимова. Он широко использовал и собственно жанр эпистолярной поэзии, и как бы вклинивал в текст других стихотворений элементы традиционных песен-посланий, стихов-завещаний. В стихотворении "Письмо с фронта" (1943) И. Керимов обращается к возлюбленной из освобожденного уже Киева, пишет, что выпил воды из Днепра, что

большую часть долга по освобождению Родины он выполнил, и просит ее не иссушать себя переживаниями о нем. В более раннем стихотворении с показательным названием "Завещание" использован прием устного послания: умирающий воин просит друга отомстить за себя. Трагическому случаю посвящено стихотворение Гаджи Залова "Самое дорогое", где говорится о кровавых сражениях у Терека.

Среди талантливых поэтов и писателей, отдавших свою жизнь за Родину, и замечательный табасаранский поэт, фольклорист, переводчик Багаутдин Митаров (1912-1943 гг.). Его стихи военных лет стали вершиной творчества поэта. В них Б. Митаров использует художественные средства самых разных жанров, в основном писем-посланий, что и понятно, война разделила людей: на тех, кто на фронте, и тех, кто в тылу. В стихотворении "Письмо из аула" использована традиция наставлений, благословений, благопожеланий, достаточно хорошо развитых и в фольклоре, и в литературе народов Дагестана, в том числе табасаранцев. Первая строфа вполне в традициях писем-посланий:

"Привет тебе из нашего аула,
От всех соседей - пламенный привет.
Пускай тебя не тронет вражья пуга,
Живи и здравствуй много-много лет".

Последующие строфы вводят читателя в реальность войны с соответствующей лексикой. А в стихотворении "Смотрите, друзья" уже воин обращается к тем, кто в тылу, говорит о том, что на фронте "И Правда одна, и Отчизна одна".

Удачным представляется стихотворение Б. Митарова "Сообщите друзьям". Оно написано в 1943 году, когда война еще далеко не была закончена, но полно оптимизма, веры в скорую победу, готовности ежедневно и ежечасно идти в бой. В каждой строфе как рефрен повторяются строки "сообщите об этом друзьям" и "передайте друзьям", подчеркивается основной адресат произведения - тыл, и основная его цель - поддерживать дух людей, их веру в грядущую Победу.

Определяя жанр этого произведения, М. Г. Юсуфов пишет: "Развернутая композиция, представляющая определенную тенденцию к эпизации, сближает стихотворение "Сообщите друзьям" с лиро-эпической поэмой: герой, "воюющий за нашу свободу", расска-

зывает о событиях последовательно и обстоятельно; возвеличивая подвиг солдата, автор перемежает лиризм с патетикой. Лирическое "я" неотделимо от образа отечества и судьбы народа".

Воин-освободитель видел много зверских преступлений фашистов, поэтому, видя трагический для них исход войны, он обычно не испытывает чувства жалости (во всяком случае, в годы войны об этом редко кто писал), воспринимает его как справедливое возмездие. Правдивое описание трагедии немцев порою переходит в натуралистические картины, но и в этом вряд ли можно обвинять поэтов-фронтовиков. Надо учитывать стремление авторов показать фашистов как страшных по своей сути извергов, и этим еще больше усилить ненависть к ним, поднять народ на борьбу с ними.

Интересны примеры вторичной фольклоризации произведений даргинских поэтов, когда народ поет стихотворение как песню, не зная, кто ее автор, когда происходит своеобразное "новое" сближение понятий "поэт" и "певец". Старейший поэт и певец Курбан Магомедов сочинил песню о руководителе цудахарских красных партизан в годы гражданской войны и командире дагестанского кавалерийского эскадрона в годы Великой Отечественной войны Кара Караве, и эта песня стала народной. "Фольклоризация" подверглись в эти годы и произведения других авторов. Стихотворение М. Мусаева "Германский Гитлер" знали наизусть во многих даргинских районах, но мало кто знал, кто его автор. Песню пели как народную:

*Aх, стать бы мне птицей,
Крылатой и могучей,
Чтоб добраться до тебя
И крылом своим отсечь
Голову твою, сын дьявола,
Эй, германский Гитлер!*

Было бы неверным давать высокую оценку всем произведениям периода Великой Отечественной войны. Таланты, как известно, неравнозначны, тем более что к поэтическому слову в годину испытаний обратились не писавшие до этого стихов простые воины, трудящиеся тыла. Авторы стремились как можно быстрее откликнуться на события, обратиться с заветным словом к близким. Однако с течением времени поэзия этого периода постепенно отходила от призывов, лозунгов: четыре года войны приучили воинов, тыловиков, в том числе и литераторов, к более реальному подходу к действительности, к показу истинного лика войны и на этом фоне - бесстрашного воина. Постепенно расширялся и обогащался круг образов и тем.

Талантливый даргинский поэт, участник войны Сайид Абдуллаев написал балладу "Песня фронтовика", в которой на конкретном примере одной семьи художественно передал страдания и горе миллионов советских людей, потерявших близких, но не потерявших человеческих качеств. "В даргинской военной поэзии, - пишет Ф. О. Абакарова, - это одно из лучших стихотворений об Отечественной войне". Перед нами встает воин-герой. Поэт с большой любовью воспевает чувство, пронесенное через трудности войны. Куда бы ни забрасывала советского воина солдатская судьба, всюду, даже в десяти шагах от смерти, он ведет себя так,

что вызывает всеобщее уважение. Характер героя "Песни фронтовика" полон благородства, непреклонного мужества".

Для борьбы с фашизмом широко использовались и сатирические жанры. Едким сарказмом, остроумной сатирой пронизано стихотворение-памфlet кумыкского поэта-фронтовика Юнуса Алимханова "Фриц и его жена Марта". Фриц собирается идти на фронт и говорит жене, что он ненадолго едет, но автор в выражение "не иду же туда я жить" вкладывает другой смысл: конечно, ему не жить в нашей стране. В сентябре 1943 года Ю. Алимхановым написано другое сатирическое произведение "Ври еще", где едко высмеивались потуги геббельсовской пропаганды преподнести отступление немецких войск как временное явление, продиктованное военно-стратегическими планами вермахта.

Известно, с каким нетерпением ждали фронтовики любой весточки из дома, из родных краев, а когда не писали писем их сверстники, друзья, по каким-либо причинам оставшиеся в тылу, это, естественно, вызывало обиду. В стихотворении с показательным названием "Горячему другу холодное письмо" А.-В. Сулейманова, в частности, есть такие строки:

*Вдали от фронта дни твои текут
Спокойной чередой.
Ты не изведал
В метель и зной тяжелый ратный труд,
Не знаешь, как дается нам победа!*

*Работу тихо делаешь свою,
И верная жена с тобою рядом...
Три года я встречаю смерть в бою,
Не тронут пулей, пощажен снарядом...*

Очевидно, у адресата этого письма был и прототип, но, став художественным произведением и будучи опубликованным, оно приобретало общественное звучание, получало "качество" всеобщего осуждения бесчувственных, глухих сердцем людей.

Еще до Отечественной войны были созданы агитационные стихотворения, сближающиеся с маршами. Так, стихотворение А. Иминагаева "Нашим призывающим" (1940 г.) характеризуется "необычной рифмой, стремительным ритмом, имитирующим походный марш", которые должны вселить уверенность читателям-призывающим в нашей победе на случай войны. А когда еще далеко было до победы, когда враг еще был очень силен, Б. Митаров в стихотворении "О, пусть раздастся гром победы!" писал:

*"А день придет -
В победном марше
Отряды двинутся домой.
Солдат, полмира отшагавший,
В Москву приедет в выходной.
Пилотку старую снимая,
Он перед входом в Мавзолей
Вдруг оробеет, понимая
Значение судьбы своей..."*

Значительные изменения происходят также в любовных и патриотических песнях. Если раньше, осо-

бенно в фольклоре, эти песни были разграничены, то во время войны они как бы взаимодополняют друг друга: любовь к возлюбленной, желание во что бы то ни стало защитить ее свободу, честь, достоинство непосредственно связывается с любовью к родине, с ее свободой и честью. Реальность военных лет диктовала именно такой подход к темам любви и патриотизма. Перед нами не отдельные жанры и даже не жанровые разновидности, а их органичный синтез. "Лирику военных лет, - отмечается в "Истории русской советской литературы", - трудно разграничить на политическую, философскую, любовную и другие традиционные разновидности, так как каждое значительное произведение тех лет, как правило, представляет собой органическое единство гражданских, интимных и других мотивов".

Особенно проникновенно звучали стихи, написанные как письма к возлюбленным. Так, Анвар Аджиев в стихотворении "Письмо" писал о довоенной счастливой, безмятежной жизни возлюбленных, о том, как герой произведения, бывало, тряс тутовник над головою любимой, и эта, казалось бы, незначительная деталь приобретает функцию поэтического символа грядущего возвращения к обычной мирной жизни с ее пусть маленькими, но все же "миленькими" проявлениями внимания, любви, и шалостями.

*Золото - терпенье, говорят,
Погоди,
Окончим мы войну,
Я с тобою снова выйду в сад
И тутовник над тобой тряхну...*

В первый же год войны Э. Капиев пишет стихотворение с показательным названием "В бой!" и подзаголовком "Бывшим красным партизанам Ставрополья, сформировавшим свою добровольческую кавалерийскую дивизию. "Стихотворение по своему содержанию полно оптимизма, уверенности в победе, это гармонично передают и чеканный ритм, четкий стихотворный размер, отточенные рифмы, рефрины. Все отмеченное позволяет отнести произведение к жанровой разновидности песни-марша. Не случайно, как это бывает в песне, повторена дважды строфа:

*На запад идут эшелоны,
В багровом дыму города.
Колонны,
Колонны,
Колонны,
И в небе далеком звезда.*

В "Песне жены воина" Г. Цадасы тоже использованы традиции устно-поэтического творчества народов Дагестана. Жена воина беспокоится, почему нет письма от мужа, переживает, не разлюбил ли он ее, но и не верит, что такое может случиться. Однако главная ее тревога, конечно, связана с боязнью за жизнь супруга. Она просит мужа известить ее, если он ранен, говорит о своей готовности прийти ему на помощь:

*Тотчас оседлаю гнедого коня,
В седло боевое легко я вскочу.
Дитя поцелую и мать обниму
И быстрой орлицей к тебе полечу.*

*Винтовку возьму я, стрелять научусь,
Товарищем стану тебе - не женой,
И буду я раны твои врачевать,
И буду сражаться бок о бок с тобой.*

В этих строках как бы переплелись фольклорные традиции и реальность: с одной стороны предстают образы народных песен, где женщины в ратных делах не уступают мужчинам (например, в древней кумыкской песне о Карткожаке, "амазонке" Максуман, в лакской - Парту Патима), с другой стороны, известны реальные случаи участия горянок в боях как в прошлом (во время Кавказской войны), так и в Великой Отечественной.

Обращение к народным песенным традициям было характерно и для других дагестанских поэтов. Так, участник войны Абдулмажид Хачалов написал "Песню парня, уезжающего в армию", где лирический герой, как самое дорогое, как духовную поддержку для себя на фронте "берет" с собой "что на родине лучшее есть": "девушек смех"; "наших предков и доблесть, и честь", "обет, данный... самым близким... их молитву".

Хотя в Дагестане любовная лирика была развита достаточно сильно, но она имела несколько ограниченные сферы функционирования: свадьбы, посиделки, застолья... Традиционно суровая жизнь, строгие обычаи требовали сдержанности. Ислам, особенно в период мюридизма, тоже ограничивал открытое выражение любовных чувств. Правда, и в Дагестане были великолепные мастера любовной лирики (Батырай, Махмуд), но все же сдержанность в "принародном" излиянии любовных чувств наблюдалась. Эта "особенность" дагестанской поэзии, по-видимому, сказывалась и на лирике периода войны. Например, в стихотворении лакского поэта-фронтовика Абдула Мирзаева "Письма отца" читаем:

*Я сегодня прочел все военные письма отца,
Обращенные к матери... Я прочел много строк,
Нет в них слов о любви, хоть хранил он ее до конца,
Нет в них слов о любви, - а ее он навеки сберег.*

Эффенди Капиев рвался на фронт, чтобы писать о том, что увидит собственными глазами, что сам переживает, переживет. В январе 1942 года он командируется в действующую армию Южного фронта, в Ставропольскую кавалерийскую дивизию "для написания книги о ее героях и героических делах". В Гиагинском казачьем полку он пишет стихотворение, которое не случайно назвал песней - "Песня Гиагинского казачьего полка". Интересна история ее создания. Вот как об этом писал С. Бабаевский, который тоже был в полку вместе с Капиевым:

"Собирались в большой хате и слагали песню коллективно. Запевалой был Эффенди. Он писал стихи, а полковые песенники, ребята молодые, веселые, пробовали их на голоса... Остановились на песне "За лесом солнце воссияло...", и начали подбирать слова.

Эффенди, наклонившись к столу, к керосиновой лампе, быстро писал в блокноте. В хате стояла тишина. Было слышно, как в дымаре завывал ветер, и в замерзшие окна стучалась поземка. ... Есть первые две строчки, - сказал Эффенди. - Вот они! "Конь боевой, наш конь казачий, Он колья рвет, чего-то ждет..." Песенники пропели. Им подтянулся хор. Получилось красиво. На лицах казаков - улыбки. Прошло три дня. Накануне марша полк был выстроен для торжественного исполнения полковой песни. В строю стоял и ее автор..."

Как отмечает Н. Капиева, и сам Эффенди Капиев описал то, как создавалась эта песня.

- А ну, казаки, споем! Надо нам сложить песню для нашего полка. На какой мотив ее сложим? Какую песню больше всего любите петь па отдыхе и в походе? А ну?!

Казаки встрепенулись. Каждый предлагает свою. ("Эта не годится, она нежная, эта тяжелая, эта чересчур веселая, а время наше, видишь, серьезное".)

"И вот, никогда мне не забыть - в комнате стало просторно, душа почуяла крылья - плевать на весь мир! Дьяволы! Где вы там? Идите, померяемся силой. Эх, однажды умираю - умру с честью!"

Казаки пели:

*Жена коня подводит,
Товарищ пику подает!*

Мужская, народная, гордая казачья удаль дышала в этой песне... Стоят - сабли наголо. Лица суровы".

Э. Капиев хорошо знал казачьи песни, о чем, в частности, свидетельствует его статья "Терская казачья песня". Говоря о продолжении героических традиций этих песен в фольклоре гражданской войны, Капиев называет красных командиров Апанасенко и Трунова. Не случайно и в его стихотворении "В бой!" мы встречаем имена казачьих героев Трунова, Ипатова, Коучубея:

*Не наша ли молодость снова
Бросает нас в седла, друзья?
Не голос ли Кости Трунова
Бушует, фашистам грозя?
Встает из могилы Ипатов.
- В поход, казаки, не робей!
По выюжным степным перекатам
Скликает бойцов Коучубей.*

Избранная Э. Капиевым жанровая разновидность тоже обусловлена потребностями времени: необходимостью быстро откликаться на события, мобилизовать народ на защиту Родины, вселить в него оптимизм, уверенность в победе.

В Дагестане, где традиционно вообще сильна тяга народа к художественному слову, в годы Великой Отечественной войны к перу потянулись руки не только поэтов и писателей, но и людей, которые раньше вообще не писали художественные произведения или же писали, так сказать «для себя». Среди них были и воины, и их жены, матери. Помимо актуальности эти произведения характеризовались проникновенностью, исповедальностью, действенностью и высоким пафосом.

САТИРА И ЮМОР

Вита КАЗАКОВА

УШЛА ЖЕНА

Пришёл домой - тишина, жены нет. Один тапочек на вешалке, другой в холодильнике, а жены нет. Заглянул в ванну - нет, даже записки не оставила. Где искать? Что делать?

И тут меня осенило: я свободен!!! Хочу - заплату пропью, хочу - приду весь в помаде и с трусами в кармане чужими, и - никто ничего! А захочу, так вообще из квартиры клуб устрою покинутых мужей, вон соседа позову - первым клубным будет.

Набираю номер соседа:

- Хочешь членом клуба стать?
- Чем клуба?
- Ну, посетителем клуба неженатых...
- Куда рогатых?

Связь всегда оставляла желать лучшего, но я вдруг испугался:

- Каких рогатых, ты на что намекаешь?
- Как на что? - сосед аж протрезвел. - Твоято на ночь глядя с кем укатила? Весь двор видел. Вон, пойди, на лавочке спроси, они-то знают, что ещё только случиться должно. Уж всё выложат.

В панике кидаюсь к лавочке, на которой пригрелись ум, честь и совесть в лицах бабы Гаши, бабы Саши и бабы Паши.

- Где... моя... моя... куда?..
- И-и... милок, опоздал ты, опоздал. Ушла, укатила-то вертихвостка. Как приехала за ней белая машина...

- И не белая, - перебивает баба Саша. - Серебристая, как там, мерс-то что ли, говорят...

- Да, и за рулём такой видный, ну, красавец прям сидит. Мужа моего в молодости напомнил.
- Баба Паша ушла в воспоминания. - Муж-то мой красавец в молодости был.

- Ой, красавец. И где это он был красавец?
 - Везде! - От гордости баба Паша аж пристала.

- Везде - нашла чем гордиться, мой-то получше был, - Баба Гаша не могла быть второй, даже если речь шла об её муже.

- А ты откуда знаешь, чей лучше-то, проверяла што ли?

- Проверяла, я всегда всё проверяю, не как ты: мой, мой... Вон у Сашки спроси, чей лучше.

Баба Саша задумчиво протягивает:

- Лучше? А лучше всего Митяй из третьего подъезда. Вот уж не с кем и сравнивать.

Пока бабок в дебри не занесло, я решил всё же выяснить, с кем, на чём и куда отправилась моя жена.

- А про мою-то скажите, про мерс-то белый или как его там...

- А... уехала, да. - Первой очнулась баба Паша. - Ну так вот. Вышла, значит, села и уехала туда вон.

- Не туда, а туда, - поправляет баба Гаша. - Да быстро так, мы и номеров не разглядели.

- А с кем уехала? - главный вопрос, не перестающий меня терзать.

- Ну, с видным таким, на мужа моего, говорю, похож.

- Да не похож, говорю, мне-то виднее...

И "ум, честь и совесть" начали всё по-новой.

Мне от услышанного легче не стало, но есть захотелось. Побрёл домой. Наткнулся на соседа, исследующего мой холодильник:

- Да, не густо. - Сосед выудил тапочек и попытался впихнуть его в кастрюлю, приняв за позавчерашний куриный окорочок. - Щас сварим, а у меня и портвейнчик припасён, отметим.

- Что отметим?

- Как что, начало новой твоей жизни. Вот повезло, сама ушла и выгонять не пришлось.

- А может, она к маме поехала, - спасительная мысль осветила кухню и зажгла газ под кастрюлей с тапочком.

- К какой ещё маме? К мамам по понедельникам не ездить, к ним ходить по субботам, чтоб дома не готовить.

При слове "готовить" я вспомнил о голоде и тоскили огляделся кругом. Кухня сияла чистотой, но нигде не было даже крошки хлеба, не говоря о других питательных продуктах, не считая вареного тапочка.

- А может, случилось что непредвиденное?

- Рога у тебя непредвиденные, - сосед опять надавил на больное. - Ты ей когда последний раз внушение делал?

- Никогда.

- Ну и дурак. Жене надо внушение раз в неделю делать, а то и два, иначе уходит к другому.

- А ты делал?

- Делал.

- Ну, и где жена?

- Ушла. Я однажды переборщил: за три дня дважды внушал. Она обиделась и ушла к маме в понедельник. Зато я теперь лечусь от последствий женатой жизни. Вот щас вместе и полечимся.

На столе показался "Портвейн 72", кусок яблока и два стакана с обкусанными краями. Но я не был готов к лечению, ещё надеялся вернуть свою жену.

- Может, в милицию заявить, пропала, мол...

- В ми... зачем? - Сосед протрезвел вторично. - Тебе счастье на голову свалилось, а ты его ментам сдать хочешь. Совсем плохой, может, я за водкой сбегаю, веселей будет?

Сосед исчез за дверью, и я остался один в обществе обкусанных стаканов и варёного тапочка, начинавшего издавать куриный запах. Сел на стул, обхватил голову руками и начал думать: как это могло случиться. Моя жена, какой-то мерс, этот в мерсе - то ли муж бабы Гаши, то ли Митяй из третьего подъезда. И потом, как же я буду жить один? Кто мне приготовит, уберёт, спать уложит? Как ни крути, а жена в хозяйстве вещь незаменимая. Да и места занимает немножко, ну, пилит иногда. Так на то же ей права и зубы даны, надо ведь ими иногда пользоваться. Осириотел я крупно. А моя такая хорошая была. За пять лет ни разу сковородкой по голове не била, зубную пасту с пеной для бритья не мешала, телевизор смотреть давала, даже футбол вместе смотрели. И по утрам: кофе в постель, завтрак на стол. Все вычищено, выглажено. И по карманам не шарила, не то что некоторые. Имя моё никогда ни с чим не путала, особенно во сне. Сам проверял.

И за что меня так наказывать. Ну подружек её не любил, ну в магазин не ходил, ну посуду мыть не хотел, ну мусор ни разу не вынес, но зато внушений никогда тоже не делал, и деньги в дом приносил. Ну и что, что мало, зато все. И вообще, такого, как я, ещё поискать надо, днём с огнём. И... и тут я заплакал.

Сколько это длилось, не помню, но меня вернулся к жизни звонок в дверь. Сосед, наверно, поллитра принёс. Размазав слёзы и утерев нос, поплёлся открывать. А за дверью... жена. Моя. Никакая, но моя, и вся.

- Пупсик, - говорит, - я тут чуть-чуть... знакомых встретила и вот... пришла. - И тихонько сползает на пол.

Ловлю её на руки, несу в ванну, умываю, переодеваю, кладу спать. Всё же есть на свете справедливость. Вот выспится, а завтра примемся за внушение. Надо же когда-нибудь начинать.

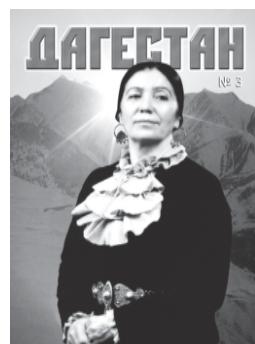
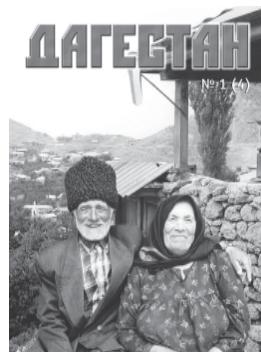
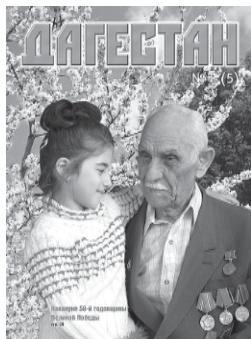
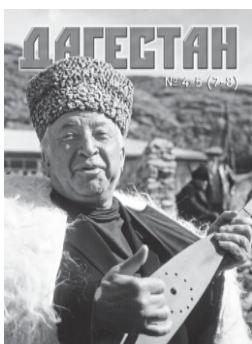
ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

СООБЩАЕМ ПРИЯТНУЮ НОВОСТЬ:
подписная цена на нынешний 2005 год на наш журнал значительно снижена в сравнении с той, что была указана в каталоге российской прессы "Почта России".

**Теперь она составляет всего
150 РУБЛЕЙ НА ВЕСЬ ГОД
(на полгода, соответственно, 75 рублей).**

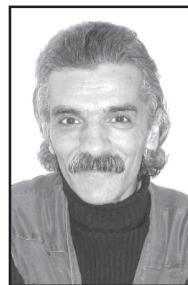
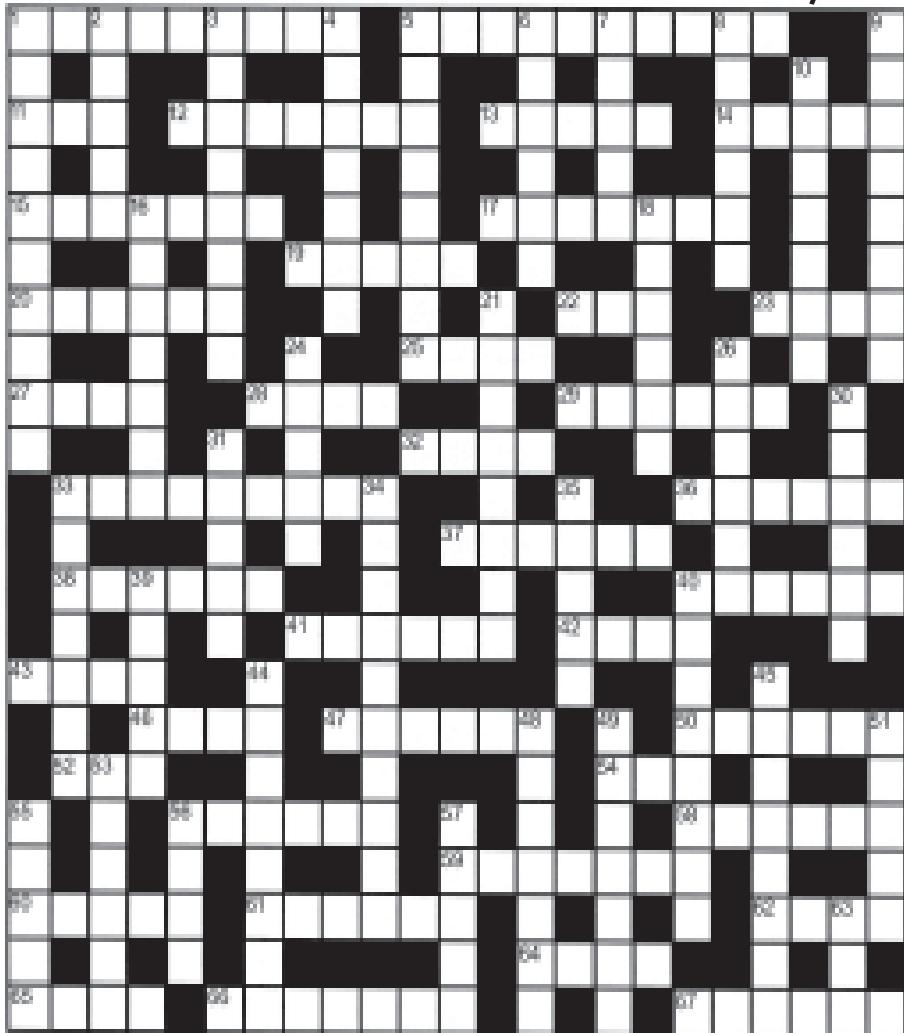
Причем, тем, кто подпишется на весь год, будет предоставляться дополнительная льготная скидка. Так что, приглашаем Вас воспользоваться этим благоприятным моментом и продолжить нашу с Вами дружбу в наступившем году. А мы постараемся не разочаровывать вас в ожиданиях каждого нового номера.

Редакция "Дагестана"

КРОССВОРД

*от
Гаджикурбана
Расурова*

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Герой лакского эпоса. 5. Один из древних дагестанских обычая. 11. Бульон из бараньей головы. 12. Районный центр в Дагестане. 13. Молитва мусульманина, вознесение хвалы Всевышнему. 14. Кисломолочный напиток, который готовят из коровьего, козьего или овечьего молока. 15. У Махмуда он один, у Омарла Батыра их два, у Расула Гамзатовича Гамзатова - три. 17. Примирение, соглашение. 19. Родной аул Шамиля. 20. Третья по высоте гора в Дагестане. 22. Даже Е. Исинбаевой не стоит произносить это слово перед прыжком. 23. Родина Али-Гаджи, классика аварской поэзии. 25. Оно хранится в знаменитых Воронцовских подвалах. 27. Зодиакальный баран. 28. Многократное повторение имени Аллаха. 29. Слово, знакомое и театралу, и борцу-вольнику. 32. Певец-сказитель. 33. Выпускник отделения филфака ДГУ. 36. Одна из столиц шамилевского Имамата. 37. Столица Зирихгерана. 38. Сорт винограда. 40. Кулинарный символ Дагестана. 41. Этого дерева все меньше и меньше в нашем городе. 42. Малый хадж. 43. Мужчина. 46. Мелкая серебряная монета, имевшая хождение на Кавказе. 47. Восточный платан. 50. Старинный центр оружейного производства в Дагестане. 52. Дагестанский вариант библейского имени Ной. 54. Уважаемый.

обращение к старшему у тюркских народов. 56. Для ювелира это всего-навсего материал. 58. Этим именем можно назвать только четвертую дочь в семье. 59. Тропический фрукт, стоящий на нашем рынке 50 рублей. 60. Аварское село на границе с Грузией. 61. Народный поэт Дагестана, отец народного поэта Дагестана. 62. Меджлис у поляков. 64. Мастер. 65. Восточное двустишие. 66. Священный день для мусульманина. 67. Переносная сакля чукчей.

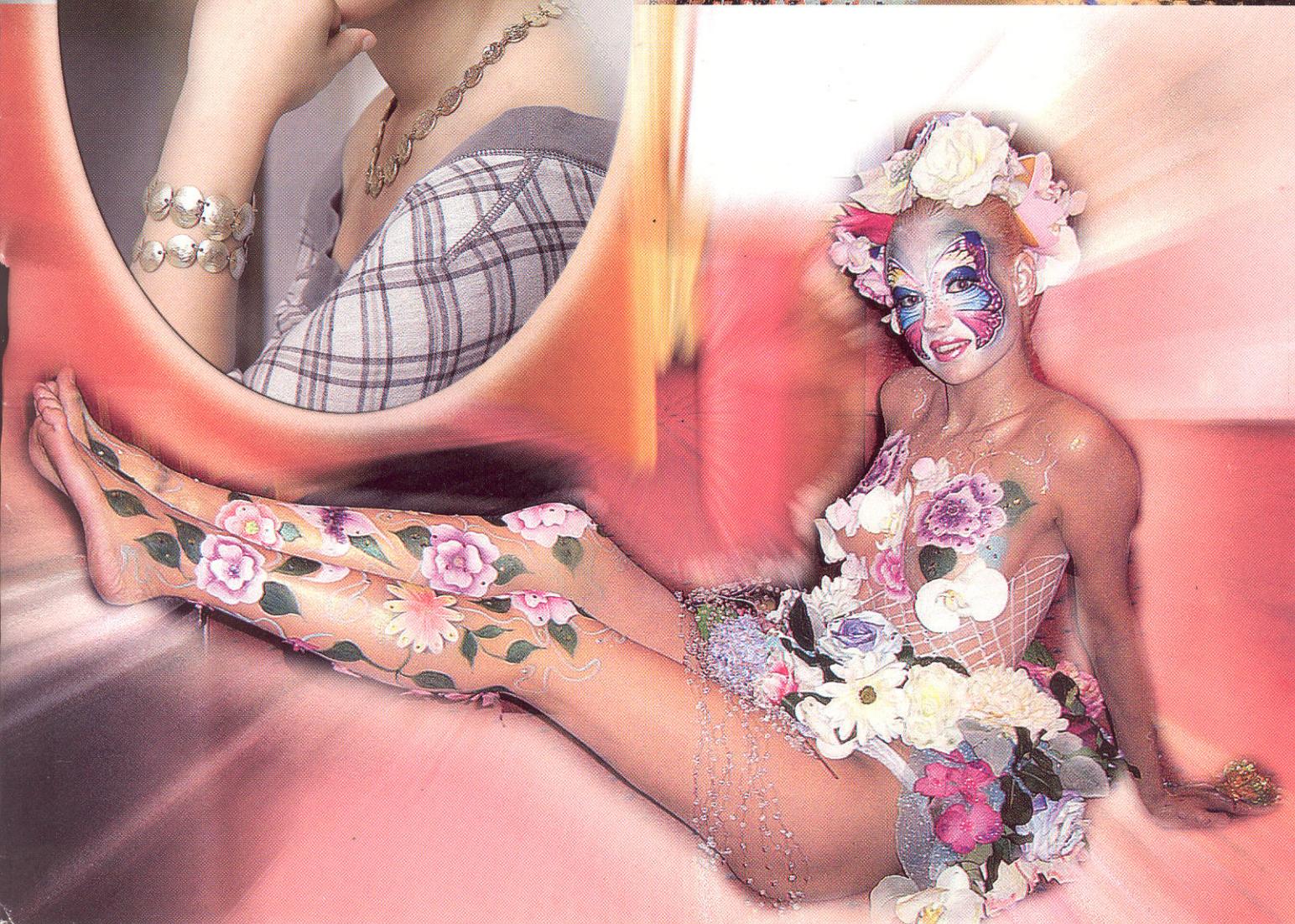
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дагестанский журналист, и записывающий, и пишущий. 2. Писатель, приговоренный аятоллой Хомейни к смертной казни по обвинению в антиисламской направленности. 3. Известный дагестанский фотограф. 4. Дагестанская форма библейского имени Аврам. 5. Дагестанец, заместитель Генерального прокурора РФ. 6. Заложник. 7. Начальник по-туркски. 8. Ее органы сосредоточены на площади Ленина в Махачкале. 9. Известный исполнитель народных аварских песен. 10. Аул, родом из которого известный шейх Саид, учитель Шамиля. 16. Выполняет ту же роль, что и папаха, но непопулярен в Дагестане. 18. Общий признак товара на Восточном рынке Махачкалы. 21. В этом селе создают художественные деревянные изделия с насечкой из серебра или мельхиора. 24. Растет в Дагестане, его плоды съедобны, а древесина идет на поделки. 26. Повесть А. Абу-Бакара. 30. Яма, темница. 31. Стадион между Махачкалой и Каспийском. 33. Дагестанский сатирик. 34. Муза, покровительница ансамбля "Лезгинка". 35. Совесть, честь. 39. Односторонний безворсовый ковер с крупными узорами. 40. Начальник махачкалинского порта. 44. В ней оказался Дагестан в результате военных действий в Чечне. 45. Европейское название орнамента, сложившегося в искусстве мусульманских стран. 48. Вид общественного транспорта, вымерший в Махачкале. 49. Самовольный захват скота или другого имущества у тюркских народов. 51. Эта ценная промысловая рыба семейства карповых водится в Каспийском море. 53. Исчезнувшее спортивное общество, перед которым был установлен памятник Али Алиеву. 55. Спутник Сuleймана в книге Э. Капиева "Поэт". 56. И препинания, и дорожный, и товарный, и отличия. 57. Храм в Мекке. 63. Им является дагестанец Мухтар Гусенгаджиев, занесенный в Книгу рекордов Гиннесса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6 (15), 2004 г.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Бланч. 4. Патиматик. 8. Хуршилова. 12. Репортаж. 13. Арба. 14. Молитва. 15. Муи. 16. Тириания. 17. Кабриолет. 18. Грязнов. 21. Невеста. 22. Хив. 23. Душман. 24. Свет. 25. Сет. 28. Чабан. 29. Чигирик. 31. Иблис. 32. Изберг. 33. Клеймо. 34. "AC". 35. Сарай. 38. Тлох. 40. Харам. 43. Кулунчакова. 44. Ашуралиев. 45. Тираж. 47. Гора. 50. Адат. 51. Капиева. 53. Буйнакск. 56. Чабрец. 57. "Запорожец". 59. "Азамат". 61. Ресторан. 62. Сорокина. 63. Самур. 67. Лакомка. 71. Уголовр. 73. Рахимич. 74. Инжир. 75. Бурка. 76. Барабан. 77. "Илчи". 78. Вобла.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Барятинский. 2. Аспирант. 3. Чаринов. 4. Пламя. 5. Имамат. 6. Ахбердилав. 7. Камалуддин. 8. Халат. 9. Шовкринский. 10. Османов. 11. Алиев. 19. Атабаев. 20. Омар. 24. Стеб. 26. Снимок. 27. Виноградарство. 30. Ирганайская. 34. Арухов. 36. Аскер. 37. Айва. 38. Туше. 39. Очаг. 41. Амина. 42. Блат. 46. Пирогов. 48. Абрек. 49. "Вечерело". 52. Азан. 54. Низами. 55. "Ленинград". 58. Омон. 60. "Радар". 63. Сардар. 64. Раджаб. 65. Аварка. 66. Махач. 68. Клуб. 69. Мука. 70. Лицо. 72. Врач.

25 часов создавала образ «Девушки-весны» на проходившем в Милане в ноябре 2004 года чемпионате мира по боди-арту и макияжу 18-летняя махачкалинка Карина Абдуллаева, за что была удостоена 5-го места. За две недели до этого на чемпионате Европы она выступила еще успешнее, попав в тройку лидеров.

На фото:
Картина художницы
Избат Уруджевой «Утро».

Фото Д. РАБАДАНОВА

